

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Число Зверя

АЗБУКА

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

Число зверя

«Азбука-Аттикус»

1980

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Хайнлайн Р. Э.

Число зверя / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус»,
1980 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-20001-2

Земля под угрозой инопланетного вторжения! Но об этом известно немногим – точнее сказать, известно лишь Избранным, и только им по силам предотвратить катастрофу. Двое мужчин и две женщины – те самые Избранные – отправляются в космос, где их ожидают невероятные приключения, где одна угроза сменяет другую, где стоит на кону судьба пространственно-временного континуума. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-20001-2

© Хайнлайн Р. Э., 1980
© Азбука-Аттикус, 1980

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	26
Глава пятая	30
Глава шестая	33
Глава седьмая	46
Глава восьмая	53
Глава девятая	58
Глава десятая	70
Глава одиннадцатая	78
Глава двенадцатая	84
Глава тринадцатая	95
Глава четырнадцатая	101
Глава пятнадцатая	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Роберт Хайнлайн

Число Зверя

Уолтеру и Мэрион Минтон¹

Robert A. Heinlein

THE NUMBER OF THE BEAST

Copyright © 1980 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

© А. Д. Иорданский (наследники), перевод, 1994

© Е. В. Маевский (наследник), перевод, 1994

© С. В. Голд, послесловие, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Часть первая

Бабочка мандарина

Глава первая

...Лучше вступить в брак, нежели разжигаться.
Савл из Тарса²

– Он Безумный Ученый, а я его Красавица Дочь.

Так она прямо и сказала. Самый древний из штампов ранней научной фантастики. Откуда бы ей, в ее-то возрасте, знать раннюю фантастику?

Когда кто-нибудь говорит глупость, лучше всего сделать вид, что ты ничего не слышал. Я продолжал танцевать и между делом поглядывал вниз, в глубокий вырез ее вечернего платья. Там все было как надо. Отличный вид. Никакого поролона.

Танцевала она хорошо. По нынешним временам девушки, даже специально учившиеся бальным танцам, так и норовят обвиться у тебя вокруг шеи, чтобы ты катал их на себе по залу. Эта передвигалась целиком на собственных ногах, держалась близко, но не прижималась, и понимала, куда я сейчас поведу ее в вальсе, за долю секунды до того, как я менял направление. Идеальная партнерша – пока не заговорит.

– Ну так что? – не пожелала она молчать.

Мой дед с отцовской стороны, препротивный старый реакционер – феминистки его линчевали бы, – часто повторял: «Зебадия, наша ошибка не в том, что мы их обули и обучили грамоте. Чего ни в коем случае нельзя было делать – так это учить их говорить!»

Легким движением руки я подал сигнал к пируэту; она выполнила вращение и вернулась обратно в мои руки точно в такт. Я повнимательнее рассмотрел ее руки и утолчки глаз. Да, она действительно была молода – минимум восемнадцать (несовершеннолетних Хильда Корнерс к себе на вечеринки не приглашала), максимум двадцать пять, в первом приближении двадцать два. Но танцевала она так, как умело только поколение ее бабушек.

– Ну так что? – повторила она, теперь уже более настойчиво.

На сей раз я не стал пытаться скрыть направление своего взгляда.

– Скажите, это они от природы держатся так горизонтально? Или у вас там невидимый бюстгальтер? Не трудно быть единственной опорой таких двойняшек?

Она посмотрела вниз, потом вверх, губы ее расплылись в улыбке.

– Да. Торчат. Но вообще-то, вы нахал, наглец, грубиян и пытаетесь сменить тему.

– Кто пытается? Я пытаюсь? По-моему, это вы на мой бесхитростный вопрос ответили амфигорией³.

– Ну надо же, «амфигорией». Я ответила четко и ясно.

– Амфигория, – повторил я. – Вы употребили слова «безумный», «ученый», «красавица» и «дочь». Первое слово имеет несколько разных значений, все остальные – предполагают субъективные суждения. В итоге семантическое содержание сводится к нулю.

Она не разозлилась – скорее задумалась:

– Что ж, папа не совсем бешеный... хотя я действительно употребила слово «безумный», имея в виду множественные значения. Я, пожалуй, согласна, что «ученый» и «красавица»

² 1 Кор. 7: 9. – *Примеч. перев.*

³ Амфигория – прозаическая или поэтическая вычурная бессмыслица. – *Примеч. С. В. Голд.*

содержат субъективные характеристики, но при чем тут «дочь»? Вы же не сомневаетесь, какого я пола? А если сомневаетесь, то хватит ли у вас квалификации, чтобы проверить наличие у меня двадцать третьей пары хромосом? Спасибо медицине, сейчас вокруг полно транссексуалов, так что менее радикальные методы проверки вас не устроят, я полагаю?

– Я предпочел бы контрольный эксперимент в полевых условиях.

– Как, прямо *посреди зала*?

– Зачем же? В кустах за бассейном. Квалификации у меня достаточно как для лабораторных условий, так и для полевых. Но когда я говорил о субъективности символа «дочь», я имел в виду отнюдь не пол, это как раз поддается верификации с помощью объективных данных. Хотя, собственно, к чему верификация, если данные столь выдающиеся?

– Не такие уж они и выдающиеся, всего девятью пять сантиметров в окружности! Совсем немного для моего роста. Сто семьдесят босиком, сто восемьдесят на этих каблуках. Просто у меня совершенно осиная талия: сорок восемь сантиметров, и это при том, что вешу я пятьдесят девять кило.

– И зубы у вас не вставные, и перхоти у вас нет. Успокойтесь, Ди-Ди, я вовсе не хотел поколебать вашу уверенность в себе.

Что я не отказался бы поколебать, так это ее выпуклости, действительно выдающиеся во всех отношениях. К этим предметам у меня пристрастие с младенчества, мне еще шести не было, а я уже это осознал – шести месяцев, разумеется.

– Но символ «дочь», – продолжал я, – предполагает не одно, а два утверждения. Одно, насчет пола, объективно верифицируемое, а другое субъективное, даже если его высказывает судебно-медицинский генетогематолог.

– Бог ты мой, какие длинные слова вы знаете, мистер. То есть, простите, доктор.

– Именно мистер. В этом университете нет никакого смысла титуловать человека доктором, тут у каждого докторская степень. Даже у меня «Д. Ф.»⁴. Знаете, что это значит?

– Кто же этого не знает. У меня тоже «Д. Ф.». «Долби и Фонтанируй».

Я быстренько переоценил ее возраст, приняв в качестве второго приближения двадцать шесть.

– В какой же области вы заработали степень? Физвоспитание, что ли?

– Мистер доктор, вы напрасно пытаетесь меня достать. Не сработает. Студенткой я специализировалась по двум предметам: один был действительно физвоспитание, и я получила право его преподавать – на тот случай, если понадобится работа. Но по-настоящему я занималась математикой, что и продолжала делать в аспирантуре.

– А я-то думал, что Ди-Ди означает Doctor of divinity.

– Доктор богословия?

– Или «божественный доктор», если хотите.

– Фу, пойдите вымойте рот с мылом! На самом деле я «Дити» – это мои инициалы: «Д. Т.», Ди-Ти. Официально же я «доктор Д. Т. Берроуз» – «доктор», потому что «мистером» я быть не могу, а «миз»⁵ или «мисс» – не желаю. Вот что, мистер: считается, что я должна поразить вас своей ослепительной красотой, а затем околдовать обаянием женственности, но, я смотрю, это не очень получается. Попробуем с другого конца. Расскажите мне, что вы там долбили и чем фонтанировали.

– Дайте припомнить. Чем же я занимался-то? Отливкой блесен? Или плетением корзинок? Знаете, это была одна из тех междисциплинарных тем, в которых ни один ученый совет

⁴ Д. Ф. – доктор философии, низшая ученая степень, часто без конкретной специализации. – Примеч. С. В. Голд.

⁵ Нейтральное обращение к женщине, не отражающее ее семейное положение, в отличие от «мисс» и «миссис». – Примеч. С. В. Голд.

ничего не понимает, так что в конце концов диссертацию просто взвешивают на весах, и все. Я разыщу ее и посмотрю, какое название дал ей парнишка, который ее написал.

– Не трудитесь. Ваша диссертация называется «Некоторые особенности шестимерного неньютонова континуума». Папа хочет ее с вами обсудить.

Я остановился, перестав вальсировать:

– Вот это да! Может, ему все-таки лучше поговорить не со мной, а с тем, кто действительно это написал?

– Не врите. Я видела, вы моргнули. Все, попались ко мне на крючок. Папа хочет побеседовать с вами о вашей диссертации, а потом предложить вам работу.

– *Работу?* Ну уж нет! Считайте, что я сорвался с крючка.

– О господи! Теперь папа *действительно* обезумел. Ну пожалуйста! Умоляю вас, сэр!

– Вы сказали, что имели в виду различные смыслы слова «безумный». Я что-то не совсем понял...

– Мой папа «безумный» в смысле «сердитый», потому что коллеги не желают его слушать. А также «безумный» в смысле «полоумный» – по мнению некоторых его коллег. Они говорят, что его работы – сплошная бессмыслица.

– А они не бессмыслица?

– Я не настолько сильный математик, сэр. В основном занимаюсь тем, что оптимизирую программное обеспечение. Детские игрушки по сравнению с n -мерными пространствами.

Высказывать свое мнение на этот счет мне, к счастью, не пришлось: зазвучало «Голубое танго». Дити растаяла в моих руках. Если вы умеете танцевать танго, то вам не до разговоров.

Дити умела. Прошла целая вечность чувственного блаженства, пока, строго с последним аккордом, я наконец не вернул ее в исходную позицию. Я поклонился и шаркнул ногой, она ответила глубоким реверансом.

– Благодарю вас, сэр.

– Уф! После такого танго партнеры обязаны пожениться.

– Давайте. Я сейчас найду хозяйку дома и скажу папе. Встречаемся через пять минут. Где? У главного входа или у бокового?

Сказано все это было с выражением тихого счастья на лице.

– Дити, – спросил я, – вы не шутите? Вы действительно решили выйти замуж за *меня*? За совершенно незнакомого вам человека?

Ее лицо осталось невозмутимым, но свет в нем погас – и еще у нее опустились сосочки. Она спокойно ответила:

– После этого танго уже нельзя сказать, что мы совершенно незнакомы. Я поняла ваши слова так, что вы предлагаете мне... что вы хотите на мне жениться. Я ошиблась?

Мой мозг лихорадочно заработал, перебирая прошедшие годы, как это бывает, говорят, с утопающими, перед глазами которых проходит вся прожитая жизнь (а откуда, собственно, известно, что у них там проходит перед глазами?): тот дождливый денек, когда старшая сестра моего приятеля приобщила меня к тайнам; то странное ощущение, которое я испытал, когда незнакомая девушка впервые принялась строить мне глазки; тот годовой контракт на совместное проживание, который начался на ура, а закончился без малейших сожалений; все те бесчисленные события, которые привели меня к твердому решению не жениться ни за что и никогда.

Я ответил немедленно:

– Вы поняли мои слова правильно. Я сделал вам предложение – в том самом, старомодном значении этого слова. Я действительно хотел бы стать вашим мужем. Но *вам-то* это зачем? Я совсем не подарок.

Она набрала полную грудь воздуха, ткань платья натянулась, и – хвала Аллаху! – сосочки снова вздернулись.

– Сэр, вы были подарком, который мне велели найти и доставить, но когда вы сказали, что теперь мы обязаны пожениться – я знала, что это всего лишь гипербола, – я вдруг почувствовала себя бесконечно счастливой и поняла, что доставить вас к папе именно *таким* способом я бы хотела больше всего на свете! – Она запнулась. – Впрочем, не буду ловить человека на слове и злоупотреблять его благородством. Если хотите, пойдемте в эти ваши кусты. И можете *не* жениться. Только вот что, – решительно заявила она, – в уплату за то, что вы меня трахнете, вы поговорите с моим отцом и позволите ему кое-что вам показать.

– Дити, что за глупость! Вы же там испортите это прелестное платье.

– Ну и подумаешь! В конце концов, я могу его снять. Возьму и сниму. Тем более что под ним ничего нет.

– Под ним ой-ой-ой что есть!

На это она улыбнулась, но тут же снова нахмурилась:

– Благодарю вас. Ну что, пошли в кусты?

– Да погодите вы! Я сейчас, кажется, поступлю как порядочный человек, а потом буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Дити, вы ошиблись. Ваш отец хочет говорить вовсе не со мной. Я ничего не понимаю в *n*-мерной геометрии. – Откуда у меня эти приступы честности? Вроде бы я ничем не заслужил такой напасти.

– Папа считает, что понимаете, этого достаточно. Ну пошли, пошли. Я хочу поскорее увезти папу отсюда, пока он не надавал кому-нибудь по морде.

– Не торопитесь. Я не просил вас ерзать со мной на травке, я сказал, что хочу на вас *жениться* – но при этом мне хотелось бы знать, почему вы хотите за меня замуж. Вы мне сказали, что от меня нужно вашему отцу. Но я не собираюсь жениться на вашем отце, он не в моем вкусе. Скажите, наконец, за себя, Дити. Или оставим этот разговор. – Интересно, я мазохист, да? Там за кустами есть пляжный лежак.

С торжественным видом она оглядела меня снизу доверху, от моих вечерних легинсов до сбившейся на сторону бабочки и короткого ежика на голове – всю стодевяносточетырехсантиметровую орясину.

– Мне нравится, как вы ведете даму в танце. Мне нравится, как вы выглядите. Мне нравится ваш рокошущий голос. Мне нравится, как вы виртуозно играете словами: прямо какой-то диспут Уорфа⁶ с Коржибски⁷ под председательством Шеннона⁸.

Она еще раз набрала полную грудь воздуха и закончила почти печально:

– А больше всего мне нравится, как от вас пахнет.

Ну, тут требовалось незаурядное обоняние: полтора часа назад я был чистехонек, просто скрипел весь, а чтобы вспотеть, мне одного вальса и одного танго мало. Но этот комплимент располагал к Дити необычайно – впрочем, в ней все располагало. Большинство девушек, желая сделать комплимент мужчине, не находят ничего лучше, как пощупать ваш бицепс и воскликнуть: «Боже мой, какой вы сильный!» Я ответил ей улыбкой:

– От вас тоже чудесно пахнет. От ваших духов мертвый и тот воскреснет.

– Я не душилась.

– А, ну так, значит, от ваших природных феромонов. Они восхитительны. Идите возьмите свою накидку. У бокового входа. Через пять минут.

⁶ Бенджамин Ли Уорф – американский ученый, один из создателей гипотезы лингвистической относительности. – *Примеч. перев.*

⁷ Граф Альберт Коржибски (1879–1950) – поляк по происхождению, создал теорию «общей семантики», базирующуюся на способности передавать идеи от поколения к поколению, и в 1938 г. возглавил одноименный институт в Чикаго. В 1933 г. выпустил книгу «Наука и здравый смысл», в которой изложил основные тезисы своего учения, утверждая, что «всеобщая семантика» дает возможность человеку быстро превратиться в сверхчеловека. Идеи Коржибски оказали заметное влияние на творчество ряда американских фантастов – прежде всего, Альфреда Э. Ван Вогта и Л. Рона Хаббарда. – *Примеч. перев.*

⁸ Клод Элвуд Шеннон – американский инженер и математик, заложивший основы теории информации. – *Примеч. перев.*

– Слушаюсь, сэр.

– Скажите вашему отцу, что выходите за меня замуж. На интересующую его тему я поговорю с ним бесплатно. Я принял это решение еще до того, как вы стали меня уговаривать. Он быстро поймет, что я не Лобачевский.

– Это уже его забота, – ответила она на ходу. – Вы позволите ему показать вам ту штуку, которую он соорудил у нас в подвале?

– Ну конечно. А что это за штука?

– Машина времени.

Глава вторая

В нашей вселенной полно бессмыслицы...

ЗЕБ:

«...И семь громов проговорили голосами своими. И произошли молнии, и землетрясение, и великий град...»

Да, в нашей Вселенной полно бессмыслицы. Подозреваю, что ее строили по правительственному заказу.

– И большой у вас подвал?

– Средний. Девять на двенадцать. Но он весь забит. Рабочие столы и разное электрооборудование.

Сто восемь квадратных метров... Потолок, должно быть, два с половиной... Пожалуй, папа здорово просчитался, как тот парень, который построил лодку в своем подвале...

Мои размышления были прерваны громким возгласом:

– Вы заучившийся тупой педант и бездарь! Ваша математическая интуиция сдохла, едва вы закончили школу!

Я не узнал кричавшего, но зато прекрасно знал того надутого типа, к которому он обращался: профессор Дональд Уолтер Бин, декан математического факультета, – Господи, помогите студентам, что пишут заявления на имя «профессора Д. У. Бина». Бинни провел всю свою жизнь в поисках Истины – собираясь по обнаружении засадить ее под домашний арест.

Профессор надулся, словно зобастый голубь, исполненный напыщенного профессионального гнева. Вид у него был такой, будто он рождает дикобраза.

Дити ахнула:

– Ну вот, началось! – и рванула туда, где разгорался скандал.

Что касается меня, то я от скандалов стараюсь держаться подальше. Я жуткий трус и хожу в фальшивых очках без диоптрий в качестве буфера, и, пока какой-нибудь болван разорется: «А ну-ка, снимите с него очки!», я успеваю слинять по-быстрому.

Я двинулся к месту скандала.

Дити стояла между его участниками, лицом к кричавшему, и говорила тихо, но твердо:

– Папа, не смей. Опять мне вытаскивать тебя из истории, да?

Она пыталась выхватить у него очки – явно для того, чтобы надеть их ему обратно. Судя по всему, он снял очки, изготавившись к бою. Он держал их так, чтобы она не могла до них добраться.

При моем росте мне не составило труда дотянуться до очков, отобрать их и вручить Дити. Она ответила мне улыбкой благодарности и надела их на отца. Тот сдался и не стал сопротивляться. Она решительно взяла его под руку.

– Тетя Хильда! – К месту происшествия подросла хозяйка дома.

– Что такое, Дити? Зачем ты их остановила, детка? Мы даже не успели сделать ставки.

Драки на званых ужинах у Шельмы Корнерс – в порядке вещей. Еду и питье она обеспечивает в изобилии, музыку – непременно в живом исполнении; эксцентричные гости у нее бывают, скучные – никогда. Так что присутствие Д. У. Бины меня удивило.

И тут я понял, что здесь произошло: спланированное соединение несовместимых компонентов.

На вопрос Хильды Дити отвечать не стала.

– Тетя Хильда, ты нас извинишь, если мы с папой и с мистером Картером сейчас уйдем? У нас появилось срочное дело.

– Ты с Джейком пожалуйста, но при чем тут Зебби? Это нечестно – его увлакивать.

Дити взглянула на меня:

– Можно я скажу ей?

– А? *Разумеется!*

Объясниться нам помешал надутый осел Бинни:

– Миссис Корнерс, доктор Берроуз не имеет права уйти, не извинившись! Я настаиваю! Он оскорбил меня!

Хозяйка дома окинула его презрительным взглядом:

– Merde⁹, профессор. Не путайте меня со своими аспирантами. Можете наорать на Джейка Берроуза, если хотите. Мы с удовольствием послушаем – если, конечно, у вас получится так же выразительно, как у него. Но *еще хоть одно словечко* этим вашим приказным тоном мне или одному из моих гостей – и вы отсюда пулей вылетите! И тогда уж извольте проследовать прямо к себе домой, поскольку вас будет разыскивать ректор! – Она повернулась к нему спиной. – Дити, ты, кажется, собиралась мне что-то сказать?

Хильду Корнерс не зря называют Шельмой, она способна поставить по стойке «смирно» даже налогового инспектора. Она не стала заниматься Бином всерьез – просто дала предупредительный выстрел в воздух, – но выражение лица у него было такое, как будто она его выпорола. Впрочем, я не успел увидеть, хватит ли его удар: надо было ответить Хильде.

– Это не Дити собиралась, Хильда: это я собирался.

– Успокойся, Зебби. Что бы ты мне ни сказал, я отвечу «нет». Ну, Дити? Что там у тебя, дорогая?

Упрямство у Хильды Корнерс как у того мула. Переиграть ее можно разве что увесистой бейсбольной битой, и не воспользовался я этим способом только потому, что она едва достает мне до подмышек и весит каких-нибудь сорок с небольшим кило. Я приподнял ее за локти и повернул лицом к себе:

– Хильда, мы собираемся пожениться.

– Зебби, дорогой! Я уж думала, ты *никогда* мне этого не скажешь.

– Не с тобой, старая ведьма! С Дити. Я сделал ей предложение, она согласилась; я хочу завершить операцию немедленно, пока не отошла анестезия.

– Это разумное соображение, – сказала Хильда с ноткой заинтересованности. Она вытянула шею, чтобы через мое плечо посмотреть на Дити. – Он тебе что-нибудь говорил про свою жену в Бостоне, Дити? Или про близнецов?

Я опустил ее, позволив стать на ноги.

– Молчи, Шельма, это серьезно. Доктор Берроуз, я холост, здоров, платежеспособен и могу содержать семью. Надеюсь, вы дадите согласие на наш брак.

– Папа говорит «да», – ответила Дити. – У меня доверенность на ведение дел от его имени.

– Ты тоже молчи, Дити. Моя фамилия Картер, сэр, Зеб Картер. Я живу в кампусе, можете навести обо мне справки. Но я хотел бы жениться на Дити немедленно, если, конечно, она не возражает.

– Я знаю, как вас зовут. Я уже навел справки. Моего согласия не требуется, Дити совершеннолетняя. Впрочем, я согласен. Только вот что... – озабоченно добавил он. – Если вы женитесь прямо сейчас, то вам, скорее всего, будет некогда беседовать со мной о деле, а? Или все-таки найдете время?

– Найдет, папа, найдет. Мы обо всем договорились.

– Вот как? Хильда, спасибо за чудесный вечер. Я тебе позвоню завтра.

⁹ Дерьмо (фр.). – Примеч. С. В. Голд.

– Никуда не позвонишь. Ты явишься лично и дашь мне полный отчет. И имей в виду, Джейк: в свадебное путешествие ты с ними *не едешь*. А то я тебя знаю. Я все слышала – даже не думай, Джейк, медовый месяц они проведут *без тебя*.

– Тетя Хильда, ну не надо! Ну пожалуйста! Я все устрою.

У бокового выхода мы оказались почти точно в условленное время. На стоянке возник спор: на чьей машине ехать. Моя, вообще-то, двухместная, но в случае нужды в ней усядутся четверо: есть два задних сиденья, вполне приемлемые для недолгих поездок. У них был четырехместный семейный седан, не скоростной, но зато просторный, а главное – в нем находились их вещи.

– Сколько у вас багажа? – спросил я у Дити, прикидывая: две сумки уместятся на одном из задних сидений, а мой будущий тесть как-нибудь устроится на другом.

– У меня немного, а у папы две большие сумки и толстый кейс. Да ты сам посмотри.

– Да, пожалуй. – Про себя я чертыхнулся. Я предпочитаю собственную тачку. Терпеть не могу водить чужие машины; не исключалось, что Дити водит так же блестяще, как танцует, но наверняка-то я этого *не знал*, а потому побаивался. Что до ее отца, то его кандидатура в качестве водителя даже не подлежала обсуждению: человеку с таким неуравновешенным характером как-то не хочется вверять свою жизнь и здоровье. Может быть, Дити уговорит его ехать отдельно, следом за нами? Во всяком случае, моя невеста поедет *со мной!* – Ну, так где они, ваши вещи?

– Вон там, в дальнем углу. Сейчас отопру и зажгу свет. – Она залезла к отцу во внутренний карман пиджака и достала «волшебную палочку».

– Меня, меня подождите! – раздался вдруг крик нашей хозяйки. Хильда бежала к нам по дорожке от своего дома, в одной руке у нее болталась сумочка, в другой развевались примерно восемь тысяч нью-долларов в виде рыжей норковой накидки.

Мы снова стали выяснять, кто на чем поедет. Как я понял, Шельма решила составить нам компанию, чтобы приглядеть за Джейком – как бы чего не натворил, а задержалась потому, что объясняла Максу (это ее вышибала, дворецкий и шофер), как обходиться с пьяными: вышвыривать вон или укрывать одеялом. Выслушав Дити, она объявила:

– Так, ясно. Мы с Джейком едем на вашей машине, я с ней отлично управлюсь. А ты, милая моя, поедешь с Зебби. – Она повернулась ко мне. – Зебби, поедешь медленно, чтобы я за тобой успевала. И пожалуйста, без фокусов. Не вздумай оторваться, а то натравлю на тебя копов.

Я посмотрел на нее своими большими невинными глазами:

– Что ты, Шельмочка, милая, ты же знаешь, что я бы так никогда с тобой не поступил.

– Я тебя знаю, рожа бандитская, ты мэрию сопреешь, если только найдешь способ ее увезти. Кто, скажи, пожалуйста, вывалил ко мне в бассейн ту гору фруктового желе?

– Я тогда был в Африке, ты прекрасно это знаешь.

– Рассказывай! Дити, дружок, держи его на коротком поводке и не корми мясом. Но замуж за него выходи: он у нас богатенький. Ну ладно, где твой дистанционный пульт? И где ваша машина?

– Вот, – сказала Дити, продемонстрировав «волшебную палочку», и нажала кнопку.

Я сгреб всех троих в охапку и повалил на землю. Мы упали как раз в тот момент, когда взрыв разметал все в клочья. Все, кроме нас. Корпусы машин приняли удар на себя.

Глава третья

...Профессора Мориарти так просто не перехитришь...

ЗЕБ:

Не спрашивайте, как это у меня получилось. Спросите акробата, как он делает сальто-мортале. Спросите игрока, откуда он знает, что надо идти ва-банк. Но не спрашивайте меня, как мне удастся предвидеть такие вещи за миг до того, как они произойдут.

Получается это только тогда, когда дело действительно серьезное. Я не могу сказать, что содержится в письме, пока его не распечатаю (однажды смог, но в тот раз в конверте была бомба). Я не способен предугадывать безобидные события. Но без этого знания, приходящего в последнюю долю секунды, я вряд ли сумел бы долго оставаться живым и относительно невредимым в нашу эпоху, когда от рук убийц погибает больше народу, чем от рака, и когда излюбленный способ покончить с собой – это забраться с винтовкой на какую-нибудь башню и постреливать оттуда, пока спецназ с тобой не разберется.

Я не *вижу* за поворотом машину, которая сейчас вылетит на встречу, я просто автоматически сворачиваю в кювет. Когда началось землетрясение в Сан-Андреасе, я выпрыгнул из окна и к моменту толчка уже был под открытым небом, а почему выпрыгнул, и понятия не имел.

В остальном же мои экстрасенсорные способности более чем ненадежны: я их покупал по дешевке на распродаже излишков военного оборудования.

Я растянулся сверху, пытаюсь прикрыть всех троих сразу, а потом быстро вскочил, чтобы кого-нибудь не придавить, подал руки женщинам и помог подняться папочке. Все были целы. Дити смотрела на пламя, вздымавшееся там, где только что стояла их машина, и личико у нее было невозмутимое. Ее отец что-то искал на земле. Дити остановила его:

– Вот, папа. – И водрузила обратно ему на нос свалившиеся очки.

– Спасибо, милая. – Он направился было к огню. Я схватил его за плечо:

– Нет! Ко мне в машину, *быстро*!

– А мой кейс? Вдруг его еще можно спасти.

– Без разговоров! Все за мной!

– Папа, не спорь. – Хильду Дити просто потащила за руку. Мы запихнули старших на задние сиденья, я посадил Дити на переднее, рывкнул: «Ремни!», захлопнул дверь и obeжал вокруг машины со сверхзвуковой скоростью.

– Ремни пристегнули? – спросил я, пристегнувшись сам и задрав дверцу.

– Джейк пристегнут, я тоже, Зебби, – радостно пропела Хильда.

– Ремни пристегнуты, дверь заперта, – отрапортовала Дити.

Двигатель работал, я оставил его включенным на малых оборотах – какой толк от скоростной машины, если она не может рвануть с места? Я переключился с малых оборотов на полные, бросил взгляд на приборы и, не включая огней, отпустил тормоз.

Как известно, в пределах города аэромобилям предписывается передвигаться без отрыва от земли – вот я сразу и задрал нос машины кверху, так что она и метра по городу не проехала, а взмыла вертикально прямо со стоянки.

Примерно полкилометра мы шли вверх с нарастающим ускорением: два *g*, три, четыре. На пяти *g* я ее придержал, не будучи уверен, что папочкино сердце выдержит такую перегрузку. Когда альтиметр показал четыре километра, я вырубил все: двигатель, транспондер, приборы, потом ударил по кнопке, сбрасывающей ложные цели, – и пустил машину в свободный полет по баллистической траектории. Я не *знал*, отслеживает нас кто-нибудь или нет, – да и не хотел знать.

Как только мы перестали набирать высоту, я осторожно выдвинул крылья. Убедившись, что мы легли на воздух, я сделал бочку, поставил крылья в дозвуковую конфигурацию, и мы перешли в планирующий полет.

– Ну как, целы?

– Ух, дружочек, – нервно хихикнула Хильда. – Ну и номер был! Давай еще разок, только пусть на этот раз меня кто-нибудь поцелует.

– Заткнись, старая бесстыжая греховодница. Папа, вы как?

– Я в порядке, сынок.

– Дити?

– Все в норме.

– Ты не ушиблась там, на стоянке, когда мы падали?

– Никак нет, сэр, я успела сгруппироваться и принять удар на левую ягодицу, а заодно подхватить папины очки. Но в следующий раз, пожалуйста, подставь кровать. Или хотя бы мат потолще.

– Учту на будущее. – Я включил радио (но не транспондер) и прошелся по всем полицейским частотам. Если кто-то и заметил наши маневры, в эфире о них никаких разговоров не было. Мы снизились до двух километров; я сделал резкий вираж вправо и включил мотор.

– Дити, где вы с папой живете?

– В Логане, штат Юта.

– Сколько там нужно времени, чтобы зарегистрировать брак?

– Зебби, – вмешалась Хильда, – в Юте нет срока ожидания...

– Ну вот и отлично, поехали в Логан.

– ...Но зато там требуют анализ крови. Дити, ты знаешь, какое у Зебби прозвище в кампусе? Его называют Вас-Положить, то есть Вассерман-положительный¹⁰. Зебби, всем известно, что единственный штат, где браки регистрируются круглосуточно, без срока ожидания и без анализов, – это Невада. Так что нацеливай свою бомбу на Рино, там и распишетесь.

– Шельма, лапочка, – мягко сказал я, – ты не хочешь прогуляться две тысячи метров до дому?

– Не знаю, я никогда не пробовала.

– Имей в виду, что ваше сиденье катапультируется... Только без парашюта.

– О, как романтично! Джейк, мы с тобой будем падать и петь «Liebestod»¹¹ – ты тенором, я сопрано, и мы умрем в объятиях друг друга. Зебби, нельзя ли подняться повыше? А то мы не успеем допеть.

– Доктор Берроуз, суньте своей попутчице кляп в рот. Шельма, «Liebestod» – к твоему сведению, номер сольный.

– Ну и подумаешь! Зато мы все-таки умрем обнявшись! А ты просто завидуешь, потому что петь не умеешь. Между прочим, я еще тогда говорила малышу Дикки¹², что это должен быть дуэт, и Козима¹³ меня поддержала...

– Шельма, держи свой лживый рот на замке, пока я говорю. Во-первых: все твои гости знают, зачем мы уехали, и несомненно решат, что мы отправились в Рино. Ты же наверняка всем об этом растрепала, когда уходила...

– Да, кажется. Действительно объявила.

– Заткнись. Кто-то совершил очень профессиональную попытку убить доктора Берроуза. Не просто убить, а гарантированно убить: там было столько взрывчатки и термита, что и остан-

¹⁰ Проба Вассермана – анализ на наличие сифилиса. – *Примеч. перев.*

¹¹ «Liebestod» («Смерть в любви») – финал оперы Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда». – *Примеч. перев.*

¹² Дик – уменьшительное от Ричард (Рихард). – *Примеч. С. В. Голд.*

¹³ Козима – имя второй жены Рихарда Вагнера. – *Примеч. перев.*

ков бы не нашли. Но весьма возможно, что никто не видел, как мы улетели. Мы оказались в моей тачке и упорхнули меньше чем через тридцать секунд после того, как сработала мина-ловушка. Случайные свидетели глазели бы на пожар, а не на нас. А *неслучайных* там просто бы не было. Профессионал, подстроивший взрыв машины, либо залегает поглубже в нору, либо пересекает границу штата и бесследно исчезает. А вот тот или те, кто ему за это заплатил, могли оказаться поблизости. И если они там действительно были, Хильда, то они были в твоём доме.

– Кто-то из моих *гостей*?!

– Да брось ты, Шельма! Нравственный уровень твоих гостей тебя ничуть не интересует. Ты готова пригласить кого угодно, лишь бы эта личность умела швыряться тортами или могла бы устроить импровизированный стриптиз или выкинуть ещё какую-нибудь шутку, чтобы твои гости не заскучили. Впрочем, я вовсе не утверждаю, что главный злодей был у тебя в числе приглашённых – я просто считаю, что он не стал бы оставаться там, где его могли застукать. А твой дом как раз очень подходит, чтобы притаиться в сторонке и наблюдать за осуществлением плана.

Но кто бы этот злодей ни был, гость или не гость, он *знал*, что доктор Берроуз будет у тебя на вечеринке. Хильда, кому это было известно?

– Не знаю, Зебби, – ответила она с необычной для неё серьёзностью. – Дай подумать.

– Думай как следует.

– Гм... Пожалуй, мало кто знал. Кое-кого я позвала именно потому, что должен был прийти Джейк, – тебя, например...

– Это я понял.

– Но тебе я не говорила, что Джейк будет. А кое-кому сказала – например, Дубине, но что-то мне не верится, что этот старый болван способен установить бомбу в машину.

– Мне тоже не верится, но убийцы никогда не выглядят убийцами, они выглядят обыкновенными людьми. За *сколько* времени до вечеринки ты сказала Дубине, что папа будет в числе гостей?

– Тогда же, когда я его приглашала... так... это было восемь дней назад.

Я вздохнул:

– Ну, тогда у нас на подозрении оказывается не только кампус, но весь земной шар. Придется подойти с другой стороны: не кто мог, а кто хотел бы. Доктор Берроуз, кто может желать вашей смерти?

– Таких полным-полно!

– Давайте сформулируем по-другому: кто ненавидит вас с такой силой, что не пощадит и вашей дочери, только бы *вас* отправить на тот свет? А также не остановится перед убийством совершенно посторонних людей вроде Хильды и меня. Последний факт мало что добавляет к общей картине, за исключением того, что ему наплевать, кто ещё попадет под раздачу. Этот парень явно какой-то ущербный. Аморальный. Так *кто же он*?

Папа Берроуз замялся.

– Доктор Картер, разногласия между математиками порой принимают весьма обостренный характер... и я в этом смысле не безгрешен. – (Да, это уж мы видели, папочка!) – Но такого рода конфликты редко выливаются в насилие. Даже гибель Архимеда имела лишь косвенное отношение к его... к нашей профессии. Да еще втянуть во все это мою дочь – нет, даже доктор Бин, при всем моем к нему неуважении, вряд ли на такое способен.

– Зеб, а может быть, они *на меня* покушались? – сказала Дити.

– Это *ты* мне скажи. Чью куколку ты поломала?

– Гм... Не думаю, чтобы кто-нибудь невзлюбил меня настолько сильно, чтобы кокнуть. Звучит наивно, но это правда.

– Это правда, – встала Шельма. – Дити совсем как ее покойная мать. Когда мы с Джейн – это ее мама и моя лучшая подруга до самой ее смерти, – когда мы с ней жили в одной комнате

в колледже, я то и дело вляпывалась в разные истории, а Джейн меня вечно из них вытаскивала, но сама она никогда ни во что подобное не попадала. Она всех мирила. И Дити тоже такая.

– Ну что ж, Дити, значит, ты ни при чем. Хильда тоже ни при чем, и я тоже, потому что тот, кто подложил бомбу, никак не мог заранее быть уверен, что мы с ней окажемся возле вашей машины в момент взрыва. Так что они охотятся на папу. Кто охотится – неизвестно, почему – тоже неизвестно. Когда мы выясним почему, то станет ясно кто. А пока папу нужно подальше упрятать. Я собираюсь незамедлительно жениться на тебе – не только потому, что ты приятно пахнешь, но и для того, чтобы иметь законное право участвовать в драке.

– Значит, мы летим в Рино.

– Заткнись, Шельма. Мы уже давно взяли курс на Рино.

Я включил транспондер, но перекинул тумблер не вправо, а влево. Теперь он будет отвечать на все запросы законным зарегистрированным сигналом – только зарегистрированным не на мое имя. Это обошлось мне в некоторое количество сребреников, которые мне были не так уж и нужны, зато пришлось очень кстати одному обремененному семьей парню из Индио, который прекрасно умел держать язык за зубами. Совершенно не обязательно, чтобы воздушная полиция опознавала тебя всякий раз, как ты пересекаешь границу штата.

– Но на самом деле ни в какое Рино мы не летим. Все эти ковбойские маневры предназначались для того, чтобы ввести в заблуждение глаз, радар и теплоискатель. Помните, я сделал резкий вираж во время планирующего полета? Так вот, это я уходил от теплоискателей. Либо мы от них таки ушли, либо это была перестраховка, но как бы то ни было, ни одна ракета нам в хвост не зашла. Скорее всего, это была перестраховка: тот, кто подкладывает в машины бомбы, вряд ли способен сбивать аэромобили на лету. Но я не был уверен, поэтому подстраховался. Вероятно, все уверены, что мы погибли при взрыве и пожаре, и будут уверены до тех пор, пока обломки не остынут и не станет светло – ночью место происшествия обследовать трудно. Может, они и дальше будут сохранять эту уверенность, потому что копы могут и не объявить, что никаких органических останков не найдено. Но я *обязан* исходить из того, что профессора Мориарти так просто не перехитришь, что он следит за всеми полицейскими частотами из своей тайной штаб-квартиры, что он знает, куда мы взяли курс, и что в Рино нам уже приготовлен не слишком-то любезный прием. Вот поэтому-то в Рино мы и не летим. А теперь потише, пожалуйста: я объясню этой малышке, что ей делать.

Компьютер-пилот моей машины не умеет готовить, но то, что она умеет, она делает хорошо. Я вызвал на ее дисплей карту региона, изменил масштаб, введя в поле зрения штат Юта, и прочертил световым пером маршрут – очень сложный: ей предписывалось забраться довольно далеко на юг и обогнуть Рино, затем повернуть обратно на север, пролететь порядочное расстояние к востоку над безлюдными местами и выйти на Логан несколько севернее базы ВВС. Я задал высоту над землей, предоставив ей самой делать поправки на рельеф местности, чтобы нас не трясло, и добавил к этому кое-какое изменение скорости, как только мы окажемся вне досягаемости радаров Рино.

– Все ясно, детка? – спросил я.

– Все ясно, Зеб.

– Предупреди за десять минут, пожалуйста.

– Предупредить за десять минут до завершения маршрута. Будет сделано.

– Ты умница, Ая.

– Уверена, босс, вы всем девушкам это говорите. Конец связи.

– Понял, конец связи, Ая. – Дисплей погас.

Разумеется, я мог бы запрограммировать свой автопилот таким образом, чтобы он принимал план полета по нажатию клавиши «Выполнять». Но разве не приятнее, когда тебе отвечают нежным контральто? Впрочем, на самом деле я обращаюсь к «Умнице» при изменении плана полета для того, чтобы она опознала *мой* голос. Опытный электронщик мог бы найти

способ вскрыть мой замок и угнать машину вручную. Но при первой же попытке воспользоваться автопилотом компьютер не только не подчинился бы, но и заорал бы «на помощь» на всех полицейских частотах. А это обычно слегка обескураживает угонщиков.

Оторвавшись от компьютера, я заметил, что Дити внимательно следит за моими действиями. Я приготовился к вопросам. Но она только сказала:

– У нее очень приятный голос, Зеб.

– Ая Плутиска вообще очень симпатичная девушка, Дити.

– И талантливая. Зеб, я еще ни разу не ездила в «форде», который умел бы столько всего делать. Как ее зовут, ты говоришь? Ая Плутиска?

– Когда мы поженимся, я вас официально познакомлю. Для этого ее придется немного перепрограммировать.

– С нетерпением буду ждать возможности познакомиться с ней поближе.

– Познакомишься. Только Ая не совсем «форд». Внешний дизайн действительно фордовский, в канадском исполнении. Почти все остальное некогда принадлежало австралийским вооруженным силам. Но я еще кое-что добавил сам. Знаешь, боулинг, ванную комнату, веранду, всякое такое. Для уюта.

– Не сомневаюсь, что она оценила это по достоинству, Зеб. Я-то оценила. По-моему, если б не твои усовершенствования, от нас бы давно осталось мокрое место.

– Очень может быть. Вообще-то, Ая уже не раз спасала мне жизнь. Ты еще не обо всех ее талантах знаешь.

– Меня уже ничто не удивит. Я даже не удивилась, что ты не велел ей приземлиться в Логане.

– Логан, похоже, еще одно место, где нам готовят торжественную встречу. Кто в Логане знал, что вы с отцом будете у Хильды?

– От меня – никто.

– Почта? Молочник? Газеты?

– К нам домой ничего не доставляют, Зеб. – Она обернулась назад. – Папа, в Логане кто-нибудь знает, куда мы поехали?

– Доктор Картер, насколько мне известно, в Логане никто не осведомлен о самом факте нашего отъезда. Я многие годы жил в кишачей сплетнями академической среде и приложил большие усилия, чтобы обеспечить себе приватность.

– Ну, тогда предлагаю всем ослабить ремни и прикорнуть. Пока до Логана не останется десять минут ходу, делать нам все равно нечего.

– Доктор Картер...

– Зовите меня просто Зеб, папочка. Привыкайте.

– Хорошо, сын, пусть будет «Зеб». На восемьдесят седьмой странице вашей монографии, после уравнения один – двадцать один, в разделе о вращении шестимерных пространств положительной кривизны, вы пишете: «Из этого следует, что...» – и сразу после этого приводите уравнение один – двадцать два. Как это у вас получилось? Я не возражаю, сэр, – напротив! Но в своей собственной неопубликованной работе мне пришлось потратить на это преобразование добрый десяток страниц. Вы к этому пришли интуитивно? Или просто опустили подробности в публикации? Поймите, это с моей стороны не критика, результат так и так получился блестящий, я из чистого любопытства...

– Доктор, эту работу написал не я. Я уже говорил Дити.

– Он так и сказал, папа.

– Ой, кончайте уже! Два доктора по имени Зебулон Э. Картер в одном кампусе? Вы это хотите сказать?

– Нет. Просто это не мое имя. Меня зовут Зебадия Дж. Картер. Зебулон Э., то есть Эдвард, Картер – уменьшительно Эд – это мой двоюродный брат. Кажется, формально он и

правда числится в сотрудниках нашего университета, но на самом деле он на год уехал по обмену в Сингапур. Это не так невероятно, как кажется: в нашей семье у *всех* мужчин имена начинаются на букву «З». Это связано с деньгами, завещанием и трастовым фондом¹⁴, а также с тем фактом, что мои дед и прадед были несколько эксцентричны.

– В отличие от *тебя*, – съязвила Хильда.

– Помолчи, дорогая. – Я повернулся к Дити. – Дити, намерена ли ты разорвать нашу помолвку? Я тебе честно пытался объяснить, что ты приняла меня за другого.

– Зебадия...

– Да, Дити?

– Я намерена выйти за тебя замуж не позже чем сегодня. Но мы еще ни разу не целовались. Я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

Я отстегнул свой привязной ремень и протянул руки, чтобы отстегнуть ремень Дити, но обнаружил, что она уже сделала это сама.

Целуется Дити еще лучше, чем танцует танго.

Во время краткой передышки я шепнул ей на ухо:

– Дити, как расшифровываются твои инициалы?

– Я скажу, только ты не смейся, ладно?

– Не буду. Но должен же я знать. Хотя бы ради церемонии бракосочетания.

– Да, конечно. В общем, Ди-Ти – это «Дея Торис».

Дея Торис... Дея Торис Берроуз... Дея Торис *Картер*! Удержаться от хохота я не сумел, как ни старался. Я тут же осадил себя, но было уже поздно: Дити обиделась.

– Ты обещал, что не будешь смеяться, – печально сказала Дити.

– Дити, дорогая, я смеялся не над *твоим* именем, а над *своим*.

– Не нахожу ничего смешного в имени Зебадия. Оно мне нравится.

– Мне тоже. По крайней мере я не затеряюсь среди разных Бобов, Эдов и Томов. Но я не сказал тебе, как мое второе имя. Ну-ка, какое смешное имя начинается с «Дж»?

– Представления не имею.

– Я тебе подскажу. Я родился неподалеку от университета, основанного Томасом Джефферсоном. В день окончания колледжа мне присвоили звание младшего лейтенанта запаса аэрокосмических войск. Меня повышали в звании дважды. Мой второй инициал означает «Джон».

Она сообразила менее чем за секунду:

– Капитан... Джон... Картер. Из Вирджинии.

– «Атлетически сложенный мужчина-воин лет тридцати», – подтвердил я. – Каор, Дея Торис. Рад служить тебе, моя принцесса. Отныне и навеки!

– Каор, капитан Джон Картер. Гелиум счастлив принять тебя¹⁵.

Хохоча, мы повалились в объятия друг другу. Через некоторое время хохот смолк и перешел в новый поцелуй.

Когда мы разомкнули губы, чтобы глотнуть воздуха, Хильда похлопала меня по плечу:

– Над чем это вы так заливаетесь?

– Сказать ей, Дити?

– По-моему, не стоит. Разболтает.

– Еще чего! Чтобы я да разболтала? Я знаю твое полное имя, я держала тебя на руках при крещении – и то ни одной живой душе не сказала. Ох и мокрая же ты была тогда! С обоих концов. Ну так что?

¹⁴ *Трастовый фонд* – фонд доверительного управления финансами или имуществом. – *Примеч. С. В. Голд.*

¹⁵ *Капитан Джон Картер из Вирджинии (США)* и его жена *Дея Торис из Гелиума (планета Марс)* – главные герои цикла романов американского писателя Эдгара Р. Берроуза (1875–1950) о марсианах. «Каор» – по Берроузу, марсианское приветствие. – *Примеч. перев.*

– Ладно, так и быть, скажем. Нам не надо жениться, мы *уже* женаты. Очень давно. Больше ста лет.

– Что-что? – встрепнулся папочка. Я объяснил. Он подумал и кивнул: – Логично.

И тут же вернулся к своей записной книжке, в которой делал какие-то пометки. Потом опять обратился ко мне:

– Ваш кузен Зебулон... в телефонной книге его телефона, я думаю, нет?

– Скорее всего, нет, но разыскать его нетрудно, он живет в отеле «Нью-Раффлз».

– Прекрасно. Попробую позвонить и в университет, и в отель. Доктор... э-э... сын... Зеб, нельзя ли вызвать Сингапур прямо отсюда? Мой комкредитный код: Неро, Алеф, восемь ноль один, тире, семь пять два, тире, три девять три два, зет звездочка зет. Кредитный рейтинг: зет звездочка зет! Нечего опасаться, что будущий тесть окажется у меня на иждивении.

– Папа, – вмешалась Дити, – тебе *не следует* тревожить профессора Картера – Зебулона Картера – в это время суток.

– Но помилуй, дочь, в Сингапуре сейчас время не позднее, там сейчас...

– Знаю, я умею считать. Ты просишь его о любезности, так не прерывай его послеобеденный отдых. Помнишь? «Бешеные псы и англичане»¹⁶.

– Но в Сингапуре вовсе не полдень. Там...

– ...Время сиесты. Еще жарче, чем в полдень. Так что подожди.

– Папа, Дити права, – перебил я, – но совсем не поэтому. Насколько я понимаю, то, что вы хотите у него выяснить, – это для вас отнюдь не вопрос жизни и смерти. А вот звонить из этой машины, да еще по вашему коду – это, возможно, как раз вопрос жизни и смерти для нас всех. Пока мы не выяснили, кто такие эти «ребята в черных шляпах»¹⁷, я бы вам советовал звонить только из телефонов-автоматов и притом не по коду, а только за нью-доллары. Скажем, из Пеории. Или из Падьюки. Потерпите, а?

– Ну, раз так, сэр, потерплю, конечно. Хотя я совершенно не в состоянии поверить, что кому-то понадобилось меня убить.

– На это указывают все имеющиеся данные.

– Согласен. Но эмоционально я все еще не могу это воспринять.

– Его надо бейсбольной битой, иначе он ничего эмоционально не воспримет, – сказала Хильда. – Мне пришлось сидеть на нем, чтобы не сбежал, пока Джейн делала ему предложение.

– Ну что ты, Хильда, милая, это абсолютно не соответствует действительности. Я написал моей покойной возлюбленной учтивое письмо, в котором говорилось...

Я не стал дослушивать их спор и попытался расширить круг имеющихся данных:

– Ая Плутиска!

– Да, босс?

– Новости, дорогая.

– Готова, босс.

– Параметры поиска: время – начиная с двадцати одного ноль-ноль. Регион – Калифорния, Невада, Юта. Персоналии – твой добрый босс; доктор Джейкоб Берроуз; доктор Ди-Ти Берроуз; миз Хильда Корнерс... – Я на секунду задумался. – Профессор Дональд Уолтер Бин.

Включать в список старого дурака Бинни было как-то странно. Я чувствовал себя глупо, включая в список Бинни, но между ним и папочкой произошел скандал, а много-много лет назад лучший из моих учителей сказал: «Никогда не пренебрегай так называемыми тривиальными корнями уравнения» – и добавил, что за тривиальные корни были присуждены две Нобелевские премии.

¹⁶ «*Mad dogs and englishman*» – песня 1931 г. Noel Coward, в ней поется, что под полуденное солнце выходят лишь бешеные собаки и англичане, а все остальные прячутся в тени. – *Примеч. С. В. Голд*.

¹⁷ В старых вестернах злодеев неизменно распознавали по черным шляпам, тогда как хорошие герои носили, как правило, белые. – *Примеч. перев.*

– Ввод параметров завершен, босс?

Доктор Берроуз положил мне руку на плечо:

– Может ваш компьютер заодно проверить и наличие каких-либо сообщений о вашем кузене?

– Гм... пожалуй, может. Она хранит шестьдесят миллионов байтов, потом стирает, начиная с более ранних, все, что не переведено в постоянную память. Но ее память для текущих новостей на шестьдесят процентов ориентирована на Северную Америку. Попробуем. Умница!

– Жду распоряжений, босс.

– Дополнение. Вначале поиск по ранее введенным параметрам. Затем поиск по новой программе. Время – от настоящего момента до самого раннего вхождения. Регион – Сингапур. Персоналия – Зебулон Эдвард Картер, он же Эд Картер, он же доктор З. Э. Картер, он же профессор З. Э. Картер, он же профессор либо доктор Картер из университета Раффлз.

– Две последовательные программы поиска. Принято к исполнению, Зеб.

– Ты умница, Ая.

– Уверена, босс, вы всем девушкам это говорите. Конец связи.

– Понял, конец связи, Ая. Выполняй!

– Агентство АП, Сан-Франциско. Загадочный взрыв нарушил безмятежную тишину университетского кампуса... – Из сообщения, заканчивавшегося обычным в таких случаях обещанием арестовать виновников «незамедлительно», явствовало следующее: предполагалось, что все мы погибли. Начальник полиции нашего поселка заявил, что у него есть версия, но он пока что оставит ее при себе – иными словами, ему было известно еще меньше, чем нам. Поскольку мы считались «предположительно погибшими» и поскольку в сообщении ничего не говорилось о каких-либо угонах или иных проделках, которые не нравятся воздушной полиции, я заключил, что в поле зрения полицейских радаров мы не попали, а если и попали, то уже после того как сделались одним из многочисленных пятнышек в небе, ведущих себя вполне законопослушно. То, что в сообщении не упоминалось об исчезновении моей Аи Плутишки, меня не удивило, так как я прибыл и припарковал ее одним из последних, да и вообще мог приехать на такси, на общественной капсуле или прийти пешком. Доктор Бин не упоминался, ни слова не было и о скандале. Гостей допросили и отпустили. Пять машин, припаркованных вблизи места взрыва, получили повреждения.

– Невада – информации нет. Юта – агентство ЮПИ, Солт-Лейк-Сити. Пожар неподалеку от кампуса университета штата Юта в Логане уничтожил... – Снова Черные Шляпы, причем Дити и ее папа, оказывается, погибли еще один раз, так как полиция пришла к выводу, что они задохнулись в дыму и не смогли выбраться из дома. Больше никто не пострадал и не пропал без вести. Причиной пожара была сочтена неисправная электропроводка. – Конец первого поиска, Зеб. Начинаю второй. – Ая замолчала.

– Кто-то очень вас не любит, папа, – заметил я.

– Боже мой! Все погибло, все! – простонал он.

– Может быть, где-то есть другие экземпляры ваших работ? И вашей... установки?

– Что? Да нет, все *гораздо* хуже! Погибла моя невосполнимая коллекция палп-журналов. «Таинственные истории», «Аргоси», «Все истории», ранние Гернсбеки, «Тень», «Черная маска» – о боже!

– Для папы это действительно страшный удар, – шепнула мне Дити, – да и я сейчас, наверно, зареву. Я же училась читать по этой коллекции. «Воздушные асы», «Чудеса авиации», полный комплект клейтоновских «Захватывающих историй»...¹⁸ Все это оценивалось в двести

¹⁸ Журнал «Astounding» («Захватывающие истории») с момента основания в 1930 г. до продажи его издательскому дому «Street & Smith» в 1933 г. выпускался корпорацией Уильяма Клейтона. – Примеч. С. В. Голд.

тринадцать тысяч нью-долларов. Дедушка начал собирать, папа продолжал, ну а я выросла среди этого богатства...

– Бедная ты моя, – обнял я Дити. – Надо было их перевести на микрофиши.

– Мы перевели. Но это совсем не то, что держать журналы в руках.

– Да, ты права. А что насчет той... штуки в подвале?

– Что еще за «штука в подвале»? – вмешалась Шельма. – Зебби, это что-то прямо из Лавкрафта!

– Я тебе потом объясню, Шельмочка. Успокой пока Джейка, мы заняты. Ая!

– Слушаю, Зеб. Куда летим?

– Карту на дисплей, пожалуйста. – Мы были где-то на полпути над Северной Невадой. – Отмена маршрута, полет произвольный. Назови ближайший центр графства.

– Уиннемака и Элко. Равноудалены от нашего местонахождения с точностью до одного процента. Прибыть в Элко сможем раньше, так как необходимое отклонение от курса составит всего одиннадцать градусов к югу.

– Дити, ты хочешь выйти замуж в Элко?

– Зебадия, я буду счастлива выйти замуж в Элко.

– Значит, летим в Элко, но до полного счастья, возможно, придется еще немного потерпеть. Ая, курс на Элко, скорость нормальная гражданская. Сообщил, через сколько минут ожидается прибытие.

– Поняла, курс на Элко. Девять минут семнадцать секунд.

– Ну Джейк, ну милый, успокойся, мамочка с тобой, – проворковала Хильда. Но тут же перешла на свой разносный капральский тон: – Кончай темнить, Зебби! Что за «штука» и в каком она подвале?

– Шельма, не суй нос куда не просят. У папочки была одна вещь, теперь она погибла, остальное не твое дело.

– О, она не погибла, – сказал доктор Берроуз. – Зеб имеет в виду мой континуумоход, Хильда. С ним все в порядке. Он не в Логане.

– Что это еще за чертовщина – континуумоход?

– Папа имеет в виду, – объяснила Дити, – свою машину времени.

– Ну, так бы и сказал! Кто ж не знает про машину времени! «Машина времени» Джорджа Пала¹⁹, классика, можно сказать. Я ее сто раз видела по ящику. Обожаю старые киношки по ночам.

– Шельма, – поинтересовался я, – ты умеешь читать?

– Конечно умею! «Мама мыла раму». Я не дурочка какая-нибудь.

– Ты когда-нибудь слыхала про Герберта Уэллса?

– Слыхала! Ничего себе. Я с ним *спала*!

– Ты хвастливая старая шлюшка, но выглядишь не настолько старой. Когда мистер Уэллс умер, ты была еще девственницей.

– Клеветник! Джейк, побей его, он меня оскорбил.

– Зеб не хотел тебя обидеть, дорогая, я уверен. А бить людей я не могу, даже когда они того заслуживают: мне Дити не разрешает.

– Надо будет за тебя как следует взяться.

– Закончен второй поиск, – доложила Ая Плутиска. – Жду распоряжений.

– Доложи результаты второго поиска, пожалуйста.

¹⁹ *Джордж Пал* (Дьердь Пал Марциньчак) (1908–1980) – венгерский аниматор, эмигрировавший в 1939 г. в Америку. Работал над первым фильмом Хайнлайна «Цель – Луна», после чего снял множество фантастических лент, в том числе «Машину времени» по роману Г. Дж. Уэллса. – *Примеч. С. В. Голд.*

– Агентство Рейтер, Сингапур. Об экспедиции Марстона на Суматре по-прежнему нет никаких известий, сообщают местные власти в Палембанге. Экспедиция должна была вернуться еще тринадцать дней назад. Помимо профессора Марстона и проводников и помощников из местного населения, в состав экспедиции входят доктор З. Э. Картер, доктор Сесил Янг и мистер Джайлз Смайс-Белиш. Министр туризма и культуры заявил, что поиски пропавших будут продолжаться. Конец поиска.

Бедняга Эд! Мы никогда не поддерживали близких отношений, и я никак не думал, что это известие причинит мне такую боль. Мне хотелось надеяться, что он вляпался в какое-нибудь сомнительное любовное приключение, а не сложил голову где-то в джунглях от удара мачете, но все говорило скорее о последнем.

– Папа, помните, я сказал, что кто-то не любит вас. Так вот, теперь мне кажется, что этот кто-то не любит математиков, занимающихся n-мерными пространствами.

– Похоже на то, Зеб. Очень надеюсь, что ваш кузен жив – такой блестящий ум! Это была бы огромная потеря для всего человечества.

И для него самого, сказал я себе. И для меня. Поскольку семейный долг обязывает меня принимать какие-то меры, а это в моих планах не числилось, в них числился медовый месяц.

– Ая!

– Слушаю, Зеб.

– Дополнение. Третья программа поиска новостей. Параметры поиска идентичны параметрам второй программы. Добавить новый регион: Суматра. Добавить все имена собственные, найденные во втором поиске. Продолжать до отмены. Полученную информацию хранить в постоянной памяти. Докладывать более свежую информацию первой. Начинай.

– Выполняю, босс.

– Ты хорошая девочка, Ая.

– Спасибо, Зеб. Посадка в Элко через две минуты семь секунд.

Дити сжала мою руку еще сильнее.

– Папа, по-моему, как только я стану законной миссис Джон Картер, мы все поедem в Гнездышко.

– Что? Ну конечно.

– И ты тоже, тетя Хильда. Домой тебе возвращаться опасно.

– Наши планы претерпели небольшое изменение, моя милая. Будет двойная свадьба. Джейк и я.

Известие явно оказалось для Дити неожиданным, хотя, судя по всему, и не огорчительным.

– Папа?..

– Хильда наконец согласилась выйти за меня замуж, детка.

– Врет, – сказала Хильда. – Джейк меня никогда об этом не просил и сейчас тоже не просил. Я сама ему объявила. Улучила момент: он как раз сокрушался насчет потери своих комиксов и утратил сопротивляемость. Это необходимо, Дити: я обещала Джейн заботиться о нем, и я заботилась – твоими руками – до сегодняшнего дня. Но теперь ты должна заботиться о Зебби, смотреть, чтобы он не угодил в неприятности, утирать ему нос... так что мне пришлось затащить Джейка под венец, чтобы не нарушить слово, данное покойной подруге. А то раньше я забиралась к нему в постель только украдкой, от случая к случаю.

– Помилуй, Хильда, что ты говоришь, ты ни разу не была у меня в постели!

– Не срами меня перед детьми, Джейк. Я же испытала тебя, прежде чем позволить Джейн выйти за тебя замуж, этого-то ты не посмеешь отрицать.

– Как скажешь, дорогая. – Джейк беспомощно пожал плечами.

– Тетя Хильда... ты любишь папу?

– Стала бы я иначе выходить за него, как ты полагаешь? Свое обещание покойнице я могла бы исполнить и без этого: отправила бы его в психушку к мозгоправам, и все тут. Дити, я люблю Джейка дольше, чем ты. *Гораздо* дольше! Но он любил Джейн... откуда следует, что он в глубине души разумен, несмотря на все свои чудачества. Я не стану переделывать его, Дити; я просто буду следить, чтобы он надевал калоши и принимал витамины – как ты следила до сих пор. Я по-прежнему буду «тетя Хильда», а не «мама». Твоей мамой была и *остается* Джейн.

– Спасибо, тетя Хильда. Мне казалось: вот я заполучила Зебадию, и большего счастья просто не бывает. Но теперь благодаря тебе я вдвойне счастлива. Мне не о чем тревожиться.

Зато мне было о чем тревожиться. О «ребятах в черных шляпах» и без лиц. Но я не стал об этом говорить, потому что Дити ласково прижималась ко мне и уверяла меня, что тетя Хильда, конечно же, правда любит папу, но вот что она украдкой забиралась к нему в постель – пожалуйста, не надо этому верить... Впрочем, этот вопрос меня совершенно не занимал.

– Дити, где это ваше Гнездышко и что это такое?

– Оно... оно нигде. Никто не знает где. Это наше тайное убежище. Папа арендовал этот участок земли у правительства, когда решил построить свой времяход, а не просто писать уравнения. Но нам, пожалуй, придется дожидаться рассвета. Разве что... Скажи, Ая Плутиска умеет находить место по заданной широте и долготе?

– Разумеется! С большой точностью.

– Тогда все в порядке. Я тебе все укажу в градусах, минутах и долях секунды.

– Садимся, – предупредила Ая.

Клерк графства Элко не протестовал, когда его разбудили среди ночи, и был вполне удовлетворен, когда я ненавязчиво вручил ему сотенную. Судья графства оказалась не менее благорасположенной и сграбастала свой гонорар не глядя. Я запинаясь, но все-таки сумел произнести: «Я, Зебадия Джон, беру тебя, Дею Торис...» Дити отыграла свою часть церемонии так торжественно и правильно, как будто долго перед этим репетировала. Только Хильда все время шмыгала носом.

Хорошо, что Ая Плутиска умеет прокладывать курс сама: я все равно был не в состоянии вести машину, даже при свете дня. Я только попросил ее спланировать маршрут таким образом, чтобы по мере возможности не попадать в поле зрения радаров, особенно на последних ста с чем-то километрах, у самого места. Это в Аризоне, севернее Большого каньона. Но на подлете я велел ей зависнуть, прежде чем садиться: у меня поджилки тряслись, пока я своими глазами не удостоверился, что третьего пожара не случилось.

Там был домик, достаточно несгораемый, с подземным гаражом для Аи. Только тогда я вздохнул спокойно.

Мы откупорили бутылку сабли. Папа собрался не откладывая навестить в подвал. Хильда выразила неудовольствие, а Дити и бровью не повела.

Я на руках отнес Дити в ее спальню, нежно усадил ее, посмотрел ей в глаза.

– Дея Торис...

– Что, Джон Картер?

– Я не успел купить тебе свадебный подарок...

– Мне не нужны подарки от моего капитана.

– Дослушай меня, моя принцесса. Коллекция моего покойного дяди Замира, конечно, уступает той, что была у твоего отца... но все же могу ли я подарить тебе полный комплект клейтоновских «Захватывающих историй»?

Она удивленно улыбнулась.

– И первые издания первых шести книг о стране Оз, довольно потрепанные, но с оригинальными цветными иллюстрациями? И первое издание «Принцессы Марса» в почти безупречном состоянии?

Она засияла от восторга, как девятилетняя девочка:

- Да!!!
- Примет ли твой отец в подарок полный комплект «Таинственных историй»?
- Ты еще спрашиваешь! «Нордвест Смит» и «Джирел из Джойри»?²⁰ Я их буду брать у него почитать, а то не видать ему моей страны Оз. Я знаешь какая упрямая. И жадная. И вредная!
- Упрямая – допускаю. Все остальное враки.
- Дити высунула язык:
- Вот увидишь! – Вдруг ее лицо приняло необычайно серьезное выражение. – Но я удручена, мой принц: у меня нет подарка для моего мужа.
- У тебя он есть.
- Не понимаю.
- Есть. Красиво упакованный и источающий благоухание, от которого я теряю голову.
- Ах... – сказала она торжественным и счастливым голосом. – Пусть мой муж распакует меня. Хорошо?
- Я выполнил ее просьбу.
- Больше о нашей брачной ночи никому ничего знать не полагается.

²⁰ Серии произведений Кэтрин Мур (будущей жены Г. Каттнера), опубликованные в первой половине 1930-х в журнале «Weird Tales». – *Примеч. С. В. Голд.*

Глава четвертая

Потому что две вещи, равные одной и той же третьей, никогда не равны друг другу.

ДИТИ:

Я проснулась рано, в Гнездышке я всегда просыпаюсь рано, удивилась, почему это я вне себя от счастья – потом вспомнила, повернула голову. Мой муж – мой *муж*, слово-то какое, с ума сойти, – лежал рядом со мной, уткнувшись лицом в подушку, и легонько посапывал. Я предалась тихим размышлениям о том, какой он красивый, сколько в нем ласковой силы и уважительной нежности.

Мне захотелось разбудить его, но я знала, что мой возлюбленный нуждается в отдыхе. Так что я выскользнула из постели, беззвучно уединилась у себя в ванной – *у нас* в ванной! – и не спеша принялась приводить себя в порядок. Напустить ванну я не рискнула – хотя следовало бы. Я сильно потею, и мне просто необходимо принимать основательную ванну хотя бы раз в день, а если я вечером куда-нибудь приглашена, то и дважды. А уж сегодня утром от меня несло, как от блудливой кошки.

Я решила обойтись душем, это не так шумно, по-настоящему я искупаюсь, когда мой капитан проснется, а пока что буду держаться с подветренной стороны.

Я натянула трусики, начала было надевать лифчик – остановилась и посмотрела в зеркало. У меня симпатичная мордашка и мускулистое тело, которое я содержу в превосходном состоянии. На конкурсе красоты мне не выйти даже в полуфинал, но сиси у меня красивые, на редкость крепкие, торчат не отвисая и кажутся больше, чем на самом деле, потому что моя талия для моего веса, плеч и бедер очень тонкая. Я знаю это с двенадцати лет благодаря зеркалу и отзываю других.

Так вот, теперь я особенно остро ощутила, как мне с ними повезло. Зебадия, как он выразился, «терпеть не может иметь дело с несовершеннолетними». Я была страшно рада, что они у меня такие: моему мужу они очень понравились, и он все время мне это повторял, так что мне делалось тепло и щекотно внутри. Вообще-то, сиси мешают, и был момент, когда я на собственном болезненном опыте поняла, откуда эти рассказы про амазонок, которые будто бы отрезали себе все по правому борту ради удобства стрельбы из лука.

Сегодня я наконец поняла, какая умница была моя мама, когда заставляла меня ходить в лифчике и на теннис, и на верховую езду, и всюду-всюду: никаких тебе морщинок, ни следа обвислости. И вот теперь мой муж называет их «свадебными подарками». Ур-ра!

Конечно, от детей они обмякнут, но к тому времени я рассчитывала надежно влюбить Зебадию в себя другими средствами. Слышишь, Дити? Не упрямься, не капризничай, не старайся непременно поставить на своем – а самое главное, не кисни. Мама никогда не кисла, хотя с папой жить нелегко. Например, он не любит слова «сиси». Хотя я произношу его точно как в словаре написано: «си-си». Он считает его вульгаризмом и говорит, что сиси у коров, а не у женщин.

Когда я начала заниматься символической логикой и теорией информации, я стала придавать большое значение точности словоупотребления и попыталась вступить с папой в спор, доказывая ему, что «грудь» обозначает верхнюю переднюю часть туловища как у женщин, так и у мужчин, «грудная железа» – это медицинский термин, а на обычном человеческом языке эта вещь называется именно сисей, вот и словарь подтверждает.

Папа возмущенно захлопнул книгу. «Плевать я хотел на все словари на свете! Пока я глава этой семьи, ее члены будут изъясняться не иначе как в соответствии с моими понятиями о приличии!»

Больше я с папой на подобные темы не спорила. Между собой мы с мамой по-прежнему называли их «сисями», а в папином присутствии таких слов не употребляли. Мама спокойно объяснила мне, что логика не имеет никакого отношения к искусству делать мужа счастливым и что тот, кто одержал «победу» в семейном споре, на самом деле потерпел поражение. Мама никогда не спорила, а папа всегда делал так, как она хотела – если она действительно этого хотела. Когда в семнадцать лет мне пришлось сделаться взрослой и попытаться заменить ее, я старалась во всем поступать как она – впрочем, не всегда успешно. Мне досталось в наследство кое-что от папиной раздражительности, кое-что от маминой невозмутимости. Я стараюсь подавлять первую и развивать вторую. Но я не Джейн, я Дити.

Тут я вдруг задумалась: а надо ли мне надевать лифчик? День обещал быть жарким. Папа выходит из себя – и еще как – по самым разным поводам, но только не из-за того, что кто-то ходит голышом (возможно, что когда-то он и на этот счет показывал норов, но мама деликатно добила своего). Я люблю ходить обнаженной и в Гнездышке обычно так и делаю, если только погода позволяет. Папа тоже не очень стесняется. Тетя Хильда у нас на правах члена семьи, мы много раз пользовались ее бассейном, и всегда без купальников – конечно, прикрываясь при необходимости.

Следовательно, оставался только один мой милый новенький супруг, но с ним как раз все было ясно: я не могла припомнить ни одного квадратного сантиметра моего обнаженного тела, который бы он не исследовал (и не оценил по достоинству). С Зебадией вообще просто, и в постели, и так. После нашего поспешного бракосочетания я немножко волновалась, не станет ли он интересоваться, когда и как я утратила девственность, но в тот момент, когда об этом мог бы зайти разговор, я начисто забыла про свои тревоги, а он, по-моему, ни о чем таком и думать не думал. Я вела себя как распутная тварь, я и была всегда распутная тварь, и ему это понравилось. Я *знаю*, что понравилось.

Так почему же, спрашивается, я натягиваю этот гамак для сисек, спросила я себя. *Зачем?*

Потому что две вещи, равные одной и той же третьей, никогда не равны друг другу. Это элементарная математика, если исходить из правильного набора аксиом. Люди – не абстрактные символы. Я могла расхаживать голой перед любым из них троих, но не перед всеми сразу.

Я поехала от неприятного опасения: как бы папа и тетя Хильда не помешали моему медовому месяцу. Но тут же одернула себя: ведь у них тоже медовый месяц, и это еще неизвестно, кто кому больше помешает. Ну и прекрасно, решила я, все устроится.

Я в последний раз посмотрелась в зеркало и пришла к выводу, что мой узенький бюстгальтер, как хорошее вечернее платье, делает меня более обнаженной, чем если бы я была совсем без ничего. Мои сосочки набухли; я расплылась в довольной улыбке и показала им язык. Они остались вздернутыми. Я была счастлива.

Вернувшись на цыпочках в спальню, я вдруг обратила внимание на одежду Зебадии. Удобно ли будет Зебадии явиться на завтрак в вечернем костюме? Ну-ка, Дити, подумай как следует: ты ведь теперь жена. Есть ли где-нибудь поблизости папины вещи? Где-нибудь в таком месте, чтобы можно было их взять, никого не разбудив?

Е-есть! Старая рубашка, которую я реквизировала для применения в качестве домашнего халата, шорты цвета хаки – я зашивала их, когда мы были тут в прошлый раз, – и все это в моем шкафу в моей (*нашей!*) ванной комнате. Я прокралась обратно в ванную, достала их и положила поверх вечернего костюма моего возлюбленного, чтобы они непременно попались ему на глаза.

Потом я вышла, закрыв за собой две звуконепроницаемые двери. Теперь можно было не бояться наделать шуму. Папа не потерпел бы в своем доме какой-нибудь дешевки из опилок и картона – если что-то не работает должным образом, он тут же чинит это или заменяет. Степень бакалавра у него по техническим наукам, степень магистра – по физике, докторская –

по математике. Не существует *ничего*, что он не сумел бы спроектировать и построить. Вторым Леонардо да Винчи – или Поль Дирак.

В общей комнате никого не было. На кухню я решила пока не ходить – лучше займусь зарядкой, пока все спят. Сегодня я, пожалуй, обойдусь без особых нагрузок, потеть мне ни к чему – так, несколько дозированных упражнений. Вытянуться как можно выше, руки вверх, ноги на цыпочках; теперь достать ладонями до пола, не сгибая колен, десяти раз достаточно. Вертикальный шпагат, обеими ногами по очереди, затем то же самое на полу, коснуться лбом коленей, сначала вправо, потом влево.

Я делала прогиб назад, когда услышала голос:

– Какой ужас. Юная новобрачная зверски замучена. Дити, прекрати немедленно.

Я сделала кувырок назад, встала на ноги: передо мной стояла папина невеста.

– Доброе утро, тетечка Хильдочка. – Я поцеловала и обняла ее. – Почему это зверски замучена? Злодейски захвачена – это еще куда ни шло. Но ведь в обмен на равноценный товар.

– Какой ужас. Заезженная новобрачная. Дити, прекрати немедленно.

Я сделала кувырок назад, встала на ноги: передо мной стояла папина невеста.

– Доброе утро, тетечка Хильдочка. – Я поцеловала и обняла ее. – Не «заезженная». Разве что «объезженная» – чуть-чуть.

– Заезжена, – повторила она, зевнув. – Откуда у тебя такие синяки? Кто тебя так, наверняка муженек твой, как там его зовут?

– Нет у меня никаких синяков, и ты прекрасно знаешь, как его зовут, ты с ним раньше меня познакомилась. А вот отчего у тебя такие мешки под глазами?

– От беспокойства, Дити. Твой отец серьезно болен.

– *Что?!* Чем?

– Сатирiazом. Необузданной похотью. Неизлечимо, надеюсь.

Я облегченно вздохнула:

– Ну и змея же ты, тетя Хильда.

– Не змея, моя милая, а коза. Которую всю ночь разделял козел, и не какой-нибудь, а самый отменный на ранчо. При том, что ему за пятьдесят, а мне всего двадцать девять. Просто диву даешься.

– Папе сорок девять, тебе сорок два. И ты еще жалуешься?

– Что ты! Знай я двадцать четыре года назад то, что знаю теперь, я бы ни за что на свете не дала Джейн положить на него глаз.

– То, что ты знаешь теперь? Смотри-ка: а вчера ты заявляла, что забиралась к нему в постель, причем неоднократно. Одно с другим не вяжется, тетя Козочка.

– В те разы все было наскоро, – снова зевнула она. – По-настоящему я его не испытала.

– Тетя, ты врешь и не краснеешь. Ты вообще ни разу не была у него в постели до вчерашней ночи.

– Откуда тебе это знать, милочка? Разве что ты сама там была все время? Инцест, да?

– Чем, скажи пожалуйста, тебе не нравится инцест, козища ты похабная? Сама не пробовала, так хоть другим не запрещай.

– А ты, значит, пробовала-таки? Ну-ка, ну-ка, детка, расскажи тете!

– Говорю честно все как есть: папа ни разу в жизни меня не тронул. Но если бы тронул... Я бы не устояла. Я без ума от него.

Хильда подошла и поцеловала меня, гораздо нежнее, чем прежде:

– Я тоже, девочка моя. Молодец, что ты так говоришь. Я бы тоже ему не отказала. Но у нас ничего с ним не было. До вчерашней ночи. А теперь я самая счастливая женщина в Америке.

– Не-а. Не самая. Самая счастливая – вот она, перед тобой.

– Ну-ну, это как сказать. Значит, мой шалопай оказался на высоте?

– Видишь ли, он хотя и кукулуксклановец...

– Да ты что, милая! Зебби не из таких!

– ...Но он великий маг под простыней.

Тетя Хильда недоуменно взглянула на меня, потом расхохоталась:

– Сдаюсь. Мы обе самые счастливые женщины во всем мире.

– И самые везучие. Тетя Козочка, тебе будет жарко в этом папином халате. Давай я тебе подыщу что-нибудь из своего. Хочешь безразмерное бикини на веревочках?

– Спасибо, лапочка, но ты разбудишь Зебби.

Тетя Хильда распахнула папин халат и принялась обмахиваться его полами, как веером. Я поглядела на нее: вот это да! Три, не то четыре раза замужем – на срок по контракту. Не рожала. В ее сорок два мордашка у нее как у тридцатипятилетней, а от ключиц и ниже ей можно дать и восемнадцать. Сиси маленькие, крепенькие – у меня были крупнее в двенадцать лет. Плоский живот, прелестные ножки. Просто фарфоровая статуэтка – я себя рядом с ней чувствовала просто великаншей.

– Если бы не твой муж, – добавила она, – я бы так и ходила в этой старой натуральной шкуре. Действительно жарко.

– Я бы тоже, если бы не *твой* муж.

– Джейкоб? Дити, он же тебе пеленки менял. Джейн тебя как учила? Истинная скромность – без ложной скромности.

– Конечно, тетя Хильда. Но не сегодня. Сегодня все по-другому.

– Да, конечно. Ты всегда была умницей, Дити. Женщины знают, как надо поступать, а мужчины нет: мы должны их наставлять и уберегать... притворяясь, будто мы беззащитные, чтобы не ранить их беззащитное самолюбие. Впрочем, мне это никогда не удавалось. Я люблю играть со спичками.

– Тетя Хильда, тебе это удастся, еще как удастся – по-своему. Я уверена, мама знает, что ты сделала для папы, она дала на это благословение и рада за папу. За всех нас – за всех пятерых.

– Да ну тебя, Дити, я сейчас заплачу. Давай-ка выжмем апельсиновый сок, а то наши мужчины того и гляди продерут глаза. Первейшее правило жизни с мужчиной: накорми его сразу же, как проснется.

– Я знаю.

– Да, действительно. Еще бы, конечно, знаешь. С того дня, как не стало Джейн. Зебби-то хоть понимает, как ему повезло?

– Говорит, что понимает. Я уж постараюсь его не разочаровывать.

Глава пятая

Обручальное кольцо – это не кольцо в носу...

ДЖЕЙК:

Я проснулся с чувством беспричинного блаженства, потом осознал, что лежу в постели в нашем загородном доме, который моя дочь называет Гнездышком... потом проснулся окончательно и усталился на соседнюю подушку – точнее, на вмятину в подушке. Значит, это был не сон! Значит, блаженство не беспричинное, и может ли быть причина прекраснее!

Хильды поблизости не было. Я закрыл глаза и притворился спящим, так как мне необходимо было сделать кое-что важное.

«Джейн!» – позвал я мысленно.

«Я слышу тебя, милый. Слышу и благословляю. Теперь мы счастливы все вместе».

«Не могла же Дити скиснуть в старых девах только ради того, чтобы ее папашка-старикашка не остался без присмотра. А этот молодой человек, он ничего. Даже очень, просто в энной степени. Я это сразу почувствовал, и Хильда подтверждает».

«Я знаю. Не волнуйся, Джейкоб. Наша Дити никак не может скиснуть, а ты никогда не превратишься в старикашку. Все получилось в точности так, как задумали мы с Хильдой – пять с лишним ваших лет назад. Все было предрешено. Она ведь ночью тебе об этом сказала».

«Да, дорогая».

«Встань-ка поскорей, почисти зубы и быстренько прими душ. Не копайся, тебя ждут к завтраку. Позови меня, когда понадобится. Целую».

И я встал, чувствуя себя маленьким мальчиком в рождественское утро. Джейк мог не беспокоиться, потому что Джейн скрепила все печатью одобрения. Пожалуйста, не надо снисходительных усмешек, о несуществующий читатель, высокомерно кривящий губы где-то там над книгой: Джейн реальнее тебя.

Дух прекрасной женщины вовсе не кодируется нуклеиновыми кислотами, свернутыми в двойную спираль, так думают одни непроходимые зубрилы. Я мог бы доказать это математически, да только ведь математика ничего не доказывает. У математики нет никакого содержания. В лучшем случае она иногда служит удобным средством описания некоторых аспектов нашей так называемой «физической вселенной», И хорошо еще, если так, а то, вообще-то, большая часть математики бессодержательна, как шахматы.

Я не знаю *никаких* окончательных ответов. Я всего лишь искусный механик и неплохой математик... а что толку от этих ремесел, когда вглядываешься в непостижимое.

Некоторые ходят в церковь и разговаривают там с Богом, кто бы Он ни был такой. Я, когда чем-то озабочен, разговариваю с Джейн. Я не слышу «голосов», но ответы, возникающие в моем сознании, представляются мне ничуть не менее истинными, чем слова самого непогрешимого из пап, звучащие с амвона. Если вы считаете, что это кошунство, то и считайте так на здоровье, я все равно останусь при своем. Джейн всегда была, есть и будет, во веки веков. Мне выпала неслыханная удача – прожить с ней восемнадцать лет, и теперь никакая сила ее у меня не отнимет.

В ванной Хильды не было, но моя зубная щетка оказалась мокрой. Я усмехнулся: что ж, логично. Все равно все микроорганизмы, которые во мне обитают, уже перешли к Хильде – а Хильда, при всей своей игривости, женщина в высшей степени практичная. Перед лицом опасности она ни на миг не растеряется (вот как вчера, например), но встань у нее на пути извергающийся вулкан – она, даже пустившись в бегство, не преминет воскликнуть «Будь здоров!». Джейн не менее отважна, но она обошлась бы без шуточек. Они с Хильдой схожи разве

что... нет, и в этом тоже не схожи. Они разные, хотя и равные. В общем, мне достались две несравненные жены. (А также дочка, отец которой считает ее безупречной.)

Я принял душ, побрился и почистил зубы за девять минут, а оделся менее чем за девять секунд, я просто закутался ниже пояса в саронг из махровой ткани, который мне купила Дити, – день обещал быть испепеляющим. Да и то ради соблюдения хотя бы минимальных приличий: я ведь не настолько близко был знаком со своим новоиспеченным зятем, чтобы прямо сразу же предстать перед ним в том неофициальном виде, который принят у нас в семье. Это могло бы не понравиться Дити.

Оказалось, что я вышел к столу последним и что все нашли уместным одеться примерно так же. Дити была в чем-то таком, что сошло бы за бикини-минимум («приличное» ровно настолько, чтобы быть неприличным), а моя возлюбленная нарядилась в какие-то завязочки моей дочери. Завязочки были ей явно велики: Хильда ведь миниатюрная, а Дити нет. Полностью одет был только Зеб: он был в моих старых рабочих шортах и в застиранной джинсовой рубашке, которые конфисковала Дити, а обут был в свои вечерние туфли. В таком виде он вполне мог бы появиться на улице любого городка американского Запада – вот только телосложения мы разного: я похож на грушу, а Зеб на Серого Ленсмена²¹.

Мои шорты были ему в самый раз – ну, слегка великоваты. А вот рубашка у него на плечах трещала по швам. Похоже, ему было во всем этом некомфортно.

Я радушно пожелал всем доброго утра, поцеловал свою любимую, затем дочь, пожал руку зятю – рука у него оказалась отличная, мозолистая. После этого сказал:

– Зеб, сними рубашку. Уже жарко, а будет еще жарче. Не стесняйся. Ты у себя дома.

– Спасибо, папа. – Зеб стянул мою рубашку с плеч.

Хильда взобралась на свой стул, почти сравнявшись ростом с Зебом.

– Я воинствующая поборница женских прав, – заявила она, – и мое обручальное кольцо – это не кольцо у меня в носу! Кстати, где мое обручальное кольцо, старый козел? Ты мне до сих пор его не подарил.

– У меня же не было на это времени! Хорошо, милая, подарю при первой возможности.

– Вечно вы, мужчины, оправдываетесь! Не перебивай, когда я говорю. Ничто не оправдывает ваши привилегии! Если вы, мужские шовинистические свиньи – я хотела сказать козлицы, – вправе одеваться как вам нравится, то мы с Дити – тем более!

С этими словами моя прелестная возлюбленная развязала верх своего бикини и швырнула его в сторону жестом стриптизерки.

– Не пора ли подкрепиться, как говорил Винни Пух? – сказал я.

Мне не ответили. Вместо этого Дити в энный раз доказала, что я могу гордиться ею. Многие годы она советовалась со мной, принимая важные решения, – советовалась хотя бы взглядом. Теперь она взглянула не на меня, а на своего мужа. Зеб сидел с каменным лицом, никак не выражая ни осуждения, ни одобрения. Дити некоторое время смотрела на него, потом чуть заметно пожала плечами, завела руку за спину, что-то там развязала или расстегнула и тоже сбросила верх своего купальника.

– Так все-таки: не пора ли подкрепиться? – повторил я.

– Обжора, – возмутилась моя дочь. – Вы, мужчины, принимали душ, а мы с тетей Хильдой так и не смогли искупаться, потому что боялись разбудить вас, лежебок этаких.

– Ах вот в чем дело? А я думал, это скунс пробежал. Ну же! Пора подкрепиться.

– Тетя Хильда, за какие-то часы папа разучился всему, чему я его учила пять лет. Папа, все вынуто и разложено, нужно только пойти приготовить. Может, ты и приготовишь, пока мы с Хильдой окунемся?

²¹ *Серый Ленсмен* – атлетически сложенный персонаж фантастического цикла романов о ленсменах Э. Э. Дока Смита. – Примеч. С. В. Голд.

Зеб поднялся с места:

– Я приготовлю, Дити. Я много лет подряд сам себе готовил завтрак.

– А ну, уймись! – оборвала его моя возлюбленная. – Сядь, Зебби. Дити, никогда не позволяй мужчине самому готовить завтрак, а то он начнет сомневаться, нужны ли вообще женщины. Если ты всегда успеваешь его накормить и не вступаешь с ним в дискуссию до того, как он выпьет вторую чашку кофе, то все остальное время можешь выкидывать любые штучки, он не заметит. Когда пахнет беконом, они других запахов не чувствуют. Придется мне тебя кое-чему поучить.

Моя дочь тут же продемонстрировала способность без разговоров усваивать дельные уроки. Она повернулась к мужу и кротко спросила:

– Чего пожелает на завтрак мой капитан?

– Моя принцесса, я с радостью приму все, что предложат твои нежные руки.

И нам действительно было предложено нечто изумительное, едва лишь Дити управлялась со сковородкой, а Хильда с тарелками... Гурман с изысканными вкусами, наверное, ужаснулся бы, но для меня это была просто амброзия: многослойная техасская глазуня, то есть высокая-высокая стопка нежнейших сдобных оладий по рецепту Джейн, увенчанная большим яйцом в окружении пышущих жаром кусочков колбасы, и все это утопало в тающем масле и горячем кленовом сиропе, а рядом стоял большой-большой стакан апельсинового сока и большая-пребольшая чашка кофе.

Зеб съел две порции глазуни. Из чего я заключил, что у моей дочери будет счастливый брак.

Глава шестая

Одна ли это раса – мужчины и женщины?

ХИЛЬДА:

Мы с Дити помыли посуду, залезли в ее ванну и принялись обсуждать наших мужей. Мы хихикали, и разговор наш был вполне откровенным, как это бывает у женщин, которые доверяют друг другу и уверены, что мужчины их не подслушают. Интересно, разговаривают ли мужчины столь же откровенно в аналогичных обстоятельствах? Судя по сведениям, почерпнутым мною из послеполуночных бесед в горизонтальном положении по утолении страсти, – не разговаривают. Во всяком случае те мужчины, с которыми мне приятно быть в постели. Между тем как «истинная леди» (к которым Джейн относилась, Дити относится, а я умею притворяться, будто отношусь) может вести с другой «истинной леди», которой она доверяет, такие разговорчики, от каких ее отец, муж или сын упали бы в обморок.

Так что я лучше уж не стану пересказывать здесь содержание нашего диалога: что, если эти записки попадут в руки какому-нибудь представителю слабого пола? Не хочу, чтобы его гибель была на моей совести.

Одна ли это раса – мужчины и женщины? Я знаю, что говорят на этот счет биологи, но ведь в истории предостаточно «ученых», делавших поспешные выводы на основании самого поверхностного знакомства с фактами. Мне представляется гораздо более вероятным, что это симбионты. И я это говорю отнюдь не по невежеству: в свое время я чуть было не получила диплом бакалавра наук по биологии (причем была круглой отличницей). Мне оставалось учиться всего один триместр, но тут один «биологический эксперимент» завершился весьма неожиданно, пришлось бросить институт.

Не то чтобы этот диплом был мне нужен, у меня вся ванная обвешана почетными дипломами, в основном докторскими. Говорят, будто есть такие вещи, которые ни за какие деньги не согласится делать ни одна шлюха, но точно уж нет ничего *такого*, на что не пошел бы ректор университета, нуждающегося в средствах. Секрет в том, чтобы никогда не учреждать постоянного фонда, а жертвовать одновременно и понемножку, когда нужда особенно острая, по одному разу в учебный год. Тогда не только кампус становится вашей собственностью, но и городские копы усваивают, что прижимать вас – пустая трата времени. Университет всегда стойко отстаивает интересы своих студентов, профессоров и сотрудников, если последние платежеспособны: в этом и состоит основной секрет успеха на академической стезе.

Простите, отвлеклась. Мы ведь говорили о мужчинах и женщинах. Я страстная поборница женских прав, но не этой чуши насчет равноправия. Оно мне совершенно ни к чему, это равноправие. Я, Шельма, желаю быть как можно более неравноправной, со всеми удобствами, почетом и особыми привилегиями, которые вытекают из принадлежности к высшему полу. Если мужчина не придержит передо мной дверь, я не удостою его взглядом и наступлю ему на ногу. Мне нисколько не стыдно с размахом и удовольствием пользоваться услугами сильной стороны, то бишь мужчин (зато мои собственные сильные стороны полностью посвящены служению мужчинам – *noblesse oblige*). Мне ничуть не обидно, что у мужчин есть все те естественные преимущества, которые у них есть, – лишь бы они признавали те преимущества, которые есть у меня. Я не несчастный недоделанный самец: я *самка* и очень этим довольна.

Косметику я позаимствовала у Дити, она все равно ею почти не пользуется, но духи у меня были свои, они всегда у меня в сумочке, и я надушилась ими во всех двадцати двух классических местах. Дити использует только основные афродизиаки: мыло и воду. Надушить ее – все равно что позолотить лилию: после горячей ванны она благоухает, как целый гарем. Будь у меня такой же натуральный запах, я бы сэкономила за все эти годы тысяч десять нью-

долларов, пошедших на духи, и не знаю уж сколько часов, потраченных на хитроумное их применение в разных местечках.

Она предложила мне свое платье, я велела ей не говорить глупостей: любое из ее платьев выглядело бы на мне палаткой.

– Ты надень какую-нибудь юбочку с оборочками, а мне найди набедренную повязку, какая побесстыдней. Ты, наверно, удивилась, когда я тебя спровоцировала снять лифчик, сама ведь раньше говорила тебе, чтобы ты не торопилась с этим. Но понимаешь, случай подвернулся, надо было воспользоваться. Теперь они оба усвоили, что можно ходить наполовину голышом, и это наша большая победа. При первой же возможности мы и штанишки скинем, все вчетвером, и даже без этих детских выдумок – играть в карты на раздевание и все такое. Дити, я хочу, чтобы мы жили одной дружной семьей и не стеснялись друг друга. Так что хождение голышом не значит секс, это просто значит, что мы у себя дома, одеты по-домашнему.

– Ты такая сексуальная, когда голышом, тетя Козочка.

– Дити, ты же не думаешь, что я делаю авансы Зебби?

– Что ты, тетя Хильда, конечно, нет. Ты не такая.

– Такая, такая. У меня нет морали, одни привычки. Я никогда не жду, пока мужчина начнет ухаживать первым, они все такие дураки, не знают, как подступиться. Но когда я познакомилась с Зебби, то решила, что мы будем просто приятелями. Я предоставила ему случай позаигрывать, он вежливо позаигрывал, я не обратила никакого внимания – тем все и кончилось. Не сомневаюсь, что в койке с ним хорошо, вот и ты подтверждаешь, но мало ли с кем хорошо в койке, а вот много ли с кем из них можно дружить? К Зебби я могу броситься за помощью хоть посреди ночи, и он поможет. Так пусть и дальше будет так, что ж с того, что он теперь в силу рокового стечения обстоятельств мой зять. И потом, Дити, я, конечно, всем известная Шельма, но мне, знаешь, не хотелось бы прослыть этакой университетской вдовушкой, соблазняющей юнцов. Я всегда спала только с теми, кто старше меня, ну, в крайнем случае, не намного моложе. В твоём возрасте я подцепила нескольких втрое старше. Было очень полезно для образования.

– Еще бы! Я, тетя Хильда, получила девяносто процентов своего образования два года назад от одного вдовца как раз втрое старше. Я составляла для него программы, нам приходилось вместе сидеть за компьютером, часто после полуночи, в другие часы труднее было получить машинное время. Ну, я ни о чем таком и не думала – вдруг смотрю, он уже помогает мне снять трусики. А потом я еще сильнее удивилась: оказывается, все мое предшествующее семилетнее образование было такое *убогое*. Он устроил мне настоящий семинар, с занятиями три раза в неделю – я старалась не пропускать – в течение целых шести месяцев. Я очень рада, что занималась со специалистом, а то сегодня ночью Зебадия решил бы, что я дура дурой, хочу, но не умею. Ему я, конечно, ничего про это не рассказывала, пускай думает, что это он меня всему учит.

– Правильно, милая. Никогда не рассказывай мужчине о том, чего ему знать не надо, и лучше соврать в лицо, чем сделать ему больно или уязвить его самолюбие.

– Тетя Козочка, знаешь, ты просто чудо!

Мы прекратили болтать и отправились на поиски наших мужчин. Дити сказала, что они определенно в подвале.

– Тетя Хильда, я туда без разрешения не хожу. Это папина святая святых.

– Значит, ты и мне не советуешь?

– Я ему дочь, а ты жена. Это совсем другое дело.

– Ну что ж... Он ведь не запрещал мне... И уж сегодня-то, думаю, он мне простит. Где у вас спрятана лестница?

– Вон за тем книжным шкафом. Он поворачивается.

– Бог ты мой! Не слишком ли много сюрпризов для так называемого загородного домика! Ну я понимаю, у вас в каждой ванной комнате биде – это Джейн настоящая. И холодильник у вас, разумеется, самый обыкновенный, только таких размеров, что хоть сама в него заходи, не в каждом ресторане такой есть. Но книжный шкаф с потайным ходом – это уж, как говорила бабушка Нетти, «ну, скажу я вам!».

– Ты еще не видела наш отстойник – то есть теперь он твой.

– Я видела отстойники. Ужасная гадость – вечно приходится прокачивать их в самое неподходящее время.

– Наш не нужно. Он глубиной больше трехсот метров. Ровно тысяча футов.

– Бог ты мой... *Зачем?*

– Это заброшенный ствол шахты. Прямо под нами. Вырыт каким-то оптимистом лет сто назад. Папа решил эту дырку использовать. Тут неподалеку в горах есть источник. Папа его прочистил, укрыл, замаскировал, проложил под землей трубу, и теперь у нас сколько хочешь чистой воды под большим напором. А вообще он спроектировал Гнездышко в основном по каталогам из готовых строительных блоков, очень прочно, очень противопожарно, с защитой от всего на свете. У нас есть – то есть, прости, у тебя есть – вот этот большой камин и еще маленькие в спальнях, но они тебе не понадобятся, они только для уюта. Радиаторы здесь такие, что можно ходить голышом в любую метель.

– Откуда у вас электричество? Из ближайшего города?

– Нет, что ты! Гнездышко – это потайное место, о нем никто не знает, только папа и я – теперь еще ты и Зебадия. Энергопакеты, тетя Хильда, и преобразователь спрятаны за задней стенкой гаража. Энергопакеты мы привозим и увозим сами. Частным образом. Конечно, на дом есть документы, они хранятся в компьютере не то в Вашингтоне, не то в Денвере, и федеральные рейнджеры о них знают. Но нас они не видят, если мы увидим или услышим их первыми. Как правило, они сюда не заглядывают. Однажды заглянул один – конный. Ну, папа угостил его пивом под деревьями – снаружи это ведь просто блочный домик, гостиная и две спальни. Ни за что не догадаешься, что под землей еще много всего.

– Дити, я начинаю думать, что это ваше жилье – этот ваш «загородный домик» – стоит дороже, чем мой городской.

– Ну... наверное.

– Какое разочарование. Видишь ли, киска, я вышла замуж за твоего папу потому, что я его люблю, и хочу заботиться о нем, и обещала Джейн, что буду заботиться. Я-то думала, что преподнесу своему жениху в виде свадебного подарка столько золота, сколько он сам весит, чтобы он, дружок мой, мог никогда больше не работать.

– Не расстраивайся, тетя Хильда. Папа не может не работать, он так устроен. Я тоже. Работа нам необходима, мы без нее места себе не найдем.

– Понятно... Но ведь лучше же работать просто потому, что хочется, а не потому, что надо.

– Безусловно!

– Вот я и думала, что смогу это ему дать. Слушай, как же это так? Джейн не была богата, она смогла учиться только благодаря стипендии. У Джейкоба денег не было – он тогда был рядовым преподавателем, все готовил диссертацию. Дити, он на собственную свадьбу пришел в поношенном костюме. Я знаю, что эти времена далеко позади, он вышел в профессора удивительно быстро. Я считала, что тут сработали его способности и еще хозяйственность Джейн.

– И то и другое.

– Но не *настолько* же! Прости меня, Дити, но штат Юта платит значительно меньше, чем Гарвард.

– Папе не раз предлагали места в других университетах. Нам нравится Логан. И сам город, и то, что мормоны так цивилизованно себя ведут. Но... тетя Хильда, я, пожалуй, должна тебе кое-что сказать.

Девочке явно было не по себе. Я остановила ее:

– Дити, если Джейкоб хочет, чтобы я что-то знала, он мне сам об этом скажет.

– Не скажет! А я должна сказать.

– *Нет*, Дити, нет!

– Послушай, пожалуйста. Когда я сказала «да» во время бракосочетания, я сложила с себя обязанности папиного менеджера. Когда ты сказала «да», ты взяла эти обязанности на себя. Так уж выходит, тетя Хильда. Сам папа ничего этого делать не будет, он должен думать о другом, он гений. Много лет всем этим занималась мама, потом пришлось мне, я научилась. Теперь будешь ты. Без этого не обойтись. Ты разбираешься в бухгалтерском учете?

– Ну, я представляю себе, что это такое, я этому училась, прошла курс. Бухгалтерию надо знать, иначе правительство тебя по миру пустит. Но сама я этим не занимаюсь, у меня есть счетоводы и юристы, большие хитрецы, ухитряются все держать в рамках законности.

– А ты постеснялась бы выйти из рамок законности? По части налогов.

– Конечно, не постеснялась бы! Но Шельме не хочется в тюрьму. Мне не по вкусу казенная диета.

– В тюрьму ты не попадешь. Не волнуйся, тетя Хильда, – я тебя научу двойной бухгалтерии, которую не проходят в институтах. *Очень* двойной. Одни книги для налоговых инспекторов, другие для вас с Джейком.

– Эти другие меня как раз и беспокоят. Они доводят до каталажки. Свежий воздух по средам раз в две недели.

– Не-а. Вторые книги вообще не на бумаге. Они в университетском компьютере в Логане.

– Еще хуже!

– Ну тетя Хильда! *Пожалуйста!* Конечно, мой компьютерный адресный код на факультете известен, конечно, налоговый инспектор может запасть судебным ордером. Но ты же понимаешь, у него все равно ничего не выйдет. Компьютер выдаст ему наши первые книги, а вторые тут же сотрет без следа. Неприятность, но не катастрофа. Тетя Хильдочка, в чем другом я, может, и не чемпионка, но программистов таких, как я, больше нет. Если я захочу, компьютер усядется на паперти с протянутой рукой. Или повалится ничком и притворится мертвым. И я буду тебе помогать, пока ты сама всему не научишься.

А как папа разбогател – понимаешь, он же не только преподавал, он все время изобретал разные штуки, у него это получается автоматически, как у курицы – яйца класть. Усовершенствованный консервный нож. Система орошения газонов, которая работает лучше, стоит дешевле, воды тратит меньше. Куча всего. Но все изобретения безымянные, гонорары за них мы получаем разными окольными путями.

Причем это не значит, что мы злостно уклоняемся от уплаты налогов. Каждый год мы с папой внимательно изучаем федеральный бюджет и решаем, что полезно, а что полетит в трубу по прихоти толстожопых бездельников и любителей попилить бюджет. Еще до маминой смерти мы платили в виде подоходного налога *больше*, чем все, что папа зарабатывал в университете, и все годы, что я вела дела, мы платили больше. Чтобы управлять этой страной, действительно нужны большие деньги. Нам не жалко денег на дороги, на здравоохранение, на национальную оборону, все это полезные вещи. Но паразитов мы отказываемся оплачивать – как только обнаруживаем, что они паразиты.

Теперь это твоя работа, тетя Хильда. Если ты решишь, что все это нечестно или чересчур рискованно, я могу сделать так, что компьютер приведет все в открытый и законный вид самым безукоризненным образом, никто ничего не заметит. Правда, у меня на это уйдет года три, и папе придется заплатить большие налоги на прибыль. Но теперь за папу отвечаешь *ты*.

– Дити, перестань говорить неприличные вещи.

– Какие неприличные вещи? Я даже не сказала «трахаться».

– Ты посмела допустить, будто я по доброй воле *соглашусь* отдавать этим клоунам в Вашингтоне все, что они пытаются из нас выжать? Я не стала бы держать столько бухгалтеров и юристов, если бы не была убеждена, что нас бесстыдно грабят. Скажи, Дити, а может, ты возьмешь на себя все наши дела?

– Нет уж, мэм! Я теперь отвечаю за Зебадию. И кроме того, у меня есть свои собственные имущественные интересы. Мама была не такая бедная, как ты думаешь. Когда я была еще совсем маленькая, она стала владелицей крупной недвижимости, которую ее бабушка оформила как доверительную собственность. Постепенно они с папой перевели это на мое имя, причем тоже без уплаты налогов на наследство и на недвижимое имущество – все законно, как воскресная школа. Ну а когда мне исполнилось восемнадцать, я обратила все это в деньги и сделала так, что эти деньги как бы исчезли. И потом, я платила себе внушительное жалованье как папиному менеджеру. Я не так богата, как ты, тетя Хильда, и, уж конечно, не так, как папа. Но я не нищенка.

– Зебби, возможно, богаче нас всех.

– Я помню, ты говорила вчера, что он у нас богатенький. Но я как-то не обратила внимания, я уже и так была готова выйти за него. Но потом я увидела, какая у него машина, и поняла, что ты не шутишь. Конечно, не в этом дело. Хотя нет, и *в этом* тоже: мы остались в живых не только потому, что Зебадия такой смелый, но и потому, что Ая Плутишка такая редкостно способная.

– Ты, милая моя, и не знаешь, сколько у Зебби денег. Может, никогда и не узнаешь. Некоторые не позволяют своей левой руке знать, что делает правая. Зебби не дает своему мизинцу знать, что делает большой палец.

Дити пожала плечами:

– Ну и ладно. Я не возражаю. Он добрый и нежный, и он сказочный герой, который спас мне жизнь, и папе, и тебе... а ночью он доказал мне, что жить стоит, я ведь не очень-то была уверена в этом с тех пор, как мамы не стало. Пойдем поищем наших мужчин, тетя Козочка. Я рискну вторгнуться в папину святая святых, но только если ты вторгнешься первой.

– Скорее в койку все за мной, и проклят будь, кто первый крикнет «Стой!»²².

– Не думаю, чтобы мужчины сейчас были озабочены именно этим.

– Кайфоломщица. Как разворачивается этот ваш книжный шкаф?

– Надо включить скрытые светильники, потом пустить холодную воду в мойке. Потом выключить светильники, а за ними воду – именно в таком порядке.

– Все страньше и страньше, сказала Алиса.

Книжный шкаф затворился за нами и оказался дверью, выходящей на верхнюю площадку лестницы. Лестница была широкая, пологая, с надежными ступеньками, не узкими и не скользкими, с перилами по обе стороны – совсем не такая, какими обычно бывают лестницы в подвал, удобные разве для того, чтобы ломать ноги. Дити спускалась рядом со мной, держа меня за руку, как ребенок, ищущий у взрослого поддержки.

Комната была с прекрасным освещением, хорошей вентиляцией и ничуть не походила на подвал. Наши мужчины склонились над столом в дальнем ее конце и никак не прореагировали на наше появление. Я огляделась, ища машину времени, но ничего такого не обнаружила – по крайней мере ничего похожего на то, что я видела в фильме Джорджа Пэла и про что читала в книгах. Кругом стояло разнообразное оборудование. Сверлильный станок я опознала,

²² Хильда очень неточно цитирует строчку из «Макбета» У. Шекспира: «Пробиться напролом в бою с тобой, / И проклят будь, кто первый крикнет „Стой!“» (перев. Б. Пастернака). – *Примеч. С. В. Голд.*

токарный тоже, но все остальное выглядело совершенно незнакомым, хотя в целом обстановка недвусмысленно напоминала механическую мастерскую.

Мой муж заметил нас, встал и произнес:

– Добро пожаловать, дамы!

Зебби обернулся и строго сказал:

– Вы опоздали на занятия. Займите свободные места. Во время лекции не шептаться, вести записи. Завтра в восемь утра контрольный опрос. Если хотите о чем-нибудь спросить, поднимите руку и ждите, пока вас вызовут. Кто будет плохо себя вести, останется после уроков и будет мыть классные доски.

Дити показала ему язык и уселась, не произнеся ни слова. Я потрепала его по голове и шепнула ему на ушко кое-что непристойное. Потом поцеловала своего мужа и тоже села.

Мой муж продолжал прерванный разговор с Зебом:

– В результате у меня пропало еще несколько гироскопов.

Я подняла руку.

– Да, Хильда, – сказал мой муж. – Что, милая?

– В «Манки уордс» продаются «гироскопы»²³ – я куплю тебе сразу сто штук.

– Спасибо, дорогая моя, но это не те, что мне нужны. Их делают «Сперри», филиал «Дженерал фудз».

– Ну, так я куплю их у «Сперри».

– Шельма, – вмешался Зеб, – по-моему, тебе придется мыть не только доски, но и губки для мела.

– погоди, сын. Давай-ка мы попробуем на Хильде, понятно я объясняю или нет, а то ведь это практически невозможно изложить без уравнений, которыми пользовался твой кузен Зебулон, а ты утверждаешь, будто эта математика тебе незнакома...

– Она мне действительно незнакома!

– ...Но ее физическую интерпретацию ты превосходно усвоил. Вот и объясни Хильде суть дела. Если она поймет, то, наверное, окажется возможным построить такой континуумоход, что им сможет управлять человек без всякого технического образования.

– Ну конечно уж, – язвительно сказала я, – где уж мне, с опилками-то в голове. Я гожусь только на то, чтобы нажимать кнопки разных там телевизоров и головизоров, а куда при этом летят электроны, это заведомо выше моего понимания. Ну давай, Зебби, показывай, какой ты умный.

– Постараюсь, – охотно согласился он. – Только пожалуйста, Шельма: не болтай лишнего и не отвлекайся на другие темы. А то я попрошу папу тебя побить.

– Он не посмеет! Пусть только попробует!

– Ах не посмеет? Тогда я подарю ему на свадьбу кнут – это в дополнение к «Таинственным историям». Джейк, «Истории» ты тоже получишь. Но кнут тебе необходим. Напряги внимание, Шельма.

– Напрягла, Зебби. А ты напряги вдвойне.

– Ты знаешь, что такое «прецессия»?

– Разумеется. Предварение равноденствий. Это значит, что Вега станет Полярной звездой, когда я стану прабабушкой. Через тридцать тысяч лет или около того.

– По существу правильно. Но ты пока даже еще не мама.

– Ты не знаешь, что произошло сегодня ночью. Теперь я будущая мама. И Джейкоб не посмеет подойти ко мне с кнутом.

²³ Шельма опять изображает дурочку: вместо «gyroscope» предлагает Джейку «gyro tops» – донер кебаб, он же шаурма. – Примеч. С. В. Голд.

Мой муж явно удивился, но, похоже, обрадовался – а я почувствовала облегчение. Зебби взглянул на свою жену. Дити торжественно сказала:

– Это вполне возможно, Зебадия. Мы обе не принимали контрацептивов, и у нас обеих овуляция – или уже, или вот-вот. У Хильды группа крови В резус-положительная, у отца АВ положительная. У меня А положительная. Могу ли я узнать, какая группа у вас, сэр?

– Ноль, положительная. Да... Не исключено, что я подбил тебя первым же залпом.

– Весьма вероятно. Но... скажи, положительно ли ты к этому относишься?

– Положительно? – Зебби встал со стула, отшвырнув его. – Принцесса, вы не могли бы подарить мне большего счастья! Джейк! За это нужно поднять бокалы!

Мой муж прервал наш затянувшийся поцелуй.

– Предложение единодушно одобряется! Дочь, есть у нас холодное шампанское?

– Есть, папа.

– Ну хватит вам! – сказала я. – Зачем такой энтузиазм по поводу нормальной биологической функции? Нам с Дити *неизвестно*, залетели ли мы, мы лишь надеемся, что залетели. И вообще...

– Ну, так мы попробуем еще, – перебил меня Зеб. – Какой у тебя календарь, Дити?

– Двадцать восемь с половиной дней, Зебадия. У меня ритм четкий, как маятник.

– У меня двадцать семь дней, мы с Дити просто случайно совпали по фазе. Но от шампанского я не отказываюсь, за ужином мы его откупорим, а то вдруг потом долго не придется. Дити, у тебя бывает утреннее недомогание?

– Не знаю, я ни разу не бывала беременной... пока.

– А я бывала, и у меня бывает, и это гадость. В тот раз я очень старалась сохранить маленького, не получилось. Зато теперь уж рожу непременно! Свежий воздух, упражнения по строгой программе, неукоснительная диета, сегодня вечером – только шампанское, потом ни капли, пока не буду знать точно. А тем временем – профессор, позвольте мне заметить, что идут занятия! Я желаю знать все о машинах времени, а когда опилки у меня в голове подмочены шампанским, они плохо работают.

– Шельма, временами ты меня поражаешь.

– Зебби, временами я сама себя поражаю. Мой муж строит машины времени, и я должна знать, как они действуют. Или по крайней мере на какие кнопки нажимать. А то вдруг его укусит Бармаглот и мне придется везти его домой. Давай объясняй дальше.

– Объясняю четко и наглядно.

Но все же несколько минут ушло у нас впустую («впустую?»), так как все целовались друг с другом – даже Зебби с моим мужем похлопали друг друга по спине и обменялись поцелуями в обе щеки в латинском стиле. Зебби попытался было поцеловать меня так, будто я и правда его теща, но я не целовалась подобным образом лет с пятнадцати. Я проявила твердость, и в конце концов он капитулировал и устроил мне такой поцелуй, какого еще ни разу не устраивал – о-о-о-о! Дити, конечно, знала, что делала. Но я не хочу давать моему средних лет мужу повод для ревности к молодому мужчине, и кроме того, не идиотка же я, чтобы пытаться соперничать с Дитиными сиськами и всем прочим, в то время как у меня у самой вместо них яичница из двух желтков, а моему милому старому козлику так нравится мое все прочее. Итак, занятия возобновились.

– Шельма, ты можешь сказать, что такое прецессия у гироскопа?

– Не знаю, попробую. Когда-то я сдавала физику за первый курс, но это было давно. Толкни гироскоп, и он начнет двигаться не в том направлении, в котором ты ожидаешь, а под углом в девяносто градусов к этому направлению, так что толчок как бы подстраивается под вращение. Вот так. – Я наставила на них указательный палец, словно мальчишка, вопящий: «Бабах, ты убит!» – Мой большой палец – это ось вращения, указательный – направление толчка, остальные пальцы показывают направление вращения.

– Молодец, можешь сесть в первый ряд. Теперь – подумай как следует! – представь себе, что мы установили гироскоп в раме и затем приложили к нему равные силы *по всем трем* пространственным координатам одновременно: как он себя поведет?

Я попыталась представить это зрительно.

– По-моему, он или упадет в обморок, или рухнет замертво.

– В качестве первой рабочей гипотезы неплохо. Если верить Джейку, он исчезнет.

– Они *правда* исчезают, тетя Хильда, я видела. Несколько раз.

– Но куда же они деваются?

– Мне недоступна математика Джейка, я вынужден принимать его выкладки на веру. Но они основаны на идее шести пространственно-временных координат: три из них пространственные, самые обычные, которые мы знаем, они обозначаются x , y и z , и три временные, одна обозначается обыкновенным английским «ти» – t , другая греческой буквой «тау» – τ , а третья кириллической буквой «т» – t .

– Выглядит как латинское курсивное «м».

– Да, только это не «м», у русских это вместо нашего «ти».

– Нет, у русских вместо нашего «ти»²⁴ – «chai». В толстых стаканах с клубничным вареньем.

– Прекрати, Шельма. Итак, у нас имеется шесть измерений: x , y , z , t , τ , t . В теории принимается, что все они находятся под прямым углом друг к другу и что любое из них переходит в любое другое посредством вращения – или что можно ввести новую координату (не седьмую, а новую вместо какой-либо из шести), скажем, заменить «тау» на «тау прим» путем смещения по оси x .

– Зебби, я отключилась еще четыре координаты тому назад.

– Покажи ей колючку, Зеб, – посоветовал мой муж.

– А что, пожалуй. – Зеб взял у него какую-то шутовину и положил передо мной. Шутовина была похожа на одну головоломку, которая была у меня в детстве, только вместо шести палочек из нее высывались четыре. Три стояли на столе, треножником, четвертая торчала вверх.

– Это оружие, – сказал Зеб, – изобретенное в незапамятные времена. Концы должны быть острые, тут они сточены. – Он подбросил шутовину, она упала на стол. – Как бы она ни упала, один шип всегда направлен вертикально вверх. Если рассыпать такие перед конницей, кони натыкаются, падают, атака захлебывается. В Первую и Вторую мировые войны они снова вошли в употребление – против всего, что ездит на надувных шинах: велосипедов, мотоциклов, грузовиков и тому подобного. А когда они большие, то выводят из строя и танки, и все, что на гусеницах. Маленькие удобны в партизанской войне, их можно метать из засады – обычно они бывают отравленные и убивают безотказно.

Но тут у нас эта смертельная игрушка служит просто геометрической проекцией, трехмерным чертежом координат четырехмерного пространственно-временного континуума. Каждый штырь находится под углом ровно девяносто градусов к любому другому.

– Вовсе нет, – возразила я. – Тут каждый угол больше прямого.

– Но я же сказал, что это *проекция*, Шельма, это изометрическая проекция четырехмерных координат в трехмерном пространстве. Это искажает углы... а человеческий глаз еще более ограничен. Закрой один глаз, замри, и ты увидишь только два измерения. Иллюзию глубины создает мозг.

– Я не очень-то умею замирать...

– Это уж точно, – подтвердил мой супруг, которого я нежно люблю и в тот момент готова была задушить.

²⁴ Слово «ти» (tea) на английском означает «чай». – Примеч. С. В. Голд.

– Но я могу закрыть оба глаза и *ощупать* эти измерения.

– Вот и прекрасно. Закрой глаза, возьми эту штуку в руки и представь себе, что штыри – это четыре измерения четырехмерного пространства. Тебе что-нибудь говорит слово «тессеракт»?²⁵

– В школе учитель геометрии показывал нам, как делать тессеракты – то есть их проекции – из воска и зубочисток. Очень интересно. Я обнаружила еще кое-какие четырехмерные фигуры, проекции которых делать легко. И научилась их делать. Разными способами.

– Шельма, у тебя был какой-то совершенно исключительный учитель геометрии.

– Так я же училась в исключительном классе. Ты только не падай в обморок, Зебби, я состояла в группе так называемых сверхуспевающих детей. Тогда как раз было сочтено недемократичным называть нас «особо одаренными».

– Вот это да! Так какого же черта ты вечно изображаешь дурочку?

– А вы обо всем поверхностно судите, молодой человек! Я хихикаю, потому что не позволяю себе рыдать. Это безумный мир, и единственный способ получать от него удовольствие – это относиться к нему как к шутке. Но это же не значит, что я не читаю и не думаю. Я читаю все: от Джиблетта до Хойла, от Сартра до Полинга²⁶. Я читаю в ванне, читаю на стульчаке, читаю в постели, читаю, когда ем в одиночку, и читала бы во сне, если бы только умела спать с открытыми глазами. Дити, вот тебе доказательство, что Зебби никогда со мной не спал: книги у меня внизу – это для красоты, мое настоящее чтиво все у меня в спальне.

– Дити, ты разве думала, что я спал с Шельмой?

– Нет, Зебадия.

– И не будешь спать! Дити рассказала мне, какой ты сексуальный маньяк! Попробуй только облапить меня своими похотливыми ручищами, я кликну Джейкоба, и он тебя отколошматит.

– Не рассчитывай на это, милая моя, – смиренно отозвался мой муж. – Зеб крупнее, сильнее и моложе меня... и даже если я сочту необходимым все-таки попробовать, на меня накричит Дити. И отколошматит *меня*. Сын, я должен был тебя предупредить: моя дочь *беспощадно* применяет карате. У нее инстинкт киллера.

– Спасибо. Кто предупрежден, тот вооружен. Буду защищаться с кухонным стулом в одной руке, револьвером в другой и кнутом в еще одной, как я это проделывал со львами и тиграми в цирке.

– Получается три руки, – сказала Дити.

– Я четырехмерный, милая. Профессор, наш семинар можно ускорить, мы недооценили нашу сверхуспевающую студентку. Хильда очень способная.

– Зебби, давай поцелуемся и помиримся, а?

– Только после звонка, сейчас идут занятия.

– Зебадия, это никогда не бывает не вовремя. Правда, папа?

– Поцелуй ее, сын, а то она скучится.

– Не скучюсь. Я не кукса, я кусака.

– По-моему, ты еще и куколка, – сказал Зебби, обхватил меня за плечи, перетащил к себе через стол и впился в меня губами. Наши зубы клацнули, а мои соски взметнулись вверх. Иногда я жалею, что я такая благородная.

Но тут он опустил меня на место и объявил:

– Занятия продолжаются. Два штыря колючки, окрашенные в синий цвет, представляют трехмерное пространство нашего опыта. Третий штырь, окрашенный желтым, – это наше при-

²⁵ Тессеракт – четырехмерный куб. – Примеч. перев.

²⁶ Д. Джиблетт – американский публицист, популяризатор психоанализа; Ф. Хойл – английский астрофизик, автор научно-фантастических книг; Ж.-П. Сартр – французский писатель, философ и публицист, представитель экзистенциализма; Л. К. Полинг – американский физик и химик, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии. – Примеч. перев.

вычное t -время. Красный четвертый штырь символизирует одновременно τ -время и m -время, неисследованные временные измерения, необходимые для теории Джейка. Ну вот, Шельма, мы урезали шесть измерений до четырех, теперь придется либо делать умозаключения о шестимерной системе по аналогии с четырехмерной, либо прибегнуть к такой математике, которую, насколько мне известно, понимают только Джейк и мой кузен Эд. Если, конечно, ты не выдумашь нам какой-нибудь способ представить шесть измерений в трехмерной проекции – ты же говоришь, у тебя проекции отлично получаются.

Я закрыла глаза и задумалась.

– Зебби, по-моему, это невозможно. Не знаю, может, Эшер²⁷ смог бы.

– Это возможно, моя дорогая, – вмешался мой дорогой, – только ужасно неэффективно. Даже на дисплее компьютера, который умел бы вычитать одно или несколько измерений. У супергипертессеракта – a в шестой степени – слишком много ребер, вершин, граней, кубов и гиперкубов, чтобы глаз мог все это воспринять. А если компьютер вычтет вам измерения, то получится то, что вы и так уже знали. Боюсь, что человеческий мозг органически неспособен формировать многомерные зрительные образы.

– Мне кажется, папа прав, – согласилась Дити. – Я много сил положила на эту программу. По-моему, сам покойный доктор Марвин Мински²⁸ не смог бы сделать это лучше в плоскостной проекции. Головидео? Не знаю. Непременно попробую, если в моем распоряжении когда-нибудь окажется компьютер с головизионным дисплеем и со способностью прибавлять, вычитать и вращать шесть координат.

– Но отчего непременно шесть? – спросила я. – Почему не пять? Или даже четыре, раз вы говорите, что измерения можно менять одно на другое посредством вращения.

– Да, почему, Джейк? – спросил Зеб.

Мой возлюбленный пришел в некоторое замешательство.

– Видите ли, мне показалось странным, как это так получается, что пространственно-временной континуум содержит три пространственных измерения, а временное только одно. Конечно, Вселенная такова, какова она есть, но ведь природа полна симметрии. Даже после опровержения принципа четности ученые продолжали обнаруживать все новые и новые симметрии. Не говоря уже о том, что философы с симметрией никак не могут расстаться – но философы не в счет.

– Конечно, не в счет, – согласился Зеб. – Никакой философ не позволит фактам поколебать свои теории, а то его немедленно вышвырнут из философского цеха. Большинство из них упертые теологи.

– Я того же мнения. Ну так вот, Хильда, я придумал, как проверить это экспериментально, и оказалось, что измерений действительно шесть. Возможно, и больше – но я не знаю, как до них добраться.

– Так, – сказала я. – Дайте-ка сообразить. Если я правильно поняла то, что было сказано раньше, то любое измерение можно заменить на любое другое.

– Да, поворотом на девяносто градусов.

– Но это же значит, что из шести измерений можно брать сочетания по четыре, правда? Сколько это будет сочетаний?

– Пятнадцать, – сказал Зеб.

– Боже мой! Пятнадцать вселенных? А мы пользуемся всего *одной*?

²⁷ Морис Эшер (1898–1972) – нидерландский художник, автор графических работ, реализующих гротескные и парадоксальные геометрические представления. – *Примеч. перев.*

²⁸ Марвин Мински (1927–2016) – инженер-электрик, математик и исследователь в области когнитивных наук и искусственного разума. Ведущий специалист в роботехнике и компьютерах. Им запатентован графический дисплей, конфокальный микроскоп. Создатель искусственной нервной системы, научный консультант книги и фильма «Одиссея 2001 года». – *Примеч. перев.*

– Нет, нет, милая! Столько вселенных будет, если делать повороты на девяносто градусов в Евклидовой вселенной. А она – вернее, они, то есть наши вселенные – определенно неевклидовы, это известно по крайней мере с тысяча девятьсот девятнадцатого года. Или с тысяча восемьсот восемьдесят шестого, если хочешь. Я готов согласиться, что космология – наука несовершенная, но все же по соображениям, которые я не в состоянии сформулировать в математических терминах, мне пришлось принять, что мы живем в искривленном пространстве с положительным радиусом кривизны – иначе говоря, в замкнутом пространстве. А в этом случае оказывается, что вселенных, которые можно получить поворотом либо смещением, насчитывается вот сколько, – и мой муж небрежно набросал три шестерки.

– Шестьсот шестьдесят шесть, – недоверчиво сказала я. – Число Зверя.

– Как-как? А-а-а! Откровение Иоанна Богослова... Но я не это имел в виду. Я неразборчиво написал цифры, и ты решила, что это «666». А я подразумевал вот что: 666. Шесть в шестой степени, результат еще раз возвести в шестую степень. Это будет такое число: 1,03144·10²⁸, или, если написать полностью, 10314424798490535546171949056. То есть вселенных нашей группы насчитывается более десяти миллионов секстиллионов.

Что вы на это скажете, а?

Джейк продолжал:

– Эти вселенные – наши ближайшие соседи, они отстоят от нас на один поворот или одно смещение. Но если включить также и сочетания поворота со смещением – представь себе гиперплоскость, которая пересекает супергиперконтинуумы, не проходя через «здесь-сейчас», – то общая сумма становится неисчислимой. Не бесконечной: бесконечность не имеет смысла. Просто не поддающейся подсчету. Пересчитать эти вселенные с помощью существующей на сегодняшний день математики невозможно. Добраться до них на континуумоходе можно, а подсчитать нельзя.

– Папа!

– Что, Дити?

– По-моему, Хильда попала в точку. Ты хотя и агностик, но ценишь Библию как историю, поэзию и миф.

– Кто сказал, что я агностик, дочь моя?

– Прошу прощения, сэр. Я еще Бог весть когда пришла к такому выводу, поскольку ты не говорил на эти темы. Я была неправа. Не следует делать заключения на основании неполных данных. Но это ключевое число – одна целая три тысячи сто сорок четыре сотысячных на десять в двадцать восьмой степени – может быть, это и есть Число Зверя.

– Что ты хочешь этим сказать, Дити?

– Я хочу сказать, что Откровение – это не история, не очень хорошая поэзия и не миф. Тогда почему все эти высокоученые люди включили его в Библию, а десятки других текстов не включили? Должна же быть хоть какая-нибудь причина. Что, если в качестве первой гипотезы мы воспользуемся бритвой Оккама²⁹ и усмотрим в нем именно то, чем оно само себя называет? То есть пророчество.

– Гм. Полка под лестницей, рядом с Шекспиром. Библию короля Якова, остальные три перевода не надо.

Дити исчезла и в мгновение ока вернулась с потрепанной черной книжкой в руках. Я была несказанно удивлена. Я-то читаю Библию, у меня на то свои причины, но я никак не ожидала этого от Джейкоба. Воистину, мы всегда вступаем в брак с незнакомыми людьми.

²⁹ Бритва Оккама – тезис, сформулированный английским философом-схоластом, логиком, известным церковно-политическим писателем, францисканским монахом Вильямом Оккамом (ок. 1285–1349) и гласящий: «Лишние сущности должны быть отсечены», то есть в расчет следует принимать лишь то, что может быть выведено из опыта или интуитивного знания. – Примеч. перев.

– Вот, – сказала Дити. – Глава тринадцатая, стих восемнадцатый: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти Число Зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

– Это невозможно прочесть как показатели степени, Дити.

– Но это же *перевод*, папа. Оригинал-то на греческом. Не помню, когда были придуманы показатели степени, но само возведение в степень греческие математики того времени, конечно же, знали. Что, если в оригинале было «Дзета, *Дзета*, *ДЗЕТА*!»³⁰ – а переводчики, не зная математики, неправильно поняли это как «шестьсот шестьдесят шесть»?

– Ну уж... Фантазируешь, дочь.

– Кто учил меня, что мир не только удивительнее, чем мы предполагаем, но и удивительнее, чем мы *можем* предположить? Кто уже свозил меня в целые две другие вселенные и благополучно доставил обратно?

– Постой-ка! – вмешался Зеб. – Так вы с папой уже испытывали эту вашу машину пространства-времени?

– Разве папа тебе не говорил? Мы совершили одно минимальное смещение. Сначала нам показалось, что ничего не получилось и мы никуда не переместились. Но потом я раскрыла телефонную книгу. Там не оказалось буквы «J». И в «Британской энциклопедии» тоже не было «J». И ни в одном словаре не было. Тогда мы влезли обратно, папа поставил верньеры на ноль, мы вылезли, и алфавит был такой, как надо, и только тут я перестала дрожать. А когда мы совершали вращение, то было совсем жутко, мы чуть не погибли. Очутились в космосе, звезды сияют, но тут началась утечка воздуха, папа едва успел установить ноль, и мы потеряли сознание... а пришли в себя уже тут, в Гнездышке.

– Джейк, – серьезно сказал Зеб, – следует предусмотреть системы безопасности. И рычаг мертвеца³¹ для возвращения домой при утере контроля. – Он наморщил лоб. – По-моему, оба числа заслуживают внимания: и шестьсот шестьдесят шесть, и то длинное. У Дити интуиция, я в нее верю. Дити, где стих с описанием «Зверя»? Он должен быть где-то в середине главы.

– Вот: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон».

– Гм... Не знаю, как говорят драконы. Но если что-нибудь выйдет из земли, и у него будет два рога... и если я увижу или услышу любое из этих чисел – я буду считать, что этот гость носит черную шляпу, и постараюсь разделаться с ним прежде, чем он разделается с нами. Дити, я человек миролюбивый... но два почти удавшихся покушения – это чересчур. В следующий раз я стреляю первым.

Лучше бы уж Зебби не упоминал о Черных Шляпах. Трудно представить себе, чтобы кто-нибудь хотел убить такого славного, доброго и безобидного человека, как мой милый Джейкоб. Но кто-то *хотел* – и мы это знали.

– А где эта машина времени? – спросила я. – Я пока что видела одну рогатую колючку.

– Вот же. Ты на нее глядишь, тетя Хильда.

– Как это? Не понимаю. Давайте скорее заберемся в нее и *немедленно* куда-нибудь отправимся. Я не хочу, чтобы моего мужа убили, он совсем новенький. Я рассчитываю еще много лет им пользоваться.

– Шельма, брось, а? – попросил Зебби. – Вон она, на скамье, по ту сторону стола.

– Я вижу только портативную швейную машинку.

– Вот это она и есть.

– То есть как? А как же в нее влезают? Или на ней ездят верхом, как на помеле?

³⁰ *Дзета* – шестая буква греческого алфавита; обозначает также цифру 6. – *Примеч. перев.*

³¹ *Рычаг мертвеца* – страховочное устройство, включающееся, когда оператор теряет возможность сознательного управления механизмом (срабатывает под действием веса мертвого тела или при прекращении контролируемого волей человека усилия). – *Примеч. перев.*

– Ни то и ни другое. Ее жестко устанавливают в каком-нибудь транспортном средстве. Желательно герметичном и водонепроницаемом. У папы она стояла в его машине, но она была недостаточно герметична, да и все равно теперь ее уже нет. Мы с папой собираемся поставить ее на Аю Плутешку, Ая воздуха не пропускает. Кроме того, мы смонтируем надежные системы безопасности.

– Уж пожалуйста, – сказала я. – Непременно надежные.

– Обещаю. Я теперь женат. Оказывается, это многое меняет. Раньше я беспокоился только о собственной шкуре. Теперь беспокоюсь о Дитиной. И твоей. И папиной. Обо всех четверых.

– Правильно, – согласилась я. – Все за одного, один за всех!

– Угу, – ответил Зебби. – Не за всех, только за нас четверых. Дети, когда обед?

Глава седьмая

*Avete, alieni, nos morituri vos sperminus*³².

ДИТИ:

Пока мы с тетей Хильдой готовили еду и накрывали на стол, наши мужчины исчезли. Вернулись они как раз к обеду. Зебадия нес интерком, папа – шнур, который он вставил в розетку в стене, а другим концом присоединил к интеркому.

– Джентльмены, как вы вовремя, у нас уже все готово, – приветствовала их тетя Хильда. – Что это у вас такое?

– Гостя к обеду, моя дорогая, – ответил папа. – Мисс Ая Плутиска.

– У нас хватит на всех, – заявила тетя Хильда. Сейчас поставлю еще один прибор. – Она принесла пятую тарелку, и Зебадия водрузил на нее интерком. – Что она будет пить, кофе или чай?

– Она не запрограммирована ни на то ни на другое, – ответил Зебадия, – но я благодарю тебя от ее имени. Милые дамы, мне очень захотелось услышать новости из Сингапура и с Суматры. Я пошел и велел своему автопилоту доложить. Джейк пошел со мной; он сказал, что у него тут кое-где устроена резервная проводка – на всякий случай. Вот это и был такой случай. Ая подключена к этой линии у себя в гараже, и мы можем разговаривать с ней по интеркому. Я могу вызвать ее, а она вызовет меня, если появится новая информация. Я запрограммировал ее на передачу всех интересующих нас новостей, в том числе и по прежним программам – что происходит в Логане и что дома.

– Я добавлю еще розетку в подвале, – сказал папа. – Но твой дом *здесь*, сын, не в Калифорнии.

– Да, но...

– Не спорь, Зебби. Это *мой* дом, потому что я жена Джейка, а поскольку ты теперь мой зять, то, значит, и твой. Джейк так и сказал, ты сам слышал. Верно, Дити?

– Конечно, – подтвердила я. – Тетя Хильда – хозяйка дома, а я судомойка. Но Гнездышко – и мой дом тоже, пока папа с тетей Хильдой не вышвырнули меня на снег, а раз мой, то и моего мужа.

– На снег не вышвырнем, Дити, – поправила меня тетя Хильда. – Джейк добрый, он потребует, чтобы вышвыривание состоялось в теплый солнечный день. Но ты без крыши над головой не останешься. Мой дом в Калифорнии – мой и Джейкоба – давно стал твоим вторым домом, а Зебби уже который год спешит ко мне, как только проголодается.

– Ну что ж, бросаю в общий котел свою холостяцкую квартиру.

– Зебби, *не вздумай* класть Дити на свой топчан. Дити, у него чудовищная койка. Пружины торчат. Просыпаешься вся в синяках. Зебби, изволь отослать свою мебель обратно в тот благотворительный фонд, у которого ты ее получил.

– Шельма, ты опять за свое. Дити, у меня в берлоге не топчан и не койка, а императорское ложе, на нем улягутся трое, а если они хорошо знакомы между собой, то и шестеро.

– Мой капитан, ты устраиваешь оргии? – удивилась я.

– Нет. Но мало ли что может произойти в будущем.

– Ты ужасно предусмотрителен, Зебадия, – похвалила я его. – Меня пригласят?

³² «Здравствуйте, пришельцы, мы, предназначенные к смерти, презираем вас» (лат.) – парафраз традиционного приветствия гладиаторов: «Ave, Caesar, morituri te salutant». – «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя». – Примеч. перев.

– Если я решу устроить оргию, то подбирать гостей и рассылать приглашения будет моя жена.

– Благодарю, сэр. Когда я увижу, что я тебе наскучила, я изучу каталоги и подберу для тебя самые лучшие образцы. Всех ароматов и расцветок.

– Моя принцесса, воспитание не позволяет мне отшлепать беременную женщину. Но не исключено, что этот запрет все-таки придется нарушить. Папа, я не перестаю восхищаться вашим Гнездышком. Кто его проектировал, архитектор?

– Бр-р-р-р! Ненавижу слово «архитектор». У меня *инженерное* образование. Архитекторы копируют ошибки друг друга и называют это «Искусством». Даже Фрэнк Ллойд Райт³³ никогда не понимал, что делали Гилберты. Его дома прекрасно выглядели снаружи, но внутри они были жутко неудобны. Пыльные. Мрачные. Не дома, а лабиринты для лабораторных крыс. Фу!

– Что, и «Ньютра» тоже?

– Если бы его не связывали по рукам и ногам правила строительных работ, требования профсоюзов, законы о планировке – «Ньютра» могла бы получиться великолепной. Но людям не нужны эффективные машины для жилья, они предпочитают ютиться в средневековых лачугах, как ютились их закусанные блохами предки. Холод, сквозняки, антисанитария, дурное освещение, и все это в количествах сверх меры.

– Уважаю ваше мнение, сэр. Но, папа... тут три камина – и ни одной трубы. Как это сделано? И для чего?

– Зеб, я люблю камины – и к тому же в горах несколько полешек могут спасти тебе жизнь. Но к чему нам обогревать небо, а тем более обращать внимание посторонних на то, что мы здесь, а тем более надеяться на искроуловители в краю лесных пожаров? Когда ты разводишь в этих каминах огонь, автоматически включается вытяжная вентиляция. Дым и твердые частицы подвергаются электростатическому осаждению. Осадители автоматически прочищаются, как только температура падает до двадцати пяти градусов по Цельсию. Горячий воздух проходит по змеевикам под ваннами и полами, потом под другими полами, потом поступает в теплохранилище в скале под гаражом, от теплохранилища работает тепловой насос, обслуживающий дом. Когда отсасываемый газ наконец выбрасывается во внешнюю среду, а это происходит далеко от дома, он уже настолько охлажден, что учуять его могут только самые чувствительные теплоуловители. Максимально полная утилизация энергии плюс безопасность: мы никому не бросаемся в глаза.

– Ну хорошо, а что, если нас занесло снегом и энергопакеты кончились?

– В запасе имеются Франклиновы печи, а также трубы к ним, в стенах есть открываемые изнутри задвижки для присоединения дымоходных труб.

– Папа, – поинтересовалась я, – как насчет Правила Номер Один? Или Правило Номер Один было отменено вчера вечером в Элко?

– А-а. Суд постановляет, что действие Правила приостановлено до тех пор, пока Хильда не ратифицирует или не аннулирует его. Хильда, любимая, много лет назад Дити установила Правило Номер Один...

– Я его ратифицирую!

– Спасибо. Но ты сначала послушай. Это относится к завтракам, обедам и ужинам. Запрещаются любые программы новостей...

– Папа, – снова перебила я, – пока Правило Номер Один не действует, я хочу знать: *нет ли свежих новостей у Аи Плуттишки*? Я же волнуюсь!

³³ Фрэнк Ллойд Райт (1869–1959) – американский архитектор и теоретик архитектуры. «Ньютра» – одно из построенных им зданий. – *Примеч. перев.*

– Пока ничего нового, дорогая. Откуда, как ни забавно, вытекает, что мы с тобой по-прежнему считаемся погибшими *дважды*, так как службы новостей все еще не заметили противоречия. Впрочем, мисс Ая Плутиска немедленно даст нам знать, если поступят новые сообщения: в экстренных ситуациях Правило Номер Один отменяется. Зеб, хочешь, на ночь мы установим это приспособление у вас в спальне?

– Не то чтобы я этого хотел, но, боюсь, придется. Надо быть начеку, если хотим уцелеть.

– Этот аппарат мы оставим здесь, а параллельный пусть будет у вас, с усилителем, чтобы разбудить тебя в случае чего. Так вот, Правило Номер Один: во время еды запрещаются программы новостей и газеты. Запрещаются также разговоры о делах, о деньгах, о неприятностях. Не допускаются никакие политические дискуссии, упоминания о налогах, о внутренних и внешних политических проблемах. Чтение художественной литературы разрешается только в кругу семьи, не при гостях. Беседовать надлежит исключительно на приятные темы...

– Что, скандалы и сплетни тоже запрещаются? – возмутилась тетя Хильда.

– Смотря какие, милая. Весело сплетничать о друзьях и знакомых, перемывать косточки несимпатичным субъектам – пожалуйста! Итак, что ты собираешься делать с этим Правилom: ратифицируешь, аннулируешь, внесешь поправки или примешь на рассмотрение?

– Ратифицирую без изменений. Не хочет ли кто-нибудь перемять косточки какому-нибудь знакомому несимпатичному субъекту?

– Могу вам кое-что сообщить про Дубину, – предложил Зебадия.

– Ну-ка?

– Я получил эту информацию из надежного источника, но у меня нет доказательств.

– Для перемывания косточек это несущественно. Ну же, Зебби!

– В общем, эту историю рассказывала сама ее героиня, одна смазливенькая студенточка. Она попыталась вручить Бинни всю себя в обмен на удовлетворительную оценку по общему курсу математики, который совершенно необходим, чтобы получить у нас в университете *хоть какую-нибудь* степень. Он на то и рассчитан, этот курс, чтобы даже самые тупые спортсмены-рекордсмены все-таки не остались без диплома. А эта мисс Смазли и его завалила – хотя нужен особый талант, чтобы такой экзамен завалить. И вот она попросилась на прием к декану факультета – то есть к Дубине – и сделала ему недвусмысленное предложение. Он дает ей горизонтальные уроки прямо тут, или у нее дома, или у него дома, или в мотеле, она вручает ему гонорар когда и где ему будет угодно. Но чтоб у нее *была* удовлетворительная оценка.

– Такое случается в любом университете, сын, – заметил папа.

– Я еще не дошел до главного. Рассказывала она эту историю не то чтобы с негодованием – скорей с недоумением. По ее словам, суть ее предложения до Бинни так и не дошла (по-моему, это невозможно, видели бы вы эту девицу). Профессор не ответил ни согласием, ни отказом, не счел себя оскорбленным и вообще как будто ничего не понял. Он велел ей договориться с преподавателем о дополнительных занятиях и о переэкзаменовке. Теперь мисс Смазли всем сообщает, что профессор Дубина – либо евнух, либо робот. И вообще не совсем человек. Абсолютно бесполой.

– Он безусловно туповат, – сказала тетя Хильда. – Но я бы сумела объяснить подобную вещь любому мужчине. Даже если его совершенно не интересует моя прекрасная девственная плоть. Просто я ни разу не обращалась с такими предложениями к профессору Бину, потому что меня не интересует *его* плоть. Даже в виде шашлыка.

– Хильда, дорогая моя, почему же ты тогда пригласила его к себе на вечеринку?

– Как почему? Из-за твоей записки, Джейкоб... Я не могла бы отказать тебе в просьбе.

– Постой, Хильда, я что-то не пойму... Когда я говорил с тобой по телефону, я попросил тебя пригласить Зеба – будучи уверен, что это его кузен Зебулон – и я действительно сказал, что неплохо было бы позвать еще двоих-троих с математического факультета, иначе будет ясно, что наша встреча специально устроена. Но я не называл доктора Бина. И я *не писал* тебе записку.

– Джейкоб! Ты *написал* мне записку. Она у меня. В Калифорнии. На почтовой бумаге твоего университета, и там напечатано твое имя.

Профессор Берроуз недоуменно покачал головой.

– Шельма, – сказал Зебадия Картер, – записка написана от руки или напечатана на машинке?

– Напечатана. Но там же была твоя подпись! Пойдите-ка. Там были мои фамилия и адрес, слева внизу. И фамилия Джейкоба, тоже напечатанная, но подписано было от руки: «Джейк». Сейчас... «Дорогая Хильда, это постскриптум к моему вчерашнему звонку, очень прошу тебя включить в число приглашенных доктора Дональда У. Бина, декана математического факультета. Вчера я забыл его упомянуть – не знаю, что на меня нашло. Возможно, я был околдован твоим изумительным голосом. Нежный привет от Дити. Всегда твой Джейкоб Дж. Берроуз», и поверх напечатанной фамилии от руки написано «Джейк».

– Ватсон, вы знаете мои методы, – сказал мне Зебадия.

– Безусловно, дорогой Холмс. Черная Шляпа. В Логане.

– Это мы и так знали. Что *нового* мы знаем теперь?

– Так... Папа звонил из дома, это я помню. Значит, кто-то прослушивает наш телефон. То есть прослушивал: если там была какая-то электроника, то теперь она сгорела.

– Вероятнее всего, записывающая аппаратура. Возможно, пожар для того и устроили, чтобы уничтожить эту аппаратуру и прочие улики. Ведь теперь мы знаем, что Черным Шляпам *было известно*, что твой отец – и ты, конечно, но охотятся-то они за отцом – будет в этот вечер в Калифорнии. «Убив» его в Калифорнии, они уничтожили все, что могли, в Юте. Профессор, предсказываю: вскоре мы услышим, что вчера вечером был ограблен ваш кабинет в университете – исчезли все работы по шестимерным пространствам.

– Они там ничего не найдут, – пожал плечами папа. – Я не спешил с представлением полного текста монографии, после того как мои тезисы встретили столь унижительный прием. Я работал над ней только дома или здесь, и всякий раз, когда мы приезжали сюда, я привозил в здешний подвал все, что написал в Логане.

– А здесь ничего не пропало?

– Нет, сюда никто не являлся, я уверен. Вообще-то, эти бумаги не имеют особого значения, я все держу в голове. Континуумоход никто не трогал.

– Зебадия, по-твоему доктор Бин – это Черная Шляпа?

– Не знаю, Дити. Может быть, он просто марионетка в их руках. Но он так или иначе участвует в заговоре, в противном случае они не пошли бы на такую рискованную вещь, как подделка записки, только для того, чтобы он оказался на вечеринке у Хильды. Джейк, трудно ли украсть твою университетскую почтовую бумагу?

– Совсем не трудно. У меня нет секретаря, когда мне нужно, я посылаю за стенографисткой. Кабинет я не запираю, пока я в университете.

– Дити, раздобудь ручку и бумагу, а? Я хотел бы посмотреть, как Джейк подписывается «Джейк».

– Сейчас. – Я принесла требуемое. – У папы очень простая роспись, я часто за него подписываюсь... Я же веду его дела.

– Простую роспись как раз труднее всего подделать, если надо обмануть графолога. Но им-то не надо было обманывать графолога, им надо было подделать стиль, выбор слов – ведь Хильда не усомнилась, что это написано Джейком.

– Естественно, сын: если бы я писал Хильде, я бы примерно так и написал.

– Должно быть, составитель записки прочел много твоих писем и прослушал много разговоров. Джейк, будь добр, напиши «Джейк» четыре-пять раз, так, как ты обычно подписываешь письма друзьям.

Папа написал. Мой муж принялся изучать образчики подписи.

– Нормальные вариации. – Зебадия сам расписался «Джейк» с десятков раз, полюбовался на свою работу, взял чистый лист, расписался «Джейк» один раз и подал бумагу Хильде. – Ну как, Шельма?

Тетя Хильда подвергла роспись тщательному исследованию.

– Мне бы не пришло в голову сомневаться – почтовая бумага Джейка, стиль Джейка, подпись Джейка. Ну, и куда это нас привело?

– На простор пока не вывело. Но теперь у нас есть новые данные. Участвуют по меньшей мере трое: две Черные Шляпы и доктор Бин, который, возможно, тоже является Черной Шляпой, а возможно, и нет. Как минимум он наемный агент, служебная фигура, марионетка, которую они передвигают как шахматную пешку.

Причем двое плюс Бинни – это минимум, а скорее всего их больше. Все планировалось долго и основательно. Поджог, подлог, подрыв машины, прослушивание телефона, кража – и тайные сношения на больших расстояниях, с координацией преступных действий в каждом из пунктов. Вероятно, сюда следует включить и убийство моего кузена Зебулона. По всей видимости, Черные Шляпы знают, что Зеб Картер, который занимается n -мерной геометрией, – это не я. Я у них числюсь просто как случайная жертва.

Что их совершенно не беспокоит. Эти веселые парни убивают мух кувалдами и лечат насморк гильотиной. Они действуют умно, организованно, безошибочно и беззастенчиво – и единственное, что может их выдать, – это интерес к шестимерной неевклидовой геометрии.

Мы не знаем, кто они – нам известен только доктор Бин, роль которого неясна. Но, помоему, Джейк, мы знаем зачем – и это поможет нам выяснить кто.

– И *зачем* же, Зебадия? – не вытерпела я.

– Принцесса, твой отец мог бы оказаться специалистом в сотнях других областей математики, и они не стали бы его тревожить. Но случилось так – на самом деле это, конечно, не случайно, я не верю в «случайность» в этом смысле слова, – получилось так, что он занялся той самой *единственной* геометрией из бесконечного количества возможных, которая *правильно* описывает реальное устройство пространства-времени. Он открыл это устройство, он ведь гениальный теоретик и гениальный практик, и он понял, как построить простой аппарат – поразительно простой, это величайшее изобретение со времен открытия колеса – аппарат пространства-времени, открывающий доступ во все вселенные, во все это Число Зверя. Плюс неисчислимые вариации этих бесчисленных вселенных. Но у нас есть перед ними одно преимущество.

– Какое преимущество? Они вот-вот убьют моего Джейкоба!

– Одно большое преимущество, Шельма. Черные Шляпы знают, что Джейк разработал эту математику. Но они *не знают*, что он уже построил свою пространственно-временную карету, они думают, что он только пишет символы на бумаге. Они попытались дискредитировать его работу, и эта попытка удалась. Они попытались убить его, и эта попытка почти удалась. Возможно, они считают, что Джейка уже нет в живых, а Зебулона, скорее всего, и действительно уже нет. Но они *не знают* про Гнездышко.

– Почему ты так думаешь, Зеб? Я надеюсь, что не знают, – но почему ты так уверен?

– Потому что эти типы действуют всерьез. Они взорвали вашу машину и сожгли ваш дом. Что они применили бы здесь – если бы знали? Атомную бомбу?

– Сын, ты считаешь, что преступники могут обладать ядерным оружием?

– Джейк, это не «преступники». «Преступник» есть элемент некоего подмножества более мощного множества «люди», «человеческие существа». А эти существа – не люди.

– Как-как? Я что-то не улавливаю, Зеб.

– Дити, пропусти это через компьютер. Который у тебя между ушами.

Я ничего не ответила и стала молча думать. Несколько минут прошло в довольно неприятных размышлениях, после чего я сказала:

– Зебадия, Черные Шляпы не знают про аппарат у нас в подвале.
– Неоспоримо, – согласился мой муж. – Ибо мы еще живы.
– Они намерены уничтожить некую новую работу в области математики... а заодно и ее создателя.

– Утверждение истинно с вероятностью, близкой к единице, – снова согласился Зебадия.
– Потому что эта работа может быть использована для перемещения из одной вселенной в другие.

– Совершенно логично, – констатировал мой муж.
– Под этим углом зрения люди делятся на три группы. Во-первых, те, кто интересуется математикой не больше, чем нужно для того, чтобы считать деньги. Во-вторых, те, кто разбирается в математике. И в-третьих, очень небольшое число людей, которые способны понять, какие возможности она открывает.

– Так.
– Но насколько я знаю, человеческому роду пока *ничего* не известно о других вселенных.
– Действительно не известно. Существенное предположение.
– Однако люди из этой третьей группы не стали бы препятствовать попыткам проникнуть в другие вселенные. Они стали бы ждать и следить с интеллектуальным интересом за тем, что из этих попыток получается. Они могут верить или не верить или просто не спешить с выводами. Но они *не стали* бы противодействовать. Если бы они увидели, что мой отец достиг успеха, они были бы в восторге. Радость интеллектуальной находки – признак настоящего ученого.

Никаких иных групп, – добавила я со вздохом, – в этой классификации быть не может. Если исключить немногочисленных душевнобольных людей, то эти три подмножества исчерпывают собой множество «человеческие существа». Наши противники не являются душевнобольными: они умны, изобретательны и организованны.

– В чем мы имели много возможностей убедиться, – подтвердил Зебадия.
– Следовательно, наши противники – не человеческие существа. Они разумные пришельцы из каких-то других мест. – Я снова вздохнула и замолкла. Быть оракулом – нерадостная профессия.

– Или из других времен. Хильда, можешь ли ты убить?
– Кого убить, Зебби?
– Можешь ли ты убить кого-нибудь, чтобы спасти Джейка?
– Еще бы! Ради Джейкоба – убью кого угодно!
– Тебя я не спрашиваю, моя принцесса: Дею Торис я знаю. Ситуация такова, милые дамы, – продолжил Зебадия, – нам предстоит охранять самого ценного человека на этой планете. Причем неизвестно, от чего или от кого. Джейк, твоя охрана состоит из двух амазонок, одна маленького роста, одна среднего, обе, скорее всего, в положении, и одного Трусливого Льва³⁴. Я нанял бы парочку воинов дорсай, но потерял их адресок. Или Серого Ленсмена и всех его приятелей. Но у нас есть только мы, так что придется нам обходиться своими силами – надеюсь, что обойдемся! *Avete, alieni, nos morituri sperminus!* Давайте-ка откупорим наше шампанское.

– Мой капитан, стоит ли? – сказала я. – Мне что-то страшно.
– Стоит, стоит. Я сегодня работать больше уже не буду, устал, и Джейк, по-моему, тоже. Завтра мы займемся установкой аппаратуры внутри Аи Плутитшки, а заодно подотредактируем и перепрограммируем ее так, чтобы она работала с каждым из нас. А сегодня нам нужно поведать и выспаться. Будем наслаждаться до донышка каждым часом, это особенно хорошо получается, когда знаешь, что это, возможно, твой последний час.

³⁴ Трусливый Лев, Маленький Волшебник – персонажи сказки Фрэнка Баума «Волшебник страны Оз». – Примеч. перев.

Тетя Хильда ткнула Зебадию в ребра:

– Решено! Веселимся! Что-что, а это я умею! Вот сейчас как следует надурачусь, а потом возьму своего господина и повелителя в койку к мамочке Шельме. Дити, тебе прописываются те же витамины.

Неожиданно у меня стало легче на душе.

– Идет, тетя Хильда! Капитан Джон Картер всегда побеждает. Знаем мы, какой ты Трусливый Лев! А папа тогда кто? Маленький Волшебник?

– По-моему, да.

– Очень может быть. Папа, откупори шампанское, а? А то я вечно мучаюсь с этими пробками.

– С удовольствием, Дити. То есть я хотел сказать: Дея Торис, царственная супруга владыки-воителя.

– Не надо так официально, папочка. У нас тут сегодня неофициальное торжество. Очень неофициальное! Папа! Могу я снять штанишки?

– Спроси своего мужа. Это теперь его заботы.

Глава восьмая

Не будем разрушать иллюзии...

ХИЛЬДА:

В старости, жуя деснами перед камином и перебирая в памяти свои прегрешения, я буду вспоминать последовавшие за этим дни как самые счастливые в моей жизни. До того у меня было три медовых месяца, по одному с каждым из моих мужей на срок по контракту; два были ничего, один просто хороший (и, как стало ясно впоследствии, очень результативный в финансовом отношении). Но медовый месяц с Джейкобом оказался божественным.

Привкус опасности лишь обострял ощущение счастья. Джейкоб держался как ни в чем не бывало, а у Зебби интуиция, как у игрока на скачках. Видя, что Зебби невозмутим, Дити тоже перестала волноваться – а я и так не волновалась, я ведь надеюсь уйти из жизни мгновенно, как фейерверк, не влача существование – мерзкое, беспомощное, никому не нужное...

Опасность придает жизни аромат. Даже во время медового месяца. Особенно во время медового месяца.

Конечно, это был странный медовый месяц. Мы работали без устали, но наши мужья неизменно находили время погладить нас по одним местам, пожать за другие и всласть нацеловаться. Нет, не групповой брак, а две пары, образующие одну семью, где каждому легко со всеми остальными. Я даже утратила какую-то часть своей стервозности, и Зебби иногда называл меня не Шельмой, а Хильдой.

С Джейкобом мне было хорошо, как ни с кем. Он не очень высокого роста, сто семьдесят восемь сантиметров (другое дело, что я крошечная – метр пятьдесят два), и слегка лысоват, и от многолетнего сидения за письменным столом у него брюшко, но мне он нравится. На случай, если бы мне захотелось порадовать взор мужской красотой, имелся Дитин гигант – я любовалась им без всякого влечения: мой собственный нежный козлик просто не давал Шельме опомниться.

Когда Зебби появился в кампусе, я решила его приручить не ради внешности, а ради его непредсказуемого чувства юмора. Но, разумеется, если кто-нибудь во плоти и крови годится на роль Джона Картера, Владыки Марса, то это именно Зебадия Картер, у которого как раз второе имя Джон. В комнатах, одетый, да еще в своих поддельных роговых очках, он выглядит неуклюжим, огромным, неповоротливым. Я и понятия не имела, как он хорош, пока он как-то раз не воспользовался моим бассейном. (В тот день у меня было сильное искушение соблазнить его. Но как ни мало у меня достоинства и гордости, я давно приняла решение иметь дело с мужчинами только старше себя, так что эту мысль пришлось оставить.)

На свежем воздухе в Гнездышке, почти или совсем без одежды, Зебби смотрелся великолепно – этакий кугуар, мускулистый и грациозный. Спустя некоторое время я имела случай наглядно убедиться, насколько он и впрямь похож на Владыку Марса. На Барсуме³⁵ ведь полагалось владеть мечом... Я прекрасно знала эти старые сказки. Мой отец покупал бэллантайновские переиздания в мягкой обложке, они валялись у нас дома, когда я была маленькая. Едва научившись читать, я принялась читать все подряд, и истории про Барсум нравились мне гораздо больше, чем книжки «для девочек», которые мне дарили на день рождения и на Рождество. Себя я отождествляла с Тувией: ее так ужасно мучили эти жестокие жрецы Иссы, но потом ее девственность чудесным образом восстановилась в следующей книге – «Тувия, дева Марса». Я решила, что когда вырасту, то сменю себе имя на Тувию. Но когда мне исполни-

³⁵ Барсум – Марс в марсианском цикле Э. Р. Берроуза. – Примеч. перев.

лось восемнадцать, этот вопрос как-то сам собой отпал: я всю жизнь была Хильдой, зачем мне новое имя?

Зато я отчасти ответственна за имя Дити, которое так досаждало ей, пока не обнаружилось, что оно нравится ее мужу. Джейкобу непременно хотелось назвать дочку Дея Торис (по облику и по должности Джейкоб профессор, но в душе он неизлечимый романтик). Джейн опасалась, что к добру это не приведет. Я сказала ей: «Не дури, Джейни. Если твоему мужику чего-то захотелось и ты можешь ему это дать без всякого неудобства, так дай! Хочешь ты, в конце концов, чтобы он любил этого ребенка, или не хочешь?» Джейн подумала, и на крестинах «Дорис Энн» превратилась в «Дею Торис», а потом и в Дити – еще до того, как Дити научилась говорить – и все были довольны.

У нас установился распорядок: вставали рано, мужчины начинали возиться с проводами, всякими там инструментами, они устанавливали эту пространственно-временную фигюину в утробу к Ае Плутиске, а мы с Дити посвящали часок-другой домашнему хозяйству (которое в этой хижине много времени не отнимало благодаря гениальности Джейкоба), затем я приступала к решению одной технической задачи – вообще-то, ее решала Дити, но не без помощи с моей стороны.

В технике я разбираюсь неважно, училась только биологии, и то недоучилась. Правда, мое образование пополнили почти шесть тысяч часов добровольной работы медсестрой в медицинском центре нашего кампуса, этому я обучалась, могу быть сестрой, фельдшерницей – ну уж санитаркой-то точно могу быть: не визжу при виде крови и не брезгую подтирать рвоту. Университетская вдова с деньгами – должность веселая, но не душевспасительная. А я люблю чувствовать, что полностью оплатила пользование доставшимся мне кусочком Земли.

Кроме того, я нахваталась всего понемножку благодаря своему пристрастию к печатному слову, ну и потом еще ходила на все университетские лекции с заманчивыми темами... Схожу, а потом прослушаю на эту тему еще целый курс. Например, я записалась вольным слушателем на курс описательной астрономии, прошла его от и до и получила «отлично» на экзамене. Даже правильно рассчитала кометную орбиту, к своему удивлению (и к удивлению профессора).

Я могу провести электрический звонок или прочистить засорившуюся канализацию тросом, но для серьезных технических дел я нанимаю специалистов.

Так что Хильда годится в помощницы, а одна она ничего сделать не может. Аю Плутиску нужно было перепрограммировать – и тут Дити гений, хотя, глядя на нее, никто бы этого не подумал. Впрочем, дочь Джейкоба просто *должна* быть гением, да и мать ее имела такой IQ, что я, ее ближайшая подруга, и то поразились. Я обнаружила результаты ее теста, когда помогала раздавленному горем Джейкобу разбирать оставшиеся после нее вещи: что сохранить, что сжечь. (Я сожгла фотографии, на которых Джейн плохо выглядела, ненужные бумаги и одежду. Одежду ушедших нужно раздавать или сжигать: нельзя оставлять *ничего*, что не пробуждало бы счастливые воспоминания. Я поплакала, зато была уверена, что Джейкобу и Дити не придется плакать позже.)

У нас у всех есть частные водительские права для аэромобилей, а Зебби, в качестве З. Дж. Картера, капитана аэрокосмических войск Соединенных Штатов Америки, имеет еще и «командирское» водительское удостоверение. Он, правда, говорит, что космический летный стаж у него так, символический – сколько-то там часов в невесомости и одна посадка шаттла. Зебби вран, лгунишка и обманщик: я как-то ухитрилась стащить у него документы и заглянула в них без малейших угрызений совести. За один только совместный полет с австралийцами ему засчитали больше часов, чем он вообще себе приписывает. Как-нибудь припру его в уголке и заставлю рассказать мамочке Хильде все как есть. Думаю, это будет интересно... если только мне удастся разобраться, где правда, а где выдумки. В его рассказы об интимных отношениях с самкой кенгуру я *не* верю.

Зебби и Джейкоб решили, что мы все четверо должны уметь управлять Аей Плутешкой во всех ее режимах: на земле, в воздухе, на баллистической траектории (Ая не космический корабль, но она может делать высотные прыжки) и в пространстве-времени, то есть при перемещении между вселенными, составляющими Число Зверя, и их бесчисленными вариантами.

Я не очень-то уверена, что смогла бы все это постичь, но мужчины заверили меня, что разработали страховочное устройство, которое вытащит меня из переделки, если мне придется вести машину одной.

Часть проблемы состояла в том, что Ая Плутешка желала иметь дело только с одним мужчиной: ее двери отпирались только на голос ее хозяина или на отпечаток его большого пальца, в крайнем случае на особый стук, если хозяин почему-либо не хотел подавать голос или прикладывать палец. Зеб все время порывался сделать эту защиту от чужих еще более надежной, он говорил, что хочет обойти закон Мэрфи – «Все, что может пойти не так, *обязательно* пойдет не так». (Бабушка называла это Законом Бутерброда, который всегда падает маслом вниз.)

Так что первым делом необходимо было познакомить Аю Плутешку со всеми нами – сделать так, чтобы подходили голоса и правые большие пальцы всех четверых.

На это ушло несколько часов, при том что Зебби работал с помощью Дити. На кодовый стук ушло чуть меньше; стук воспроизводил один старый военный сигнал (предполагалось, что вор вряд ли догадается, что машина открывается от стука, и совсем уж ни за что не отгадает, как именно надо стучать). Зебби называл этот сигнал «Пьяный солдат», а Джейкоб утверждал, что он называется «Шлюпка с провизией». Дити доказывала, что его наименование – «День получки», она его слышала от дедушки Джейн.

Мужчины пришли к выводу, что права Дити, так как она знала не только мелодию, но и слова. В ее тексте вместо «пьяного солдата» фигурировал «пьяный матрос»³⁶, но там присутствовали также и «шлюпка с провизией», и «день получки».

Когда знакомство завершилось, Зеб вытащил откуда-то документацию на Аю: один том на ее тело, второй на мозг. Второй том он вручил Дити, а первый унес в подвал. Следующие два дня были легки для меня, но тяжелы для Дити. Я светила ей и делала записи под ее диктовку, в то время как она копалась в этом томе, морщила брови и залезала в самые немыслимые места, потная и перемазанная, а один раз выругалась такими словами, за которые Джейн и та ее отругала бы.

– Тетя Козочка, – сказала она в оправдание, – твой зять учинил над этой грудой спагетти такое издевательство, которого ни один порядочный компьютер никому не спустит! Эта штука – какой-то ублюдочный гибрид.

– Не говори так, Дити. Ая не штука и не ублюдочная.

– Она нас не слышит: я отключила ей слух, оставила только блок воспроизведения новостей, вон, подключен к той розетке, теперь Зебадия может разговаривать с ней только в подвале. Понимаешь, она была девушка как девушка, пока мой мужлан ее не изнасиловал. Насчет того, как бы не задеть ее чувства, не беспокойся, чувств у нее нет никаких. Для компьютера она довольно тупа. Любой заштатный колледж и многие школы имеют в собственности или арендуют компьютеры куда мощнее. Это же примитивный кибер, автопилот с ограниченной мощностью и ограниченной памятью. Зебадия к ней кое-что пристроил, так что она уже не просто автопилот, но ей далеко до обычного компьютера. Кое-как сляпанный гибрид. У нее гораздо больше возможностей, чем может понадобиться, и есть такие дополнительные функции, которые IBM и не снились.

– Дити, зачем ты снимаешь кожухи? Я думала, ты только программист. Не механик.

³⁶ «Пьяный матрос» – нескончаемая непристойная баллада, в которой отвечают на вопрос: «Что делать с пьяным матросом рано поутру?» – *Примеч. перев.*

– Я и есть именно и только математик-программист. Я не решилась бы переделывать это чудище даже при наличии письменного приказа от моего милого, но лукавого мужа. Но как, во имя Аллаха, несчастному программисту составить программу, если он не понимает, что тут с чем соединяется? Вот первая половина инструкции, тут объясняется, для чего этот автопилот был в свое время предназначен. А вот вторая половина – видишь, ксерокопированные страницы. Это те извращения, которым ее научил Зебадия. Теперь эта куча чипов разговаривает на трех логических языках, хотя рассчитана была только на один. При этом она не станет общаться ни на одном из них, если ее сперва не ублажить дурацкими Зебадиными фразочками. И то она, как правило, не дает на одну и ту же кодовую фразу два одинаковых ответа подряд. Что она говорит, например, если ей сказать: «Ты умница, Ая»?

– Я помню. «Уверена, босс, вы всем девушкам это говорите. Конец связи».

– Иногда. Чаще всего, потому что этому ответу приписана вероятность появления в три раза большая, чем каждому из остальных. Но вот тебе еще, пожалуйста: «Зеб, я такая умница, что самой жутко делается», «Тогда почему ты отказался повисить мне зарплату?», «Комплименты на меня не действуют! Убери руку с моего колена!», «Потише, милый, а то как бы мой дружок не услышал». И еще есть в том же роде. На каждую его кодовую фразу заготовлено по меньшей мере четыре ответа. Его-то фразы подаются всегда в одной и той же редакции, а автопилот отвечает всякий раз по-разному. Но все ответы означают либо «Вас понял, выполняю», либо «Неизвестная команда, перефразируйте».

– Здорово... Мне нравится.

– Мне, пожалуй, тоже. Для меня самой компьютеры существа одушевленные, почти как люди... А этот полуслучайный список ответов делает Аю Плутитку намного более живой... хотя она, конечно, не живая. Даже не очень универсальная, если сравнивать со стационарными компьютерами. Но... – Тут Дити хитро улыбнулась. – Я приготовила своему муженьку кое-какие сюрпризы.

– Какие же, Дити?

– Помнишь, как он говорит, когда мы садимся завтракать: «Доброе утро, Ая. Как себя чувствуешь?»

– Да. По-моему, это очень мило. Она обычно отвечает: «Прекрасно, Зеб».

– Правильно. Это кодовая фраза. Приказ автопилоту провести автотест и доложить о выполнении ранее полученных инструкций. На это уходит меньше миллисекунды. Если она не ответит ему этими словами или каким-нибудь их эквивалентом, он тут же прибежит сюда выяснять, что стряслось. Так вот, я собираюсь добавить к этим ответам еще один. Или даже несколько.

– Мне помнится, ты отказалась что-либо менять.

– Тетя Хильдочка, это же *программа*, а не соединение контактов. Мне позволено и поручено добавить к списку ответов новые фразы, которые служили бы отзывами на голоса каждого из нас четверых. Это элементарное программирование. Когда ты этому устройству скажешь «Доброе утро», оно тебе ответит – после того как я закончу работу, конечно, – и добавит «Хильда» или «миссис Берроуз».

– О, пожалуйста, пусть будет «Хильда».

– Ради бога, но время от времени для разнообразия пускай будет и «миссис Берроуз».

– Ну хорошо. У нее свой нрав, пускай уж так и остается.

– Я могу даже попросить ее называть тебя – это совсем уж редко – Козочкой.

Я гоготнула:

– Давай, давай, Дити, попроси. Хотела бы я посмотреть, какая у Джейкоба будет физиономия, когда он это услышит.

– Посмотришь. Она будет откликаться этим словом только на твой голос, больше ни на чей. Просто не говори: «Доброе утро, Ая», пока папы не будет рядом... А вот что я заготовила

для своего мужа – Зебадия говорит: «Доброе утро, Ая. Как себя чувствуешь?», а она отвечает: «Прекрасно, Зеб. А вот у тебя красные глаза и молния расстегнута. Что, *опять* вчера набрался?»

Дити вечно такая серьезная, а вот поди ж ты.

– Давай, давай! Бедняга Зебби, он же пьет меньше всех нас. А вдруг на нем не будет ничего такого, на чем есть молния?

– Зебадия всегда во что-нибудь одет, когда садится за стол. И у него даже трусы на молнии. Он не любит эластика.

– Но он узнает твой голос, Дити.

– Не-а. Потому что это будет *твой* голос – только измененный.

Так мы и сделали. У меня примерно такое же контральто, как у той артистки – или подружки, – которая наговорила ему первоначальный лексикон Аи Плутитшки. Правда, я не умею разговаривать так бесстыдно и призывно, но я подучилась, я неплохо подражаю голосам. Дити утатила у отца, то есть у моего Джейкоба, какой-то дрыгоскоп – осциллоскоп, кажется, – и я долго упражнялась, пока мои кривые не начали совпадать с кривыми исходного Аиного репертуара: Дити сказала, что она не может их различить без тщательной проверки.

Я втянулась и подговорила Дити сделать так, чтобы Ая Плутитшка время от времени отвечала моему мужу: «Прекрасно, только вот спина у меня болит, бесстыжий ты старый козел!», и Джейкоб напоролся на этот ответ как-то утром, когда у меня *действительно* болела спина, и у него, я уверена, тоже.

Мы не стали закладывать ответы, которые казались Дити чересчур крутыми для ее «невинного» папочки, – я предпочла не рассказывать ей, какими выражениями папочка пользуется наедине со мной. Не будем разрушать иллюзии: это помогает поддерживать нормальные отношения между людьми. Наверное, Дити и Зебби общаются в интимной обстановке на том же языке – и считают нас, «стариков», безнадежно отсталыми.

Глава девятая

Большинство мужчин страдает нездоровой склонностью к законопослушанию.

ДИТИ:

Мы с тетей Хильдой закончили перепрограммирование как раз к тому моменту, когда Зебадия и папа разработали и смастерили все страховочные приспособления и прочие усовершенствования, призванные превратить Аю Плутешку в континуумоход, как только в нее будет вмонтирована машина пространства-времени. Для этого пришлось вынуть задние сиденья, иначе машину не удавалось установить на корме и приварить к корпусу; потом сиденья, конечно, были поставлены обратно, но отодвинуты на двадцать сантиметров назад, чтобы хватило места для ног. Приборы управления прецессией гироскопа и три верньера были перенесены на приборную доску перед водителем. Управлять машиной переноса нужно было вручную, но имелась одна голосовая команда: Если бы любой из нас произнес: «Ая Плутешка, домой!», то экипаж вместе с пассажирами мгновенно возвратился бы в Гнездышко.

Я не разбираюсь в этой механике, но папе я доверяю. Он уже два раза благополучно доставлял нас домой, причем *без всяких* страховочных приспособлений и без рычага мертвеца. Рычаг они тоже сделали, он дублировал звуковой приказ «Домой!», обычно он был зафиксирован и спрятан, при необходимости его можно было достать и зажать в кулаке. Были и другие приспособления, реагирующие на температуру, давление, воздух, на угрозу столкновения и прочие опасности. Окажись мы внутри звезды или планеты, эти предосторожности нас не спасли бы, но легко доказать, что упасть и сломать себе шею – опасность во много раз более вероятная, чем оказаться в одном и том же пространстве с другим веществом: пространства много, массы мало. По крайней мере, так обстоит дело в нашей Вселенной; мы надеялись, что и в других вселенных тоже.

Проверить заранее, что там, в этих других вселенных, конечно, невозможно – но «трус не пустится в дорогу, слабый вымрет по пути»³⁷. Никто из нас ни единым словом не выразил сомнения: а стоит ли вообще пытаться путешествовать по вселенным. К тому же родная планета стала для нас неудобной. Мы не говорили о Черных Шляпах, но знали, что они есть и что мы только потому и живы, что затаились и притворились мертвыми.

Каждое утро за завтраком у нас улучшался аппетит, когда Ая, совершая обзор новостей, докладывала: «Нет данных». Зебадия, я почти уверена, уже давно считал, что его кузена больше нет в живых. Тем не менее я не сомневаюсь, что он все равно отправился бы на Суматру его разыскивать – если бы не новообетенная жена и будущий ребенок. Свой очередной срок я пропустила, Хильда тоже. Наши мужчины подняли бокалы за наши пока еще не вздувшиеся животики; мы с Хильдой послушно обещали вести себя хорошо – есть, сэр! – и, главное, осторожно. Хильда по моему примеру стала делать зарядку по утрам, а мужчины присоединились к нам, как только застали нас за этим занятием.

Зебадии зарядка была ни к чему, но он делал ее с удовольствием. Папа за неделю сбавил в талии на пять сантиметров.

Вскоре после этого тоста Зебадия устроил проверку корпуса Аи Плутешки на герметичность: накачал внутрь воздух под давлением в четыре атмосферы и вывел наружу манометр, чтобы следить, будет ли давление падать.

Поскольку наш пространственно-временной фургон стоял запечатанным, дел у нас почти не осталось и мы закончили работу раньше обычного. «Искупаемся?» – предложила я. Бас-

³⁷ Строчки из произведения американского поэта Х. Миллера (1837–1913). – Примеч. С. В. Голд.

сейна городского типа в Гнездышке нет, а горная речка ужасно *холо-о-о-одная*. Но когда папа прятал от посторонних глаз наш источник, он исправил положение. Поток был отведен через подземную трубу в укрытое кустами местечко и образовал там «естественный» горный ручей, текущий у самого дома. Затем папа воспользовался огромным валуном, добавив к нему еще несколько крупных камней, и сделал бассейн, который можно было наполнять и осушать. Он применил тонированный бетон, и выглядело все это как естественное образование.

Можно подумать, что папа – прямо какой-то Пол Баньян³⁸. Да, он бы запросто построил Гнездышко своими руками. Но на самом деле строили наше подземелье и собирали из готовых блоков наземную часть испаноязычные рабочие из Ногалеса. Стройматериалы и блоки доставил летающий кран из Альбукерке, из строительной компании, которую Джейн купила для папы через подставных лиц – одну далласскую юридическую контору. Менеджер компании сам управлялся с краном, ему дали понять, что это делается для некоего богатого клиента этой конторы и что благоразумно было бы по исполнению поручения обо всем забыть. Папа руководил работами на техасском диалекте мексиканского, в чем ему помогала секретарша, то есть я – курс испанского я прослушала для получения докторской степени.

Рабочие и техники не имели ни малейшей возможности догадаться, где именно они работают, но получали хорошую зарплату, хорошую кормежку, жили в хороших блочных домиках, доставленных летающим краном, все тяжелые работы выполняла техника – а кому интересно, что там делают «полоумные гринго»? Двое летчиков, конечно, знали, где идет строительство, но они приземлялись на сигнал радара-маяка, а его уже нет.

Вся эта секретность не имела никакого отношения к Черным Шляпам, это была просто мудрость джунглей, которой я научилась у мамы: не давай налоговой инспекции никаких зацепок. Плати наличными, держи язык за зубами, не проводи через банки ничего такого, что потом не вошло бы в налоговую декларацию; плати налоги выше, чем требует твой видимый уровень жизни, и соответственно декларируй доходы. Со времени маминой смерти было три ревизии, и каждый раз правительство возвращало нам небольшую «переплату» – я создавала нам репутацию людей честных и глупых.

Мое предложение искупаться было встречено молчанием. Потом папа сказал:

– Зеб, твоя жена чересчур энергична. Дети, немного попозже вода будет теплее и тени от деревьев будет больше. Тогда мы не спеша отправимся в бассейн. Как ты считаешь, Зеб?

– Согласен, Джейк. Мне нужно беречь эрги.

– Может, вздремнешь?

– На сон у меня энергии не хватит. Что ты там говорил сегодня утром насчет перестройки системы?

Тетя Хильда встревожилась:

– Я думала, мисс Ая Плутиска уже перестроена. Вы что, опять хотите все переделывать?

– Успокойся, Шельмочка. Ая Плутиска *действительно* перестроена, и делать там больше нечего, только загрузить кое-что, грузы мы уже взвесили и центровку рассчитали.

Я-то знала, что это за «кое-что». Подсчитывая, что куда можно рассовать и как это повлияет на центровку Аи, я обнаружила, что у моего мужа имеется абсолютно незаконная лазерная пушка. Я ничего не сказала, просто включила ее вес и габариты в свой расчет центра масс. Иногда я начинаю сомневаться: кто из нас нарушитель закона, я или Зебадия? Вообще-то большинство мужчин проявляет нездоровую склонность к законопослушанию. Но эта нелегальная пушка повергла меня в сомнения.

– Слушайте, не надо переделывать, – взмолилась Хильда. – Мы не должны задерживаться. Джейкоб и Господь Бог знают, как мне тут хорошо. Но Вам Всем Прекрасно Известно, По Какой Причине Мы Не Должны Оставаться Здесь Дольше, Чем Необходимо.

³⁸ Пол Баньян – герой американского фольклора, великан-лесоруб и первопроходец. – Примеч. перев.

– Мы говорили не про Аю Плутитку. Мы обсуждали с Джейком перспективу перестройки Солнечной системы.

– *Солнечной системы?! А чем она вас не устраивает?*

– Много чем, – сказал Зебадия. – Она запущена. Отличное жилье стоит без пользы. Эта старая замотанная планетка перенаселена и сильно обветшала. Правда, заводы и энергостанции на орбите очень помогают, и население Лагранжа-Четыре и Лагранжа-Пять само себя обеспечивает. Все, кто вложил деньги в космические станции достаточно рано, немало на этом нажили. – (Не исключая и папу, Зебадия!) – Но это мелочи по сравнению с тем, что *можно* сделать – а состояние планеты с каждым годом ухудшается. Шестимерный принцип Джейка может тут помочь.

– Что, отправлять людей в другие вселенные? А они согласятся?

– Мы думали не об этом, Хильда. Мы предполагали применить закон Кларка.

– Не помню такого. Может, его проходили, когда я болела свинкой?

– Артур Чарльз Кларк³⁹, – объяснил папа, – великий человек. Так жаль, что его ликвидировали во время Чистки. Кларк установил, как сделать великое открытие или эпохальное изобретение. Выясни, что, по общему мнению самых авторитетных специалистов, *невозможно* осуществить – и осуществи это. Мой континуумоход – крестник Кларка через его закон. Я вдохновлялся им, когда начинал заниматься шестимерными континуумами. Но сегодня утром Зеб подкинул мне кое-что новенькое.

– Джейк, не обижай девочек. Я задала вопрос, а вы схватили мячик и бежать.

– Э-э-э... мы усилили твой импульс. Хильда, тебе, безусловно, известно, что путешественник в пространстве-времени не нуждается в энергии.

– Впервые об этом слышу, милый мой. Зачем же тогда вы загружали в Аю энергопакеты?

– Для вспомогательных нужд. Чтобы тебе не пришлось готовить пищу на костре, например.

– А сама чертова крутилка энергии не тратит, – подтвердил Зебадия. – Почему, не спрашивай. Я вот спросил, так Джейк пустился писать уравнения на санскрите, и у меня началась дикая головная боль.

– Это верно, тетя Хильда, – сказала я. – Энергии она не потребляет. Небольшая паразитная мощность, несколько микроватт – на то, чтобы гироскопы не замедляли ход, милливатты – на дисплеи приборов, на управление. А так никаких энергозатрат.

– Куда же делся закон сохранения энергии?

– Шельма, – ответил мой муж, – как грамотный механик, схемотехник-любитель и как парень, который поднимал в небо совершенно немыслимую рухлядь, я никогда не беспокоюсь насчет теории, куда техника делает то, что от нее требуется. Беспокоиться я начинаю, когда машина оборачивается и кусается. Вот почему я специализируюсь на страховочных приспособлениях, дублировании функций и тройном резервировании. Я стараюсь добиться, чтобы машина *никогда* на меня не огрызалась. Никакой теории на это нет, но это понятно любому инженеру.

– Хильда, любимая, закон сохранения массы-энергии нашим континуумоходом не нарушается: этот закон просто не имеет к нему отношения. Как только Зеб это понял...

– Я не говорил, что понял.

– ...Как только Зеб это допустил, он выдвинул несколько интересных идей. Например, Юпитеру Ганимед не нужен...

– А Венере нужен. Хотя Титан, пожалуй, подошел бы больше.

³⁹ Артур Чарльз Кларк (1917–2008) – английский писатель-фантаст. В книге «Профили будущего» («Profiles of the Future», 1962) сформулировал так называемые Законы Кларка, в соответствии с которыми развивается современная наука. – Примеч. перев.

– Гм... Возможно.

– Точно, точно. Его скорее можно превратить в обитаемую базу. Но есть более насущное дело, Джейк: засеять Венеру, снабдить атмосферой Марс и подвергнуть их принудительному старению. А затем переместить. В троянские точки⁴⁰, не так ли?

– Совершенно верно. Мы миллионы лет эволюционировали именно на этом расстоянии от Солнца. Новые поселения не должны быть ни ближе, ни дальше. И должны иметь надежную стратосферную защиту. Но у меня есть сомнения относительно заброски якоря в кору Венеры. Не хотелось бы, чтобы Венера застряла у нас на оси *tau*.

– Дело техники, Джейк. Просчитать давления и температуры, соответственно разработать снаряд – сферический, за исключением внешних якорей. Заложить четырехкратную надежность. А для механизмов управления – пятикратную. Поймать его, когда вывалится в наше пространство, закрепить на земной орбите, в шестидесяти градусах от нас, и можно приступать к распродаже участков того же размера, что были старые испанские наделы. Надо бы, Джейк, раздобыть побольше вещества и изготовить новые Земли во *всех* троянских точках: шестиугольником вокруг Солнца. Пять новехоньких планет земного типа: человечеству будет где жить и плодиться. Так что давай в нашем первом путешествии сделаем предварительную прикидку.

Тетя Хильда с ужасом воззрилась на Зебадию:

– Зебби! Создавать планеты! Ты что, решил, что ты Иисус Христос?

– Подымай выше. Вон сидит Святой Дух, видишь, живот себе чешет. Это Верховный Оплодотворитель. А я Создатель и Творец. Но при учреждении пантеона Небесного Века мы намерены уважать права женщин, Хильда. Дити будет Мать-Земля: она для этого идеально подходит. А ты Селена, лунная богиня. Выгодная должность: лун-то больше, чем земель. Ты справишься. Ты маленькая, серебристая, прибываешь и убываешь и прекрасна во всех своих фазах. Идет? Мы четверо, больше никого.

– Перестань меня разыгрывать!

– Я тебя не разыгрывал, – сказал мой муж, – а было бы неплохо тебя разыграть, ты красивая, хорошо тому, кому ты досталась, миссис теща. Все эти наши с Джейком планы вполне осуществимы, коль скоро на перемещение в шестимерном пространстве-времени не тратится энергия. Машина Джейка может переместить что угодно куда угодно – в любое место, в любые времена. Что касается времен – во множественном числе, то я сначала не понял, что Джейк имеет в виду, когда он заговорил о принудительном старении планет. Ставишь Венеру на ось *t*, отправляешь ее назад по оси *m*, возвращаешь в эту точку на нашей оси *t*, постаревшей на века – или тысячелетия. Может быть, стоит передвинуть ее на годик-другой в будущее – *наше* будущее, – чтобы все тут было уже подготовлено, когда она вернется, уютная, зеленая, красивая, готовая к заселению детишками, собачками и бабочками. Терраформированная, но девственная.

Тетя Хильда испуганно поежилась:

– Джейкоб, как ты думаешь, не повредит этому орешку внутри меня один хайболл?⁴¹ Мне необходимо что-нибудь укрепляющее.

– Думаю, не повредит. Джейн не отказывалась от крепких напитков, когда была беременна. Врач запретил ей пить только к началу третьего триместра. И Дити ничуть не пострадала. Дити у нас родилась такой здоровенькой, что сама отвезла маму домой из больницы.

– Папа, не выдумывай. Я научилась водить только в трехмесячном возрасте. Но я бы тоже выпила, пожалуй. А ты, Зебадия?

⁴⁰ Троянские точки (точки Лагранжа, или точки равномерной вибрации) – точки на орбите, находясь в которых небесное тело образует равносторонний треугольник с Солнцем и планетой. – Примеч. перев.

⁴¹ Хайболл – виски с содовой и со льдом. – Примеч. перев.

– С удовольствием, принцесса. Лечебная доза спиртного определяется массой тела. Это означает полстаканчика для тебя, дорогая Шельма, стаканчик для Дити, полтора для Джейка и два для меня.

– Это же несправедливо!

– Конечно, несправедливо, – согласилась я. – Я вешу больше папы: я набираю в весе, а он худеет. Взвесь нас – увидишь!

Мой муж обхватил меня и папу за талию, присел, выпрямился и поднял нас в воздух.

– Ничья, – объявил он. – Папу, возможно, чуть тяжелей выжимать, но к тебе приятнее прижиматься.

Он поцеловал меня и снова поставил нас на пол.

– Если уж к кому приятно прижиматься, так это к Джейкобу, он не сравним ни с кем!

– Ты пристрастна, Хильда. Пусть каждый нальет себе сам, в соответствии со своим эмоциональным и физическим состоянием.

Мы так и сделали: Хильда и я взяли себе по стаканчику с содовой, папа опрокинул себе в бокал полтора стаканчика чистого со льдом, а Зебадия удовлетворился половиной стаканчика водки и разбавил ее кока-колой.

Мы сидели и посасывали свою «лечебную дозу», и тут Зебадия уставился на стену над камином:

– Джейк, ты служил во флоте?

– Нет, в армии. Если можно считать армией «сидячую пехоту». Мне присвоили офицерское звание за докторскую степень по математике, сказали, что я им нужен для баллистики. И я весь свой срок отбыл в канцелярии, подписывал бумаги.

– Стандартная процедура. У тебя там морская сабля и португез. Я решил, что они твои.

– Дитины. Клинок принадлежал дедушке Джейн Роджерсу. А у меня есть парадная сабля. Отцовская, он подарил мне ее, когда меня взяли в армию. И парадная форма. Но я ее никогда не носил, случая не было. – Папа поднялся с места, направился к себе в спальню и позвал оттуда: – Пойдем, покажу тебе саблю.

– Дити, – сказал мне мой муж, – ты не возражаешь, если я сниму со стены твой клинок?

– Мой капитан, этот клинок твой.

– Что ты, это же семейная реликвия! Я не могу принять такой подарок.

– Если мой повелитель не принимает в дар от своей принцессы это оружие, то пусть лучше оно висит там, где висит! Я все думала, что подарить тебе на нашу свадьбу, и не сообщила, что у меня уже есть идеальный подарок для капитана Джона Картера.

– Прости меня, Дея Торис. Принимаю твой дар и буду беречь его. Он пригодится мне, чтобы защищать мою принцессу от всех врагов.

– Гелиум счастлив слышать тебя. Если ты поможешь, я залезу и сниму его.

Зебадия ухватил меня за ноги где-то повыше колен, и я мгновенно выросла до трехметровой высоты. Клинок и португез висели на крючках; я сняла и опустила их, после чего опустила меня. Пока я прилаживала оружие на своем муже, он стоял вытянувшись, затем опустился на одно колено и поцеловал мне руку.

Мой муж несомненный безумец, но мне нравится его безумие. У меня навернулись слезы на глаза – с Дити такое случается нечасто, но с Деей Торис, кажется, бывает, после того как Джон Картер сделал ее своей.

Папа и тетя Хильда посмотрели на все это и немедленно проделали то же самое – не исключая и слезы в глазах тети Хильды (я видела!), после того как она застегнула на папе португез, а он преклонил колено и припал к ее руке.

Зебадия вынул клинок из ножен, проверил его балансировку, осмотрел лезвие.

– Ручная работа, центр тяжести вблизи рукоятки. Дити, твоему прапрадеду эта вещь, должно быть, недешево обошлась. Славное оружие.

– Вряд ли он знал, сколько оно стоит. Это была награда.

– Уверен, что заслуженная. – Зебадия отступил назад, поднял клинок «на караул», сделал стремительные вертикальные мулине⁴² влево, вправо, затем горизонтальные – по часовой и против, внезапно перешел в защиту мечника – сделал выпад, прикрылся, быстрый, как нападающий кот.

– Видел? – тихо спросила я папу.

– Владеет саблей, – спокойно ответил папа. – И мечом.

– Зебби! – воскликнула Хильда. – Ты никогда не рассказывал мне, что учился в Гейдельберге⁴³.

– Ты никогда не интересовалась, Шельма. В окрестностях «Красного Вола» меня называли «грозой Неккара»⁴⁴.

– Где же твои шрамы?

– Никогда их не получал, дорогая. Я проторчал там целый лишний год, надеясь получить хотя бы один. Но никто так и не сумел пробиться сквозь мою защиту. Страшно вспомнить, сколько немецких физиономий я превратил в шахматные доски.

– Так это там ты получил свою докторскую степень, Зебадия?

Мой муж ухмыльнулся и сел, все еще опоясанный клинком:

– Нет, не там.

– В Массачусетском технологическом? – спросил папа.

– Нет, что ты! Папа, не надо об этом особенно распространяться... Я задался целью доказать, что можно получить ученую степень в крупном университете, абсолютно ничего не зная и ничем не поспособствовав приросту человеческого знания.

– Я думал, у тебя степень по аэрокосмическому конструированию, – лениво заметил папа.

– Соответствующие курсы я прослушал, это правда. Но степеней у меня две – бакалавра гуманитарных наук... ну, это я по нахалке... и доктора, причем полученная в старом, престижном университете – Д. Ф. по педагогике.

– Зебадия! *Как ты мог!* – Я была шокирована.

– Да вот так. Чтобы продемонстрировать, что степени *сами по себе* ничего не стоят. Часто они служат почетными украшениями для настоящих исследователей, эрудитов или педагогов. Но гораздо чаще это маски для заучившихся болванов.

– Не стану спорить, – согласился папа. – Докторский диплом – это просто цеховое удостоверение, дающее право занимать определенные должности. Он, безусловно, *не* говорит, что его предъявитель учен или мудр.

– Именно так, сэр. Мне это объяснил мой дед, Закария, тот самый, из-за которого у нас в роду у всех мужчин имена начинаются на букву «З». Дити, он оказал на меня такое сильное влияние, что я должен рассказать про него поподробнее, тогда станет понятно, зачем я получал эту никому не нужную степень.

– Дити, он опять дурит нам голову, – сказала Хильда.

– Цыц, женщина! Уйди в монастырь.

– Ты мне зять, я тебе не подчиняюсь. В монастырь если и пойду, то только в мужской.

Я помалкивала. Байки моего мужа доставляют мне удовольствие. (Если это *действительно* байки.)

– Дедушка Зак был несносный ворчливый старикашка. Он ненавидел правительство, ненавидел адвокатов, ненавидел чиновников, ненавидел проповедников, автомобили, школы

⁴² *Мулине* – фехтовальный прием, кругообразное движение клинка. – *Примеч. перев.*

⁴³ Университет Гейдельберга считается самым старым в Германии. – *Примеч. перев.*

⁴⁴ «Красный Вол» («Zum Roten Ochsen») – таверна, часто посещаемая студентами Гейдельбергского университета; Неккар – река, на которой стоит Гейдельберг. – *Примеч. перев.*

и телефон, презирал почти всех редакторов, почти всех писателей, почти всех профессоров и вообще почти все на свете. Но щедро давал на чай официанткам и швейцарам и всегда обходил на дороге букашку, чтобы на нее не наступить.

У дедушки было три докторские степени: по биохимии, по медицине и по юриспруденции, и всякого, кто не умеет читать по-латыни, по-гречески, на иврите, по-французски и по-немецки, он считал неграмотным.

– Зебби, а ты что, читаешь на всех этих языках?

– К счастью для меня, дедушка не успел задать мне этот вопрос, так как его хватил удар при заполнении налоговой декларации. Я не знаю иврита. Я читаю по-латыни, кое-как разбираю греческий, говорю и читаю по-французски, читаю по-немецки техническую литературу и понимаю некоторые диалекты немецкого, ругаюсь по-русски – это очень полезно! – и объясняюсь на ломаном испанском, почерпнутом в питейных заведениях и из горизонтальных словарей.

Дедушка счел бы меня полуграмотным, потому что ни одного из этих языков я по-настоящему не знаю, а по-английски временами употребляю такие выражения, которые привели бы его в ярость. Он зарабатывал на жизнь судебной медициной, медицинской юриспруденцией, выступал экспертом по токсикологии, патологоанатомии и травматологии, задирали судей, терроризировал адвокатов, студентов-медиков и студентов-юристов. Однажды он вышвырнул из своего кабинета налогового инспектора и велел ему в следующий раз явиться с ордером на обыск, подробно объяснив при этом, какие на этот счет существуют конституционные ограничения. Подходный налог, прямые первичные выборы и Семнадцатую поправку⁴⁵ он считал проявлением упадка республики.

– А как он относился к Девятнадцатой⁴⁶ поправке?

– Хильда, избирательное право для женщин дедушка Зак поддерживал. Помню его слова: если женщины такие идиотки, что *хотят* взвалить на себя бремя ответственности, то надо им это позволить – все равно больше вреда, чем мужчины, они стране не принесут, Лозунг «право голоса женщинам» его не раздражал, его раздражали девять тысяч других вещей. Он жил в состоянии медленного кипения и в любой момент мог закипеть ключом.

У него было одно-единственное хобби: он коллекционировал гравюры на стали.

– Гравюры на стали? – переспросила я.

– Портреты покойных президентов, моя принцесса. Особенно портреты Маккинли, Кливленда и Мэдисона – но он не гнушался и Вашингтоном⁴⁷. У него было чувство момента, которое так необходимо коллекционеру. В «черный четверг» тысяча девятьсот двадцать девятого года у него не оказалось на руках ни единой акции: он все распродал в самый последний момент. К тысяча девятьсот тридцать третьему году все его деньги, кроме разве мелочи на текущие расходы, оказались в Цюрихе в швейцарской валюте.

Вскоре гражданам США было запрещено иметь в собственности золото даже за границей. Дедушка Зак перебрался в Канаду, подал прошение о предоставлении ему швейцарского гражданства, получил его и с тех пор жил попеременно то в Европе, то в Америке, неуязвимый для инфляции и конфискационных законов, которые в конце концов привели нас к необходимости создать нью-доллар, отхватив у старого доллара три нуля.

Так что умер он богатым, в изумительном месте – Локарно: мальчишкой я провел там у него два лета. Его завещание было сделано в Швейцарии, и американская налоговая служба не могла наложить на него лапу.

⁴⁵ Семнадцатая поправка к Конституции США, принятая в 1913 г., изменила порядок выборов членов Сената: они стали избираться не законодательными собраниями штатов, а всеобщим голосованием. – *Примеч. перев.*

⁴⁶ Девятнадцатая поправка к Конституции США, принятая в 1920 г., предоставила избирательное право гражданам независимо от пола. – *Примеч. перев.*

⁴⁷ Президенты США, чьи портреты печатаются на американских банкнотах. – *Примеч. перев.*

Условия завещания были известны наследникам задолго до его смерти, иначе меня не назвали бы Зебадией.

Потомки женского пола получали свою долю без всяких оговорок, но от наследников мужского пола требовалось, чтобы их имена начинались с буквы «З». Впрочем, даже при выполнении этого требования никто все равно не получал ни единого швейцарского франка: имелось еще одно условие. О дочерях Закария считал нужным позаботиться, но сыновья и внуки должны были лезть из кожи вон и добывать деньги сами, без какой-либо родительской помощи, пока не заработают, не накопят, не раздобудут каким хочешь способом – лишь бы законным – сумму, равную причитающейся им доле завещанного капитала. Только тогда они получали право вступить во владение этой долей.

– Это сексизм, – сказала тетя Хильда. – Неприкрытый, бесстыдный сексизм. Любая феминистка на таких условиях начихала бы на его паршивые деньги.

– А ты как, Шельма? Отказалась бы от наследства?

– Я?! Зебби, милый, ты что? Я бы заграбастала его, не медля ни секунды. Я за права женщин, но я не фанатичка. Шельме нужно, чтобы ее холили и нежили, на то и мужчины, это их естественное предназначение.

– Папочка, помочь тебе ее приструнить?

– Нет, сын. Мне *нравится* холить и нежить Хильду. Кстати, я что-то не заметил, чтобы ты обижал мою дочь.

– Я не решился бы: она беспощадно применяет карате. Ты сам мне говорил.

(Я действительно владею карате, папа заставил меня научиться драться по-крутому. Но не драться же мне с Зебадией! Если когда-нибудь мы с мужем, не приведи бог, разойдемся во мнениях, я поступлю иначе: надую губки и разревусь.)

– Когда я кончил школу, мой отец имел со мной серьезный разговор. «Зеб, – сказал он, – пора начинать. Если хочешь, я оплачу твою учебу в любом университете, где пожелаешь. А хочешь, возьми свои сбережения, действуй на свой страх и риск и попытайся скопить достаточно, чтобы претендовать на свою долю дедушкиного наследства. Решай сам, я не собираюсь тебе ничего навязывать».

Ну, тут я задумался. Младшему брату отца было уже за сорок, а он *все еще* не заработал себе право на наследство. Такое уж было завещание: изволь разбогатеть самостоятельно, тогда сразу станешь вдвое богаче. Но теперь не дедушкины времена: попробуй тут разбогатеть, если в этой стране большая часть населения живет за счет налогов, которые платит меньшая часть.

Пойти учиться в Принстон или в Массачусетский технологический на папины деньги? Или пуститься делать деньги, не имея за плечами ничего, кроме школы? Но я же в школе ничему не научился, я специализировался на девочках.

Так что я стал думать и думал очень долго. Секунд десять. На следующее утро я тронулся в путь с чемоданом и с какими-то грошами за душой.

Обосновался я в одном университете, потому что там имелись две вещи: отделение вневоинской подготовки офицеров резерва, где можно было получить аэрокосмическую специальность хотя бы частично за государственный счет, и факультет физвоспитания, где меня готовы были муштровать даром – за шрамы и ушибы, ну и за то, чтоб выкладывался на матчах и соревнованиях. Я на все это согласился.

– В чем ты выступал? – поинтересовался мой отец.

– Футбол, баскетбол и легкая атлетика. Они бы на меня навесили и другие виды, если бы сумели придумать как.

– Я думал, ты назовешь фехтование.

– Нет, это другая история. Денег все равно не хватало, и я нанялся в столовую официантом. Жратва была такая дрянная, что тараканы повымирали. Но зато я мог оплачивать обучение. А еще я давал уроки математики. Так я и начал зарабатывать себе право на наследство.

– Неужели репетиторством можно хоть что-нибудь заработать? – усомнилась я. – Я пробовала, пока мама была жива. За час платили просто крохи.

– Это были уроки *другого* сорта, принцесса. Я учил юных обеспеченных оптимистов не зарываться, набрав «стрит», учил, что законы математической вероятности в покере не играют роли, зато в костях – *еще как*, и броски кубика подчиняются математическим законам, над которыми безнаказанно не посмеешься. Как говорил дедушка Закария: «Тот, кто ставит на людскую жадность и нечестность, внакладе не останется». Жадных игроков поразительно много, а обыграть бесчестного игрока куда проще, чем того, кто играет честно... как правило, они плохо представляют себе, какие у кого шансы при игре в крэпс, особенно на побочных ставках, или как подсчитывать шансы в покере, в частности, как эти шансы меняются в зависимости от числа играющих, от того, кто где сидит и как на них влияет расклад.

Кстати, именно с тех пор я не пью, дорогая, кроме как по особо торжественным случаям. В любой «дружеской» партии кто-то проигрывает, кто-то выигрывает. За игру нельзя садиться ни пьяным, ни усталым, если собираешься выиграть. Папочка, тени становятся длиннее – по моему, никому уже не интересно, как я получил свою пустопорожнюю ученую степень.

– Интересно, интересно! – запротестовала я.

– Мне тоже! – подхватила тетя Хильда.

– Сын, ты в меньшинстве.

– Ладно. Окончив курс, я два года провел на действительной службе. Летчики еще большие оптимисты, чем студенты, – к тому же у них больше денег. Заодно я еще поднабрался математики и всяких технических наук. Не успел уйти в запас, как был призван снова – на Спазматическую войну. Ну, там со мной ничего не случилось, остался целее, чем многие гражданские. К моменту моего призыва боевые действия в основном-то уже кончились. Но прослужил лишний год. А значит, стал ветераном со всеми полагающимися льготами. Я отправился в Нью-Йорк и поступил в аспирантуру. В одно педагогическое заведение. Поначалу не очень все-рьез: со льготами легко было поступить, я и поступил, аспирантское житье необременительно, и можно было всецело отдаться накоплению денег, чтобы получить право на наследство.

Я знал, что в педагогических колледжах самые глупые студенты, самые тупые профессора и самые дурацкие курсы. Я записался на вечерние лекции и еще на утренние, восьмичасовые, на которые никто не ходил: при таком расписании у меня оставалась куча времени, чтобы выяснить, как работает биржа. Я и выяснил, прежде чем рискнуть хотя бы десятью центами.

Ну, потом оказалось, что просто так пользоваться преимуществами аспирантской жизни не удастся, надо еще диссертацию написать. К тому времени колледж мне уже осточертел: это был какой-то торг из одного безе, без всякой начинки. Я держался, потому что хорошо научился сдавать курсы, где все ответы – дело субъективного мнения, и не чье-нибудь, а исключительно профессорского. И вечерние поточные курсы скидывать тоже научился: покупаешь у кого-нибудь конспекты лекций. Прочитываешь все, что профессор когда-либо опубликовал. Прогуливаешь не каждую лекцию, а через раз. Если уж решил пойти, то приходишь рано, садишься в первом ряду посредине и не спускаешь с профа глаз: тогда он точно встретится с тобой взглядом каждый раз, как посмотрит в твою сторону. Задаешь ему тот самый единственный вопрос, на который он в состоянии ответить, – ты уже знаешь, что это за вопрос, ты ведь изучил его публикации – и при этом непременно называешь себя. К счастью, «Зебадия Картер» имя запоминающееся. Так вот, милые мои: у меня были отличные оценки за все курсы, за все семинары – потому что я изучал *не* педагогику: я изучал преподавателей педагогики.

Но ведь надо же еще было слепить этот пресловутый «оригинальный вклад в человеческое знание», без которого невозможно получить докторскую степень по большинству так называемых дисциплин... а по которым можно без диссертации, к тем и не подступишься, там надо вкалывать.

Прежде чем выбрать себе тему, я внимательно изучил состав квалификационной комиссии. Я не только прочитал все, что каждый из них написал, но и не пожалел денег: накопил их книг, обыскал библиотеку и обзавелся копиями их старых публикаций.

Дея Торис, – мой муж торжественно положил мне руки на плечи, – сейчас я скажу тебе, как называлась моя диссертация. Можешь развестись со мной на твоих условиях.

– Зебадия, перестань!

– Тогда ухватись за что-нибудь покрепче. «Некоторые вопросы оптимизации инфраструктуры учебных заведений начального образования в аспекте взаимодействия административного и преподавательского состава с преимущественным вниманием к требованиям динамики групп».

– Зебби! Что это означает?

– Ничего не означает, Хильда.

– Зеб, не дразни женщин. Такое название не утвердил бы ни один ученый совет.

– Джейк, ты, как я погляжу, никогда не учился в педагогическом колледже.

– Ну, не учился... На университетском уровне педагогического образования от профессора не требуется. Но ведь...

– Никаких «но», папочка. У меня сохранился экземпляр диссертации, можешь удостовериться в его подлинности. Сочинение абсолютно бессодержательное, но какой литературный шедевр! В том смысле, в каком удачная подделка «старого мастера» сама по себе уже произведение искусства. Немыслимое количество зубодробительных терминов. Средняя длина предложения – восемьдесят одно слово. Средняя длина слова, если не считать предлоги и артикли, – шестнадцать букв, чуть меньше четырех слогов. Библиография длиннее самой диссертации и содержит названия трех работ каждого члена комиссии и четырех работ председателя, а в тексте эти работы цитируются – причем без какого-либо упоминания тех проблем, по которым члены комиссии, по моим сведениям, придерживались разных (хотя и одинаково глупых) мнений.

Но самая замечательная моя находка была вот такая: я добился разрешения провести полевые исследования в Европе. Так что половина цитат у меня была на иностранных языках, от финского до хорватского – а что снабжалось переводом, то было аккуратно подобрано так, чтобы члены комиссии читали и радовались: в полном соответствии с их собственными предвзвешенными суждениями. Правда, над цитатами пришлось поработать, выдирая их из контекста, но дело облегчилось тем, что цитируемых работ в университетской библиотеке заведомо не было, а если бы и были, то члены комиссии, несомненно, не стали бы проверять. У большинства из них с языками было неважно, даже с легкими, вроде французского, немецкого или испанского.

Никаких полевых исследований я, конечно, не проводил, мне просто нужно было показаться по Европе со студенческой скидкой на билеты и с правом ночевать в студенческих общежитиях – в общем, по дешевке. А заодно наведаться к опекунам дедушкиного фонда.

Там меня ждали приятные новости: фонд состоял в основном из голубых фишек и государственных облигаций с высшим кредитным рейтингом, курс их на тот момент падал, хотя доходы по ним росли. При этом двое моих двоюродных братьев и один дядя получили право на свою долю, так что мой порог вхождения в наследство пропорционально уменьшился... В общем, я был уже близок к цели. Я привез с собой все свои сбережения, поклялся в присутствии нотариуса, что все эти деньги мои, не взятые займы, не полученные от отца, – и оставил их на счету в Цюрихе под контролем опекунов. И еще сообщил им про свою коллекцию марок и монет.

Хорошие марки и монеты никогда не падают в цене, только поднимаются. У меня были исключительно корректурные оттиски, конверты первого дня и кляйнбогены⁴⁸, все в идеаль-

⁴⁸ Конверт первого дня – конверт, имеющий на себе изображение, марку той же тематики и погашенный штемпелем с тем

ном состоянии – я захватил с собой нотариально заверенный каталог и заключение эксперта о стоимости коллекции. Опекуны получили от меня клятвенное заверение в том, что все собранное до моего отъезда из дома приобретено на лично заработанные деньги – а это так и было, не зря же я косил газоны и все такое прочее, – и обещали сохранить за мной мою часть фонда по курсу того момента или по более низкому, если падение будет продолжаться, с тем что по возвращении в Штаты я продаю коллекцию и незамедлительно высылаю чек в Цюрих.

Я согласился. Один из опекунов пригласил меня пообедать с ним, попытался меня напоить и предложил мне десять процентов сверх названной экспертом суммы, если я продам ему коллекцию прямо сегодня и пришлю ее курьером за его счет (курьеры с ценными бумагами курсируют между Европой и Америкой еженедельно).

Мы ударили по рукам, вернулись обратно и заручились согласием других опекунов. Мы подписали соответствующие документы, я получил чек и присовокупил его к деньгам, уже находившимся у опекунов на хранении. Через три недели я получил телеграмму, гласившую, что коллекция полностью отвечает каталогу. Теперь я имел право на получение наследства.

Через пять месяцев мне была присвоена степень доктора философии с высшим отличием. Такова, дорогие мои, позорная история моей жизни. Ну что, рискнет кто-нибудь пойти искупаться?

– Сын, если в этой истории есть хоть слово правды, то она и в самом деле позорная.

– Папа! Это несправедливо! Зебадия играл по *их* правилам – и переиграл их!

– Так это не Зеб опозорился, это опозорилась американская система высшего образования. Я-то прекрасно *знаю*, какая чушь по нынешним временам защищается в качестве диссертаций. То, что Зеб написал (если он действительно это написал), ничем не хуже. Но я впервые сталкиваюсь с ситуацией, когда умный и способный исследователь – то есть *ты*, Зеб, – берется доказать, что престижный институт – я догадался какой – может дать докторскую степень за намеренно бессмысленное псевдоисследование. Обычно-то я вижу, как бездарные и умопомрачительно серьезные юнцы занимаются подсчетом пуговиц под руководством бездарных и умопомрачительно серьезных старых дураков. Не представляю, что тут можно сделать: все прогнило насквозь. Единственный выход – послать всю систему к черту и начать сначала. – Папа пожал плечами. – Да где уж там.

– Зебби, – спросила тетя Хильда, – что ты делаешь в университете? Я как-то никогда не интересовалась.

– Примерно то же, что и ты, Шельма, – ухмыльнулся мой муж.

– Я? Но я не делаю ничего! Живу в свое удовольствие.

– Я тоже. Вообще-то, у меня должность «профессор-исследователь». Если ты заглянешь в документы, то обнаружишь, что мне выплачивают соответствующее этой должности вознаграждение. Дальнейшее расследование покажет, что несколько более значительная сумма регулярно вносится на счет университета одним доверенным лицом в Цюрихе... пока я числюсь в этой должности, причем условие это ни в каких документах не зафиксировано. Мне нравится жить в кампусе, Шельма: это дает мне привилегии, недоступные варварам за оградой. Время от времени я читаю какой-нибудь курс, подменяю коллег, которые заболели или ушли в отпуск...

– Что-о? Что это ты читаешь? На каком факультете?

– На каком угодно, лишь бы не на педагогическом. Прикладную математику. Общую физику. Термо-чтоб-ее-динамику. Детали машин. Дуэльное фехтование. Плавание. А также – только не смейтесь – английскую поэзию от Чосера до елизаветинцев. Я люблю преподавать

что-нибудь такое, что стоит преподавать. Деньги за лекции не беру: мы с ректором прекрасно друг друга понимаем.

– Я вот не уверена, что я тебя понимаю, – сказала я, – но я тебя люблю. Пошли купаться.

Глава десятая

...Он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон!⁴⁹

ЗЕБ:

Прежде чем направиться к бассейну, наши жены заспорили о том, как одеваются барсумианские воины, – достичь единодушия в этом споре оказалось тем труднее, что более или менее трезвым в нашей компании был я один. Пока я излагал свою «позорную историю», Джейк уничтожил еще одну порцию виски со льдом и теперь был очень расположен этак добродушно с кем-нибудь подискутировать. Дамы выпили всего по одному хайболлу, но Дити только раздурманилась, а Шельма так мало весит, что от той же дозы была уже хороша.

Мы с Джейком согласились остаться при клинках. Раз уж наши принцессы их на нас нацепили, мы решили их не снимать. Но Дити потребовала, чтобы я снял замасленные шорты, в которых работал.

– Капитан Джон Картер никогда не ходит одетым. Он прибыл на Барсум нагим и с тех пор никогда не надевал ничего, кроме портупей, как и подобает воину. Портупея, украшенная драгоценными камнями, – для торжественных церемоний, простая – для схваток. И ночные шелка при отходе ко сну. Барсумиане не носят одежды. Когда Джон Картер впервые увидел Дею Торис. – Дити закрыла глаза и начала наизусть: – «Она была лишена каких-либо одеяний, как и зеленые марсиане... если не считать ее пышных украшений, она была совершенно нага». – Дити открыла глаза и многозначительно взглянула на меня. – «Женщины не носят одежд – только украшения».

– Слишком нн... ик!.. ххладно, – икнув, заметил ее отец. – Пршу прцен'я.

– Когда становилось прохладно, они закутывались в меха, папа. То есть я хочу сказать «Морс Каяк, мой высокочтимый отец».

– Да не пр...хладно, а нн-накладно, – ответил Джейк, старательно выговаривая слова. – Представьте себе: сталь звенит, сверки клинкают... клинки сверкают, а на тебе болтаются фамильные сокровища: бац тебя по коленкам, бац... Отвлекает. Кроме того, их могут сорвать. Верн', капитан Джон Картер?

– Логично, – согласился я.

– И вообще на иллюстрациях все изображены в надбедр'ных повязках. А под ними, наверн', плавки. Стальные. Я бы носил.

– Папа, эти картинки рисовали в начале двадцатого века. У них там была цензура. А в тексте ясно сказано: мужчины носят оружие, женщины – драгоценности. Когда холодно, меха.

– Я знаю, как бы я одевалась, – влезла в разговор Шельма. – Тувия носит драгоценности на таких, знаете, кусочках прозрачной ткани. Я помню картинку на обложке. Это не платье, а так – чтобы было на что прицепить брошки. Дити – ой, прости, Дея Торис, найдется у тебя прозрачный шарфик – мне надеть? К счастью, когда Морс Каяк меня похитил, мои жемчуга были на мне.

– Шельма, – возразил я, – ты никак не можешь быть Тувией. Тувия вышла замуж за Карториса, а твой муж Морс Каяк, точнее, Морс Каджейк — возможно, некоторое расхождение в написании с марсианским.

– Конечно, мой муж Морс Джейк! Но я его *вторая* жена, так что все в порядке. Однако подобает ли Владыке Барсума именовать принцессу династии Пгарт Шельмой? – Миссис Берроуз гордо вытянулась во все свои сто пятьдесят два сантиметра и приняла оскорбленный вид.

– Прошу простить меня, ваше высочество.

⁴⁹ Откр. 13: 11. – Примеч. С. В. Голд.

Шельма хихикнула:

– Не могу сердиться на нашего Владыку. Дея Торис, детка, есть у тебя зеленый тюль? Или голубой? Любого цвета, только бы не белый.

– Пойду поищу.

– Дамы, – возмутился я, – если мы будем столько времени собираться, бассейн замерзнет. Обойдемся сегодня без жемчуга. Кстати, откуда на Барсуме берется жемчуг? Морское дно там безжизненное, устриц нет.

– Он доставляется из Коруса, затерянного моря Дора, – сообщила Дити.

– Их не переспоришь, сын. Но я либо сейчас пойду купаться, либо еще выпью... а потом еще. Потом опять еще. Я устал. Я трудился. Не покладая рук.

– Хорошо, папочка, пошли купаться. Тетя Хи... – тетя Тувия, ты как?

– Иду, иду, Дея Торис. Иду, чтобы спасти Морса Джейкоба от него самого. Но земных одежд не надену. Можешь взять мою норку: вдруг на обратном пути будет холодно.

Джейк обмотал свой саронг вокруг бедер на манер марсианской повязки, опоясав его портупеей. Я снял запачканные шорты и надел плавки, которые Дити снисходительно признала «почти барсумианскими». Я уже мог обойтись без одежды, позаимствованной у Джейка, так как добрался до своей походной сумки, постоянно хранившейся в машине, – в ней имелось все: от паспорта до пончо. Шельма надела жемчуга и кольца, в которых она была у себя на вечеринке, а талию обхватила шарфиком, прицепив к нему всю бижутерию, какую только удалось обнаружить в доме. Дити взяла с собой Хильдину норковую накидку и вскоре набросила ее на плечи:

– Мой капитан, подари мне когда-нибудь такую же.

– Я лично буду свежевать норок, – пообещал я ей.

– О боже! Я думала, это синтетика.

– По-моему, нет. Спроси у Хильды.

– Лучше не буду. Но я согласна на синтетическую.

– Моя возлюбленная принцесса, – сказал я, – ты ешь мясо. Норки – злобные хищники, а тех, что идут на мех, специально для этого разводят – не капканами отлавливают. С ними хорошо обращаются и убивают их гуманно. Если бы твои предки не убивали животных на мясо и мех во время последнего оледенения, то тебя бы не было на свете. Чувства, не подкрепленные логикой, приводят к трагедиям вроде тех, что происходят в Индии и Бангладеш.

Некоторое время Дити молчала. Мы шагали к бассейну вслед за Хильдой и Джейком. Потом она сказала:

– Мой капитан...

– Да, принцесса?

– Ты прав. Но твой ум так похож на компьютер, что я порой пугаюсь.

– Я вовсе не хочу тебя пугать. Я не жажду крови – ни норок, ни коров, ничьей. Но я буду убивать без колебаний – ради тебя.

– Зебадия...

– Да, Дити?

– Я горжусь тем, что ты выбрал меня в жены. Я постараюсь быть хорошей женой... и твоей принцессой.

– Ты уже моя принцесса. Ты всегда ею была и будешь. Дея Торис, моя единственная любовь, до того как я тебя встретил, я был мальчишкой, играющим в игрушки для переростков. Теперь я мужчина. У меня есть жена, которую надо беречь и радовать... ребенок, о котором надо заботиться. Я наконец-то живу по-настоящему! Эй! Что ты носом шмыгаешь? Нечего, нечего!

– Я сейчас разревусь.

– Ну-ну... Не намочи Хильдину шкурку.

- Дай платок.
- У меня нет. – Я вытер ей слезы рукой. – Выплачешься на меня в койке.
- Давай ляжем пораньше.
- Сразу после обеда. Ну что? Уже не шмыгается?
- Кажется, нет. Интересно, беременные всегда плачут?
- Говорят, да.
- Ладно, я больше не буду. Мне не полагается. Я ужасно счастливая.
- У полинезийцев есть такое выражение: «Рыдать от счастья». Вот, наверно, ты этим и занимаешься.

– Должно быть. Но лучше я не буду на виду у всех. – Дити приспустила с плеч накидку. – В ней очень приятно, но жарко. – Вдруг она насторожилась и снова закуталась в накидку. – Кто это сюда идет?

Я поднял глаза и увидел, что Джейк и Хильда уже у самого бассейна, а снизу, из-за гигантского валуна, в нашу сторону направляется какой-то человек.

- Не знаю. Стой здесь. – Я поспешил к бассейну.

Незнакомец был в форме федерального рейнджера. Подходя, я услышал, как он спрашивает Джейка:

- Вы Джейкоб Берроуз?
- А что?

– Отвечайте на вопрос. Если вы Берроуз, то у меня к вам дело. Если нет, то вы находитесь на территории не принадлежащего вам землевладения. Это федеральная земля, доступ сюда ограничен.

- Джейк! – крикнул я. – Кто это такой?

Вновь пришедший повернулся в мою сторону:

- А *вы* кто такой?

- Не с того начали, – сказал я. – Сперва назовите себя.

– Не валяйте дурака, – сказал незнакомец. – Видите, я в форме. Я Бенни Хайбл, здешний рейнджер.

Я ответил, тщательно подбирая слова:

– Мистер Хайболл, вы человек в форме, с кобурой и бляхой. Но отсюда еще не явствует, что вы федеральное должностное лицо. Предъявите ваше удостоверение и изложите суть дела.

Носитель формы вздохнул:

– Ну вот что, мне некогда с вами тут шутки шутить. – Он положил руку на кобуру. – Если кто из вас Берроуз, признавайтесь. У меня ордер на обыск дома и участка. Сюда из Соноры идут наркотики. Уверен на все сто, что тут перевалочный пункт.

В этот момент у меня из-за спины стремительно вынырнула Дити, она подошла к отцу и встала рядом с ним:

– Где ваш ордер? Предъявите документы! – Она была плотно закутана в накидку, лицо пылало возмущением.

– Еще одна нашлась, шутить вздумала! – И этот клоун расстегнул кобуру. – Это федеральная территория, я здесь власть, понятно?

Неожиданно Дити сбросила с себя накидку и оказалась перед ним совершенно нагой. Я одним движением обнажил клинок, сделал выпад и нанес удар по его руке, поднял клинок и нанес еще один – в живот повыше пояса.

В то же мгновение сабля Джейка почти перерубила его шею. Незванный гость рухнул на землю, как марионетка с перерезанными веревочками. Он лежал на краю бассейна, из трех его ран лилась кровь.

- Зебадия, прости меня!

– За что, принцесса? – Я вытер клинок о форму лжерейнджера. Кровь у него была омерзительного цвета.

– Он не среагировал! Я рассчитывала, что мой стриптиз выиграет вам время.

– Но ты отвлекла его, – заверил я ее. – Он устался на *тебя* и перестал следить за *мной*. Джейк, у кого бывает сине-зеленая кровь?

– Понятия не имею.

Шельма подошла поближе, присела на корточки, обмакнула палец в кровь, понюхала.

– Гемоцианин, по-моему, – невозмутимо сказала она. – Дити, ты была права. Пришелец. На Земле самые крупные существа с таким способом переноски кислорода – омары. Но это не омар, это Черная Шляпа. *Как вы догадались?*

– Я не то чтобы догадалась. Просто он странно себя вел. Рейнджеры держатся вежливо. И никогда не отказываются предъявлять удостоверения.

– Я тоже не могу сказать, что догадался, – признался я. – Я просто разозлился.

– Но действовал ты быстро, – одобрительно сказал Джейк.

– Автоматическая реакция. Ты и сам времени не терял, *tovarisch*. Успеть вытащить саблю, пока он выхватывает пистолет, – для этого нужны и смелость и скорость. Но нам некогда разговаривать: *где его дружки?* Вдруг нас кокнул по дороге домой?

– Посмотрите на его брюки, – сказала Хильда. – Верхом он не ехал. И пешком совсем немного прошел. Джейкоб, можно сюда проехать на джипе?

– Нет. Только на лошади, и то с трудом.

– В воздухе тоже ничего не было, – добавил я. – Ни вертолетов, ни аэрокаров.

– Континуумоход, – сказала Дити.

– Что?

– Зебадия, Черные Шляпы – это пришельцы, которые не хотят, чтобы папа построил машину пространства-времени. Мы это *установили*. Следовательно, у них-то есть континуумоходы – это логически вытекает из предыдущего.

Я обдумал эту идею.

– Дити, я, пожалуй, буду подавать тебе завтрак в постель. Джейк, каким образом можно обнаружить чужой континуумоход? Он ведь не обязательно будет похож на Аю Плутишку.

Джейк наморщил лоб:

– Да. Он может выглядеть как угодно. Устройство на одного пассажира может быть совсем небольшим, ну хотя бы с телефонную будку.

– Если оно на одного, то оно, скорее всего, припарковано вон в тех кустах, – показал я рукой. – Мы можем его найти.

– Зебадия, – запротестовала Дити, – у нас *нет времени* на поиски. Нам надо уносить ноги, и *быстро*!

– Моя дочь права, – сказал Джейк, – но не по этой причине. Может быть, машина вовсе и не ждет. Может быть, она припаркована где-то на очень малом расстоянии от нас по любой из шести осей и должна прибыть сюда автоматически – по заранее данной программе или по какому-нибудь сигналу, который мы и представить себе не можем. Не обязательно чужому континуумоходу находиться здесь-сейчас, он может находиться здесь-*потом*. Появится через какое-то время и заберет своего пассажира.

– В таком случае, Джейк, мы с тобой и с девочками должны податься из здесь-сейчас в там-тогда. Потеряться. С концами. Сколько времени у нас уже идет проверка на герметичность? Который час?

– Семнадцать семнадцать, – не задумываясь ответила Дити.

Я воззрился на свою жену:

– Ты же голая, как лягушка. Где у тебя спрятаны часы? Не *там*, надеюсь?

Она высунула язык:

– Дурачок. У меня часы в голове. Я об этом не распространяюсь, а то на меня начинают как-то странно посматривать.

– У Дити врожденное чувство времени, – подтвердил ее отец, – с точностью до тринадцати секунд плюс-минус примерно четыре секунды. Я измерял.

– Прости, Зебадия, не хочу, чтобы меня считали уродцем.

– За что ты просишь прощения, принцесса? Я с почтением склоняю голову. А как ты обходишься с часовыми поясами?

– Так же, как ты. Прибавляю или отнимаю, как требуется. Милый, внутренние часы есть у *каждого*. Просто мои точнее, чем у большинства людей. Это как абсолютный слух – у одних есть, у других нет.

– Может, ты еще и человек-калькулятор?

– Да... Но компьютеры считают настолько быстрее, что я теперь этим почти не занимаюсь. И еще одна вещь – у меня чутье на глюки в программе. Если ответ неверен, я мгновенно это замечаю. И ищу баги в программе. Если не нахожу, посылаю за инженером по ремонту компьютеров. Послушай, милый, давай обсудим мои странности в другой раз. Папа, давай бросим эту *тварь* в отстойник и пойдем. Я что-то нервничаю.

– Не так сразу, Дити. – Хильда все еще сидела на корточках возле трупа. – Зебби! Что говорят тебе твои предчувствия? Мы в опасности?

– Ну... в данную минуту – нет.

– Хорошо. Я хочу анатомировать это существо.

– Тетя Хильда!

– Спокойно, Дити, прими милтаун. Джентльмены, в Библии сказано – или не в Библии, все равно: «Познай врага своего». Это единственная Черная Шляпа, которую мы видели; это не человек, и он рожден не на этой Земле. Перед нами бездна информации, и ни в коем случае нельзя спускать ее в отстойник, пока мы не узнаем побольше. Джейкоб, пощупай вот здесь.

Муж Хильды опустился на колени и провел руками по волосам «рейнджера» там, где она показала.

– Чувствуешь эти шишки, милый?

– Да!

– Они очень похожи на рожки у ягненка, правда?

– Ох... «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон»!

Я присел на корточки, пощупал выросты.

– Вот это да! Он и в самом деле вышел из земли – по крайней мере поднялся по этому склону – и, безусловно, говорил как дракон. Ведь он был груб, а все драконы, о которых мне приходилось слышать, грубо разговаривали или даже изрыгали пламя. Хильда, когда ты будешь резать эту тварь, поищи, где в ней запрятано Число Зверя.

– Непременно поищу! Кто поможет мне донести объект до дома? Нужны трое добровольцев.

– Я доброволец, – сказала Дити и глубоко вздохнула. – Тетя Хильда, а... это *обязательно* надо делать?

– Дити, это надо бы делать в Университете Джона Хопкинса, с рентгеном, необходимыми инструментами и цветным головизором. Но лучше меня ни один биолог это не сделает, потому, что кроме меня, здесь вообще нет биолога. Детка, ты можешь не смотреть. Тетя Шельма ассистировала хирургу после автомобильной катастрофы, когда столкнулось пять машин. Для меня кровь – это просто грязь, которую надо потереть. А зеленая кровь – так и вовсе.

Дити сглотнула:

– Я помогу нести. Я же сказала.

– Дея Торис!

– Да, мой капитан?

– Отойди оттуда. Возьми вот это. И вот это. – Я отстегнул оружие, снял плавки и вручил все Дити. – Джейк, помоги мне взвалить его на плечи.

– Давай помогу.

– Не надо, я один дотащу, так даже удобнее. Шельма, где ты собираешься работать?

– Придется на обеденном столе.

– Тетя Хильда, не надо эту мерзость на мой – прошу прощения, теперь это *твой* обеденный стол.

– Прощаю при одном условии: ты признаешь, что это *наш* стол. Дити, сколько раз тебе повторять, что я *не* собираюсь выживать тебя из твоего собственного дома? Мы с тобой обе хозяйки – мое старшинство заключается только в том, что я старше тебя на двадцать лет. К сожалению.

– Хильда, дорогая моя, не подойдет тебе верстак в гараже, если мы его застелим клеенкой и осветим бестеневыми лампами?

– Еще бы! Я и сама знаю, что обеденный стол – не лучшее место для вскрытия. Я просто не могла придумать ничего другого.

С помощью Джейка я взвалил эту чертову тушу себе на спину. Дити пошла рядом, неся мой клинок и плавки в одной руке, чтобы другой держать меня за свободную руку – сколько я ни предупреждал, что она может забрызгаться кровью пришельца.

– Нет, Зебадия, это я просто закапризничала. Больше не буду. Мне теперь нельзя быть брезгливой: скоро придется менять пеленки. – Она помолчала. – Я ведь в первый раз видела смерть. Пускай даже смерть гуманоида из другой вселенной. Но я же думала, это человек. Я один раз видела, как переехало щенка – меня вырвало. Хотя это был не мой щенок, и я не подходила близко. – Она помолчала еще. – Взрослый человек не должен отворачиваться от смерти, правда?

– Не должен, – согласился я. – Но и привыкать тоже не должен. Дити, я видел очень много смертей. Но так и не привык. Знаешь, нужно усвоить, что смерть неизбежна, научиться не бояться ее и больше об этом не беспокоиться. «Взять все, что можно, от сегодняшнего дня» – это выражение одного моего товарища, дни которого сочтены. Живи по этому правилу, и, когда придет смерть, она придет как желанный друг.

– Мама перед смертью тоже так говорила.

– Я думаю, твоя мать была необыкновенная женщина. Дити, за те две недели, что мы знакомы, я столько слышал о ней от вас троих, что мне кажется, будто я ее знал. Как будто она моя добрая знакомая, с которой мы просто долго не виделись. Она, должно быть, была мудрая женщина.

– Я тоже так думаю, Зебадия. И несомненно очень добрая. Иногда, если мне нужно принять серьезное решение, я спрашиваю себя: а что сделала бы мама? И все становится на свои места.

– И добрая, и умная... По дочке видно. Между прочим, сколько тебе лет, Дити?

– Это важно, сэр?

– Нет. Я из любопытства.

– Я указала дату своего рождения в заявлении о бракосочетании.

– Любовь моя, у меня голова шла кругом, я свою-то дату еле вспомнил. Но я, конечно, не должен был спрашивать. Возраст бывает у мужчин, у женщин бывают дни рождения. Мне нужно знать, когда у тебя день рождения, год рождения мне ни к чему.

– Двадцать второе апреля, Зебадия. На день старше Шекспира.

– «Года ее красу не иссушили...» Знаешь, ты неплохо сохранилась.

– Благодарю вас, сэр.

– Я почему стал выведывать: косвенным путем я пришел к выводу, что тебе двадцать шесть – исходя из того, что у тебя докторская степень. Хотя ты выглядишь моложе.

– Двадцать шесть меня вполне устраивает.

– Вопросы я не задавал, – поспешно сказал я. – Но меня смутило то, что Хильда сказала, что она на двадцать лет старше тебя... а сколько ей лет, я знаю. И это не согласуется с моей первоначальной оценкой твоего возраста – ты же должна была кончить школу, потом заработать свою бакалаврскую степень, а потом еще заработать две свои степени.

Джейк и Хильда задержались у бассейна, чтобы отмыться от крови пришельца. Не будучи нагружены, они шли быстрее нас с Дити и теперь нагнали нас.

– Зебадия, – сказала Дити, – я не кончала школу.

– То есть как?

– Это правда, – подтвердил Джейк. – Дити зачислили в университет по результатам вступительных экзаменов. В четырнадцать. С этим проблем не было, потому что ей не пришлось жить в общежитии, она оставалась дома. Степень бакалавра она получила за три года... Успела порадовать мать: Джейн своими глазами видела, как Дити передвигает кисточку с одной стороны своей академической шапочки на другую. Сидела в кресле-каталке и радовалась, как ребенок. Врач сказал, что это ей не повредит. Он имел в виду, что она все равно уже умирает... Будь у нее в запасе еще три года, она бы увидела, как Дити получает докторскую степень. Это было два года назад.

– Папа... ты иногда бываешь болтлив.

– Я что-нибудь не то сказал?

– Нет, Джейк, – успокоил я его. – Но я только что обнаружил, что совратил малолетку. Я знал, что она юна, но не ожидал, что настолько. Дити, милая, тебе двадцать два.

– Двадцать два – это плохо?

– Нет, моя принцесса. В самый раз.

– Мой капитан сказал, что у женщин бывают дни рождения, а у мужчин возраст. Будет ли мне позволено осведомиться о вашем возрасте, сэр? Я тоже не обратила на это внимания, когда мы заполняли бланки заявлений.

Я торжественно ответил:

– Разве Дея Торис не знает, что капитану Джону Картеру много столетий, он не помнит своего детства и всегда выглядел тридцатилетним?

– Зебадия, если тебе тридцать, то у тебя была напряженная жизнь. Ты говорил, что когда кончил школу, то ушел из дома, учился в университете, прослужил три года в армии, потом писал диссертацию...

– Поддельную!

– Все равно ты обязан был состоять определенное время в аспирантуре. А тетя Хильда говорит, что ты уже четыре года как профессор.

– Гм... Устроит тебя, если я скажу, что я старше тебя на девять лет?

– Меня устроит все, что ты скажешь.

– Он сейчас опять будет пудрить тебе мозги, – включилась в беседу Шельма. – Он успел удрать из двух других университетов. Скандальные истории со студентками. Потом он обнаружил, что в Калифорнии это никого не волнует, и перебрался на западное побережье.

Я принял оскорбленный вид:

– Шельма, дорогая, я *всегда* вступал с ними в законный брак. Просто одна девица оказалась уже замужем, а в другом случае ребенок был не от меня, мне его навесили.

– Правдивость – не самая сильная его сторона, Дити. Но он храбрый и ежедневно принимает душ, и он богат... И главное, мы его любим.

– Правдивость и у тебя не самая сильная сторона, тетя Хильда. Но тебя мы тоже любим. В «Маленьких женщинах» говорится, что невеста должна быть в два раза моложе жениха плюс семь лет. У нас с Зебадией почти в точности так.

– Ну, тогда я какая-то старая ведьма. Джейкоб, мне ровно столько же лет, сколько Зебби, – тридцать один. Но нам обоим уже много лет как тридцать один.

– Держу пари, когда он затащит эту тварь на гору, он почувствует себя стариком. Атлант, можешь ты еще немножко подержать свою ношу, пока я открою гараж и вытащу верстак? Или помочь тебе положить ее на землю?

– Не надо, все равно потом поднимать. Но ты давай поскорее.

Глава одиннадцатая

...Граждане должны защищать себя сами.

ЗЕБ:

Сгрузив этого «рейнджера» и удостоверившись, что дверь гаража заперта и все находятся в помещении, я почувствовал себя увереннее. На вопрос Хильды я ответил, что «непосредственной» опасности нет, но ведь моя интуиция ничего не сообщает мне вплоть до самого последнего мгновения. Черные Шляпы нас нашли. А возможно, никогда и не теряли: это же не обычные гангстеры, это пришельцы, откуда мы знаем, какие у них мотивы, планы и возможности.

Может быть, мы наивны, как котенок, который спрятал голову и думает, что его никто не увидит, а между тем его хвостик у всех на виду.

Они чужие, они могущественны, они многочисленны (три тысячи? три миллиона? Число Зверя нам неизвестно), и они знают, где мы. Правда, одного мы убили – но это нам просто случайно повезло. Теперь они его хватятся, того и гляди прибудет подкрепление.

Бессмысленное геройство мне не по душе. Если есть возможность удрать, я удираю. Конечно, товарища в бою я не брошу и уж точно не брошу жену и не родившегося пока ребенка. Но я же хотел, чтобы мы удрали все вместе – я, моя жена, мой брат по кровопролитию и по совместительству тесть и его жена, она же моя приятельница Шельма, отважная, практичная, хитрая и небрезгливая (она и в пасти Молоха не расстанется со своими шуточками, и это не раздражает, а, напротив, воодушевляет).

Я хотел, чтобы мы удрали, и поскорее – по оси τ , по оси m , посредством смещения, посредством вращения – как и куда угодно, лишь бы там не было этой жуткой заразы с зеленой кровью.

Я проверил манометр и немного успокоился: внутреннее давление в машине не упало. Ая все-таки не космический корабль – в ней не предусмотрена регенерация отработанного воздуха. Но было приятно знать, что в случае чего она будет держать воздух достаточно долго, чтобы мы успели добраться домой – если, конечно, недруги не продырявят ее изящный корпус.

Я прошел в дом по внутреннему проходу, как следует умылся горячей водой с мылом, потом повторил эту процедуру еще раз, обсушился и лишь тогда почувствовал себя достаточно чистым, чтобы поцеловать свою жену. Что и было сделано. Затем Дити отрапортовала:

– Сэр, ваши вещи упакованы. Мои сейчас будут готовы. Все в пределах запланированного веса и объема, вещи только самые необходимые...

– Послушай.

– Да, Зебадия?

– Уложи то, в чем ты выходила замуж. И мой костюм тоже. И то, в чем были Джейк и Хильда. И парадный мундир твоего отца. Или он сгорел в Логане?

– Но Зебадия, ты же говорил, что надо брать походную одежду.

– Говорил. Потому что мы не знаем, в каких условиях очутимся, долго ли там пробудем и вернемся ли обратно. Поэтому я перечислил все, что нужно для освоения девственной планеты – мы можем сесть на мель и не вернуться вообще никогда. Все, от микроскопа Джейка до тестера для воды. Инструменты, технические руководства. И оружие. И порошок от блох. Но вдруг нам придется выступать в роли послов человечества при дворе Его Августейшего Величества, Владыки Галактических Империй в тысяча третьем континууме? Понадобится что-то нарядное, а откуда мы такое возьмем? Мы ничего не *знаем* и не можем даже *предполагать*.

– По мне, так лучше осваивать девственную планету.

– Может случиться так, что у нас не будет выбора. Помнишь, когда ты подсчитывала, что сколько весит, были такие объемы с обозначением «место для массы такой-то и такой-то – перечень последует»?

– Конечно, помню. В общей сложности ровно сто килограммов, я еще подумала: как странно. Объем немного меньше кубометра, распределен по разным углам.

– Это твой багаж, курносая. И папы с Хильдой. Допускается перевес пятьдесят процентов, я скажу Ае, она подрегулирует центровку. Есть у тебя какая-нибудь старая кукла? Плед? Любимая книжка стихов? Семейные фотографии? Тащи все сюда!

– Ой, мамочки! – (Никогда моя жена не бывает так хороша, как в те моменты, когда вдруг чему-нибудь обрадуется и станет совсем как маленькая девочка!)

– Мне места не нужно. У меня только те вещи, с которыми я приехал. Как быть с обувью для Хильды?

– Она утверждает, что туфли ей ни к чему, Зебадия, – что у нее на мозолях выросли еще мозоли. Но я кое-что придумала. Когда мы строились, я накупила папе обувных вкладышей доктора Шолла; осталось три пары, я немножко ушью их, и если тетя Хильда наденет к ним еще и толстые носки, то сможет ходить в моих башмаках. Кроме того, у меня есть одна вещь, которая мне дорога как память: кеды. Папа мне их купил, когда я в первый раз отправлялась в летний лагерь, мне тогда было десять лет. Тете Хильде они как раз.

– Умница ты! – сказал я. – Все-то у тебя предусмотрено. А вот как насчет еды? Я не про то, что мы с собой берем, я в смысле поесть *сейчас*. Не найдется ли у нас пообедать? Почему-то когда истребляешь пришельцев, то появляется ужасный аппетит.

– Обед готов, только в легком варианте. Бутерброды на буфете в кухне, и еще я разморозила и разогрела яблочный пирог. Один бутерброд я скормила Хильде, прямо из собственных рук: она говорит, что сначала закончит работу и как следует отмоется, а до того пока больше ничего в рот не возьмет.

– Шельма слопала бутерброд, вскрывая эту гадость?

– Тетя Хильда женщина стойкая, Зебадия, – почти такая же стойкая, как ты.

– *Более* стойкая. Я сумел бы сделать вскрытие, если бы понадобилось, но есть при этом не мог бы. И Джейк, по-моему, тоже.

– И он тоже, это верно. Он увидел, как я ее кормлю, весь позеленел и куда-то скрылся. Пойди посмотри, что она делает, Зебадия: она обнаружила кое-что интересное.

– Гм. И это говорит та самая деточка, которая чуть не упала в обморок от одной мысли о вскрытии дохлого пришельца?

– Никак нет, сэр, это говорит совсем другой человек. Я приняла решение оставаться взрослой. Это нелегко. Но зато так лучше себя чувствуешь. Взрослый человек не ударяется в панику при виде змеи: он просто проверяет, гремучая ли она. Я больше не буду визжать от испуга. Я наконец выросла... я теперь жена, а не балованная принцесса.

– Ты всегда будешь моей принцессой!

– Надеюсь, мой вождь. Но чтобы это заслужить, я должна научиться быть матерью-первопоселенкой – уметь свернуть шею петуху, заколоть борова, заряжать, пока муж стреляет, встать на его место с его ружьем, если он ранен. Я научусь, я упорная. Съешь кусок пирога и иди к Хильде. Как использовать лишние сто килограммов, я уже знаю: книги, фотографии, папины микрофильмы и прибор для их просмотра, папино ружье и патроны к нему – а то они как раз у меня не умещались...

– Не знал, что у него есть ружье – *какого калибра*?

– Семь и шестьдесят две, длинный патрон.

– Вот это да! Нам с папой годятся одни и те же патроны!

– Не знала, что у тебя есть оружие, Зебадия.

– Я это особо не рекламирую, разрешения у меня на него нет. Надо будет всем вам показать, где я его держу.

– А пригодится нам дамский пистолет? Стреляет иголками, точнее, мини-стрелами фирмы «Шкода». Дальность небольшая, но они либо отравленные, либо разрывные... Причем один магазин рассчитан на девяносто выстрелов.

– Дити, кто ты? Почетный член гильдии убийц?

– Отнюдь нет, сэр. Это мне купил папа – на черном рынке, – когда я стала работать по ночам. Он сказал, что лучше он наймет мне адвокатов, чтобы меня оправдали – или хотя бы отпустили на поруки, – чем пойдет в морг опознавать мой труп. Я ни разу им не пользовалась: в Логане он практически не нужен. Зебадия, чего только папа не делал, чтобы я научилась самым лучшим способам самозащиты! Он-то сам владеет всем этим первоклассно – потому я и не позволяю ему драться. А то будет смертоубийство. Они с мамой так решили, когда я была еще совсем маленькая. Папа говорит, что полицейские и суды больше не защищают граждан, а значит, граждане должны защищать себя сами.

– Боюсь, он прав.

– О муж мой, я не в состоянии судить, кто прав, а кто нет, ибо все свои представления о правильном и неправильном я усвоила от родителей, а сама прожила пока еще слишком мало, чтобы у меня успели сложиться какие-либо иные представления, не совпадающие с родительскими.

– Дити, твои родители все делали как надо.

– Я тоже так считаю... но это все субъективно. Во всяком случае, мне не пришлось подчиняться закону школьных джунглей – я не ходила в школу, пока мы не переехали в Юту. И я научилась защищаться – с оружием и без. Мы с папой оценили, как ты владеешь мечом. Мулине у тебя безупречные, как часовой механизм. И ты отлично закрываешься.

– Джейк тоже не промах. Он обнажил саблю так быстро, что я и заметить не успел, и рубанул точно над воротником.

– Папа говорит, у тебя выходит лучше.

– Ну... у меня длиннее руки. Зато у него, по-моему, быстрее реакция. Знаешь, мой самый лучший учитель фехтования был примерно твоего роста, и руки у него были не длиннее твоих. Так вот, мне не удавалось даже скрестить с ним клинки – только если он сам того хотел.

– Ты никогда не говорил, где ты учился этому искусству.

– В Ассоциации молодых христиан, – усмехнулся я, – прямехонько в центре Манхэттена. В школе я занимался рапирой. В колледже баловался саблей и шпагой. Но вот мечом заинтересовался только на Манхэттене. Почувствовал, что заплываю жирком, и решил им подзаняться. А потом поехал в Европу, в эту свою так называемую исследовательскую командировку, и там познакомился с потомственными мастерами – у которых и отцы, и деды, и прадеды жили искусством фехтования. Понял, что это не ремесло, а образ жизни – и что мне уже поздно начинать. Ты знаешь, Хильде я наврал: не дрался я на студенческих поединках. Но в Гейдельберге действительно учился – у одного сабельмайстера, который, по слухам, воспитал целую подпольную армию. Вот он и был тот коротышка, с которым мне не удавалось скрестить клинки. Какая у него была реакция! До того я считал, что у меня с реакцией все в порядке. А тут оказалось – еще учиться и учиться. Я и научился кое-чему. В день моего отъезда он сказал мне: «Какая жалость, что ты не попал ко мне в руки двадцать лет назад. Я бы тебя научил действительно владеть оружием».

– По-моему, сегодня ты им владел куда как хорошо!

– Нет, Дити. Ты отвлекла его внимание, я напал с фланга. Эту схватку выиграла *ты*, не я и не папа. Хотя то, что сделал папа, было гораздо опаснее, чем то, что делал я.

– Мой капитан, не смей на себя наговаривать! Я не желаю это слышать!

Странные существа эти женщины, благослови Господь их нежные сердца и причудливые умы: Дити назначила меня героем, и с этим ничего уже нельзя было поделать. Мне оставалось только постараться не слишком ее разочаровывать. Я отрезал себе кусочек яблочного пирога и поспешил сжевать его на ходу, пока я еще не дошел до гаража – есть что-либо в «морге» мне решительно не хотелось.

«Рейнджер» лежал на спине, освобожденный от одежды, вспоротый от подбородка до паха и распластаный. Какие-то куски лежали вокруг трупа. Запах стоял омерзительный.

Хильда все еще резала его: в левой руке у нее были щипцы для льда, в правой нож. Обе руки сплошь в зеленоватой слизи. Когда я подошел, она положила нож и взяла лезвие бритвы, не отводя глаз от объекта. На меня она взглянула только после того, как я заговорил.

– Много узнала, Шельма?

Она положила инструменты, вытерла руки полотенцем, тыльной стороной предплечья отвела волосы со лба.

– Зебби, ты просто не поверишь.

– Давай говори.

– Что ж... погляди-ка. – Она прикоснулась к правой ноге трупа и обратилась к трупу непосредственно: – Скажи мне, дорогая, зачем тебе этот суставчик?

Я присмотрелся: длинная, костлявая нога имела лишнее колено пониже обычного человеческого; оно изгибалось назад. Такие же сочленения имелись и на руках.

– Ты сказала «дорогая»?

– Я сказала «дорогая». Зебби, это чудище – либо самка, либо гермафродит. Полностью развитая матка, двурогая, как у кошки, по яичнику над каждым рогом. Но ниже есть нечто вроде яичек и какая-то штука, которая сошла бы за втягиваемый фаллос. То есть это девочка, но, скорее всего, в то же время и мальчик. При этом хотя оно и двуполое, но не самооплодотворяющееся, устройство не позволяет. По-моему, эти твари могут работать и за папу, и за маму.

– По очереди? Или одновременно?

– А что, неплохо было бы. Нет, по соображениям механического характера я думаю, что они меняются ролями. Через десять минут или через десять лет, образец судить не позволяет. Но дорого бы я дала, чтобы увидеть, как они это делают!

– Шельма, ты заиклилась на одной теме.

– Это главная тема. Что может быть главнее продолжения рода? Способы и обычаи сексуальных отношений – это центральная функция всех высших форм жизни.

– А как же деньги и телевидение?

– Фи! Вся человеческая деятельность, включая научные исследования, есть либо брачные танцы и забота о молодняке, либо жалкая сублимация неудачников, обреченных природой на проигрыш в единственной игре, какая имеется в городе. Шельма свое дело знает: я сорок два года искала настоящего мужчину, от которого смогу забеременеть, – и вот нашла! Последние две недели я только ждала подходящего момента. А что насчет тебя, бесстыжий жеребец? Поосторожней с ответом – я все расскажу Дити.

– Я сошлюсь на пятую позицию⁵⁰.

– За пятую с тебя четвертак. Зебби, ты не представляешь, как я ненавижу этих монстров: они ставят под угрозу все мои планы. Коттедж в розах, дитя в колыбели, жаркое в духовке, я в домашнем платье, мой муж идет домой усталый, целый день шпынял первокурсников, а у меня для него уж и тапочки, и трубка, и сухой мартини. Райская жизнь! Все прочее суeta и морок... Четыре полностью развитые молочные железы, но ни следа избыточного жира, как у всякой порядочной самки человека – кроме меня, к сожалению. Желудок двойной, кишечник ординарный. Сердце двухкамерное, кровь гонит, похоже, перистальтикой, а не пульсацией. Мозг

⁵⁰ Пятая позиция в фехтовании – возврат из выпада, защита клинком вверх. – *Примеч. перев.*

я не исследовала, у нас тут нет такой пилю – но он, несомненно, развит не меньше нашего. Безусловно, гуманоид, до ужаса не человек. Не опрокинь эти бутылки, это образцы того, что у них вместо крови и лимфы.

– А это что?

– Шины, чтобы спрятать нечеловеческие сочленения. На лице, по-моему, пластическая хирургия, форма черепа замаскирована подкладками. Волосы ненастоящие, у этих буджумов волос нет. Что-то вроде татуировки – а может быть, это тоже маскировка, только мне не удалось ее снять – благодаря ей открытые участки кожи выглядят как у людей, а не сине-зелеными. Зеб, семь шансов против двух, что множество пропавших без вести людей послужило морскими свинками для разработки этого маскарада. Летит тарелка – цап! – и парочка очередных морских свинок разделяется на препараты у них в лаборатории.

– Летающих тарелок уже много лет никто не наблюдает.

– Поэтическая вольность, милый мой. Если у них есть эти искривители пространства-времени, они могут выскочить из ничего, утащить что хотят – или заменить настоящего человека на убедительную подделку – и исчезнуть мгновенно, как свет выключается.

– Этот долго не продержался бы. Рейнджерам полагается проходить медицинскую проверку.

– Возможно этого приготовили наскоро, только для нас. Хорошая подделка обманет кого угодно, ее отловишь разве что рентгеном, да она и рентген обманет, если рентгенолог сам из их числа... интересная идея, над ней стоило бы подумать. Зебби, мне нужно еще поработать. Тут *столько* нового, а времени так мало. Я ведь любитель, мне не сделать и десятой доли того, что мог бы сотворить с этой тушей настоящий специалист по сравнительной биологии.

– Могу я тебе чем-нибудь помочь? – Вообще-то, я предпочел бы, чтобы здесь обошлись без меня.

– Как тебе сказать...

– Мне все равно нечего делать, пока Джейк и Дити заканчивают собирать вещи. Так что давай помогу, скажи, что нужно.

– Дело пошло бы вдвое быстрее, если бы ты фотографировал. А то мне приходится всякий раз вытирать руки, чтобы взять фотоаппарат.

– Я в твоём распоряжении, Шельма. Говори, под каким углом, с какого расстояния и когда.

Хильда явно обрадовалась:

– Знаешь, Зебби, все-таки я тебя люблю, даром что ты выглядишь как горилла и ухмыляешься как идиот. Внутри у тебя душа херувима. Мне бы сейчас искупаться – как знать, когда в следующий раз представится возможность залезть в горячую ванну. И воспользоваться биде – вершиной декадентской цивилизации. Я все боюсь: вдруг Джейк объявит, что пора в дорогу, а я все еще режу это гнусное мясо.

– Режь спокойно, дорогая, будет тебе ванна. – Я взял фотокамеру, которой Джейк пользовался для фиксации своих экспериментов: «Поляроид стереоинстаматик», с автоматической наводкой на резкость, автоматической установкой диафрагмы, автоматическим проявлением, идеальная камера для инженера или ученого, которому нужно протоколировать то, что он делает.

Хильда трудилась в поте лица, я снимал.

– Шельма, тебе не страшно работать без перчаток? Вдруг подцепишь что-нибудь.

– Зебби, если бы эти твари умирали от наших микробов, они бы здесь не выжили. А они выживают. Значит, и нам *их* микробы, скорее всего, не причинят вреда. Принципиально иная биохимия.

Это звучало логично – но я хорошо помнил закон Кеттеринга: «Логика есть не что иное, как организованный способ надежно впасть в заблуждение».

Появилась Дити с тяжелым узлом:

– Ну вот, теперь все.

Ее волосы были забраны в узел. На ней не было ничего, кроме резиновых перчаток.

– Привет, милый. Тетя Хильда, я пришла помочь. Что нужно делать?

– Ничего не нужно, лапочка. Разве что ты захочешь сменить Зебби.

Дити смотрела на труп и явно не испытывала воодушевления – ее сосочки совсем обвисли.

– Пойди искупайся, – велел я ей. – Пошла вон, говорят тебе!

– Что, от меня так плохо пахнет?

– От тебя пахнет чудесно, лапочка моя. Но Шельма совершенно правильно заметила, что нам, возможно, теперь не скоро представится случай помыться горячей водой с мылом. Я обещал ей, что мы не отправимся на Канопус, пока она не примет ванну. Так что иди скорее купайся, пока ванная свободна, а когда Хильда пойдет отмываться, ты мне pomoжешь грузить багаж.

– Хорошо. – Сосочки Дити слегка набухли, наглядно показывая, как поднялось ее настроение. Лицо моей возлюбленной обычно не выдает ее чувств, но эти прелестные розовые пробочки служат отличным барометром ее морально-боевого духа.

– Постой-ка, Дити, – остановила ее Хильда. – Ты тогда сказала: «Он не среагировал». Что ты имела в виду?

– То, что сказала. Сбрось одежду перед мужчиной, и он так или иначе отреагирует. Даже если сделает вид, что ничего такого не произошло, глаза все равно его выдадут. А тут *совсем никакой реакции*. То есть так и должно было быть, он же не человек, но я-то этого не знала, когда попыталась его отвлечь.

– Но он все-таки обратил на тебя внимание, Дити, – сказал я. – И тем самым ты дала мне шанс.

– Он обратил на меня внимание так, как собака, или лошадь, или любое животное обратило бы внимание на любое движение. Он заметил, но проигнорировал. Никакой реакции.

– Зебби, тебе это ничего не напоминает?

– А что это должно напоминать?

– Ты помнишь, в первый день, как только мы сюда приехали, ты рассказывал историю про одну смазливую студенточку.

– Какую студенточку?

– Которая не могла сдать математику.

– А-а-а! Бинни.

– Да, профессор Дональд Уолтер Бин. Не находишь тут связи?

– Но Дубина в университете уже много лет. Кроме того, он краснеет. Это никакая не татуировка.

– Я же говорю, этот наш экземпляр, возможно, слеплен наскоро. А кто сумел бы лучше дискредитировать некую математическую теорию, чем декан математического факультета престижного университета? Особенно если он хорошо знает эту теорию и ему *точно известно*, что она верна?

– Эй, погодите! – вмешалась Дити. – Вы о ком, о том профессоре, что спорил с папой? У которого было подложное приглашение? Но мы ведь решили, что он просто марионетка. Папа говорит, что он дурак.

– Он ведет себя как набитый дурак, – подтвердила Хильда. – К тому же еще и надутый. Терпеть его не могу. С удовольствием подвергла бы его вскрытию.

– Но он еще не умер.

– Это можно исправить! – стервозно сказала Шельма.

Глава двенадцатая

...Могут взять и окурить нашу планету, а потом захватить ее.

ХИЛЬДА:

К тому времени, когда я вылезла из ванны, Джейкоб, Дити и Зебби уже успели загрузить Аю Плутишку и проверить списки груза (консервный нож, фотоаппараты и все такое прочее) – даже образчики тканей и жидкостей, взятые от трупа, поскольку в чудо-машине Зебби имеется маленький холодильник. Дити не очень-то обрадовалась, что мои образцы будут лежать в холодильнике, но они были *исключительно* хорошо упакованы, сначала в несколько слоев пластика, а потом еще в контейнер из морозильной камеры. Кроме того, в холодильнике находились главным образом фотопленка, взрыватели для динамита и другие несъедобные вещи. Еду мы везли с собой в основном в сушено-мороженом виде, запечатанной в азоте, кроме непортящихся продуктов.

Устали мы как собаки. Джейкоб предложил сперва выспаться и только после этого отправляться в путь.

– Зеб, если ты не ожидаешь нового нападения в ближайшие восемь часов, то нам надо отдохнуть. Чтобы управляться с верньерами, я должен иметь ясную голову. Этот дом – почти крепость, он будет совершенно черным, потому что не излучает ни в какой области спектра. Скорее всего, они решат, что мы удрали сразу же, как только разделались с тем парнем – то есть, виноват, с гермафродитом, ну с якобы рейнджером. Что скажешь?

– Джейк, я не удивился бы, если бы они на нас набросились прямо сейчас. Но они что-то не набрасываются. Во всяком случае, мне не хотелось бы вести Аю не выспавшись, Больше всего ошибок в бою совершается именно от усталости. Давайте прикорнем. Дать кому-нибудь снотворное?

– Мне ничего не нужно, кроме кровати. Хильда, дорогая, сегодня я сплю на своей половине.

– Можно мне хотя бы прижаться к спинке? – спросила я.

– Обещаешь не щекотаться?

Я состроила своему возлюбленному рожицу.

– Обещаю.

– Зебадия, – сказала Дити, – я не хочу прижиматься. Я хочу, чтобы меня *обнимали*... так я чувствую себя в безопасности. В первый раз с того дня, когда мне исполнилось двенадцать, меня не тянет заниматься любовью.

– Принцесса, не беспокойся: будем спать. Только давайте встанем до рассвета. Не надо испытывать судьбу.

– Разумно, – согласился Джейкоб.

Я пожала плечами:

– Вам, мужчинам, вести машину, а мы с Дити – просто груз. Мы можем подремать на задних сиденьях, а если пропустим вселенную-другую, ничего страшного. Кто видел одну вселенную, тот видел их все. Как считаешь, Дити?

– Если бы все зависело только от меня, я бы дала отсюда деру сей же миг, одни туфли остались бы. Но Зебадия должен вести машину, а папа – орудовать верньерами... и оба устали и не хотят рисковать. Но, Зебадия... не обижайся, если я буду отдыхать с открытыми глазами и держать ушки на макушке.

– Как? Дити, *почему*?

– Кто-то должен быть на страже. Это может дать нам то самое преимущество в считанные секунды, которое уже спасало нас по меньшей мере дважды. Не беспокойся, дорогой, я вполне

могу не поспать ночь, мне не раз приходилось это делать, когда я работала над какой-нибудь программой, а машинное время было ограничено. Никаких дурных последствий, на следующий день отосплюсь, и опять готова в бой. Папа, подтверди.

– Это правда, Зеб. Но...

Зебби не дал ему договорить:

– Девушки, давайте вы будете сторожить по очереди, а заодно приготовите завтрак. Я сейчас так налажу Аю Плутешку, чтобы она могла связаться с нами, пока мы в спальне. И пожалуй, Дити, добавлю еще одну программу, чтобы она несла стражу вокруг дома. Если ее надлежащим образом запрограммировать, из нее получится сторожевая собака гораздо лучше любого из нас. Ну как, успокоит это твое чувство ответственности?

Дити ничего не сказала, я тоже хранила молчание. Зебби, нахмурившись, пошел к своей машине, открыл дверцу и принялся подсоединять глаза и уши Аи к трем имеющимся в доме интеркомам.

– Джейк, может быть, перенести переговорное устройство из подвала к тебе в спальню?

– Это мысль, – согласился Джейкоб.

– Только подожди, сперва я выслушаю то, что Ая желает мне сообщить. Привет, Ая.

– Приветик, Зеб. Вытри подбородок.

– Программа. Запустить новый поиск. Сообщить о новостях, поступивших с момента последнего отчета.

– Нулевой отчет, босс.

– Спасибо, Ая.

– Не за что, Зеб.

– Ая, программа. Добавить в текущий поиск новостей параметры. Регион: Аризона к северу от Большого каньона плюс Юта. Персоналии: все лица, перечисленные в ныне действующих программах поиска новостей плюс рейнджеры, федеральные рейнджеры, лесные рейнджеры, рейнджеры штата. Конец программы.

– Новая программа в действии, босс.

– Программа. Регистрировать текущую акустическую информацию, уровень восприятия максимальный.

– Новая программа в действии, Зеб.

– Ты умница, Ая.

– Пора бы тебе на мне жениться.

– Спокойной ночи, Ая.

– Спокойной ночи, Зеб. Спи с руками поверх одеяла.

– Дити, ты растлила Аю. Я выведу наружу шнур для микрофона, а Джейк перенесет интерком из подвала в хозяйскую спальню. Но имей в виду, Джейк: максимальный уровень восприятия означает, что если в десяти милях отсюда взвояет койот, то он взвояет прямо у тебя в постели. Если хочешь, я велю Ае отфильтровывать акустическую информацию и передавать тебе в спальню только новости.

– Хильда, дорогая, хочешь, Ая будет отфильтровывать акустическую информацию?

Я этого не хотела, но не стала говорить. Неожиданно вмешалась Ая:

– Свежие новости, босс.

– Докладывай!

– Рейтер, «Стейтс таймс», Сингапур. Трагическое известие об экспедиции Марстона. Индонезийская служба новостей, Палембанг. В Штаб национальной милиции в Телукбетунге доставлены из джунглей два тела, в которых были опознаны доктор Сесил Янг и доктор З. Эдвард Картер. Окружной комендант сообщил, что они будут отправлены самолетом в Палембанг для дальнейшей транспортировки в Сингапур, как только главный комендант передаст их министру туризма и культуры. О местонахождении профессора Марстона и мистера Смайса

Белиша по-прежнему ничего не известно. Коменданты обоих округов сходятся на том, что надежда найти их живыми с каждым днем уменьшается. Тем не менее представитель министра туризма и культуры заявил на пресс-конференции, что правительство Индонезии будет продолжать поиски еще более настойчиво. Конец сообщения.

Зеб присвистнул. Помолчав, он сказал:

– Какие будут мнения?

– Он был блестящий ученый, сын, – сдержанно произнес мой муж. – Это невосполнимая потеря. Ужасно.

– Эд был хороший парень, Джейк. Но я не об этом. Каково наше тактическое положение?

Здесь. Сейчас.

Мой муж ответил не сразу.

– Зеб, что бы там ни случилось на Суматре, это случилось, насколько мы можем судить, около месяца назад. Эмоционально я в смятении. Логически я вынужден констатировать, что наше положение, по всей видимости, никак не изменилось.

– Хильда? Дити?

– Отчет по поиску новостей, – объявила Ая.

– Докладывай!

– АП Сан-Франциско, по спутниковой связи из Сайпана, Марианские острова. Сегодня в двадцать часов по времени Тихоокеанского побережья сверхзвуковой полубаллистический лайнер компании TWA «Крылатая победа», вылетевший из международного аэропорта Сан-Франциско, взорвался при входе в плотные слои атмосферы, что было зафиксировано визуальным наблюдением и радарным контролем.

АП Гонолулу, официальное сообщение Военно-морских сил США. Подводный авианосец ВМС США «Летучая рыба», находящийся вблизи острова Уэйк-Айленд, получил приказ немедленно следовать к месту крушения «Крылатой победы». Авианосец всплывет на поверхность и даст старт поисковым аппаратам в оптимальном пункте. На вопрос о том, какой пункт является оптимальным, представитель ВМС США ответить отказался. Редактор «Ассошиэйтед пресс» по военным вопросам сообщил, что подводная скорость кораблей класса «Летучей рыбы», а также тип и тактико-технические данные находящихся на их борту летательных аппаратов засекречены.

АП-ЮПИ Сан-Франциско, новые данные по катастрофе «Крылатой победы». В заявлении, сделанном компанией TWA, говорится (цитата): «Если полученные сообщения о „Крылатой победе“ соответствуют действительности, то имеются все основания предполагать, что выживших нет. Однако наш технический отдел не допускает, что причиной катастрофы мог быть самопроизвольный взрыв. Катастрофа могла бы, повторяю, могла бы быть вызвана столкновением с остатками орбитальных аппаратов, постепенно входящих в атмосферу, или даже с метеором, однако вероятность такого столкновения настолько мала, что его можно было бы считать чудом» (конец цитаты). По требованию Бюро гражданских авиаперевозок представитель TWA передал средствам массовой информации список пассажиров рейса. Список следует ниже: Калифорния...

Список был длинный, все имена – незнакомые. Но тут Ая произнесла:

– Доктор Дональд Бин...

Я ахнула. Но никто ничего не сказал, пока Ая не объявила:

– Конец полученной информации.

– Спасибо, Ая.

– Всегда рада, Зеб.

– Ну, профессор? – сказал Зебби.

– Командуешь ты, капитан.

– Прекрасно, сэр! Слушайте все: положение чрезвычайное! Правила спасательной шлюпки. Действовать быстро, разговоры отставить. Готовность к отправлению – пятиминутная! Во-первых, всем оправиться. Во-вторых, надеть то, в чем будете в дороге. Джейк, подготовить дом к длительному отсутствию хозяев: электричество, запоры и тому подобное. Дити: следуй за Джейком, убедись, что он все сделал правильно, потом сама – *ты*, а не Джейк – выключи свет и запри двери. Хильда, собери все, что осталось от наших бутербродов, и принеси – быстро, но не суетись. Проверь, есть ли в холодильнике твердые продукты – жидкого не надо – и все, что можно, загрузи в холодильник Аи. Особо не раздумывай. Вопросы есть? Действуйте!

Я запустила Джейкоба в ванную первым, он, бедняжка, в этих делах медлителен, а сама в это время запихнула бутерброды в один холодильный мешок, полпирога в другой. Картофельный салат? Я свалила его в третий, сунув туда же пластмассовую ложку для пикников; в конце концов, микробы у нас теперь общие. Все это вместе с остатками пикулей я отправила в самую большую из заготовленных Дити холодильных сумок, тщательно застегнув ее.

Джейк вышел из нашей спальни; я чмокнула его *en passant*⁵¹, нырнула в ванную, пустила воду в раковине, села и принялась читать мантры – это часто помогает, когда спешишь, потом воспользовалась биде, нежно похлопала это милое устройство и попрощалась с ним, не оставиваясь. В дорогу я собиралась надеть Дитины детские теннисные туфли и ее же зеленую с золотом джинсовую мини-юбку, которая была мне до колен, но с шарфом на поясе выглядела не слишком ужасно. Вот только трусиков у меня не было, Дити отложила для меня несколько пар своих, но они с меня свалились бы. И тут я увидела, что она, лапочка, их не просто отложила, а добралась до резинок и подтянула их. Хоп! – сидят отлично, вот и хорошо, а то кто его знает, когда мы теперь сможем залезть в ванну, трусики все-таки практичная вещь, хотя и мешают.

Затем я расстелила свою накидку перед холодильником и принялась упаковывать в нее остатки нашего пикника: кусок ветчины, порядочный кусок сыра, полтора батона хлеба, два фунта сливочного масла (все, разумеется, в холодильных мешках, благо у Дити их имелось много, так что на накидке не осталось ни пятнышка). Джем, желе и кетчуп я сочла жидкостями, а жидкости Зебби брать запретил – вот разве то, что в тубиках. Половина шоколадного торта – и полки опустели.

Воспользовавшись накидкой как мешком Санта-Клауса, я отнесла еду в гараж и сложила ее возле Аи, с восторгом обнаружив, что я первая.

Вторым явился Зебби в пилотском комбинезоне с карманами на бедрах. Он воззрился на кучу, принесенную в накидке.

– А где же слон, Шельма?

– Капитан Зебби, ты же не сказал *сколько*, ты только сказал *что*. Если это не влезает, оставим *ей*. – Я ткнула большим пальцем в сторону вскрытого труп.

– Извини, Хильда, ты все сделала правильно. – Зебби поглядел на свои наручные часы: у него были часы с несколькими циферблатами, «штурманские», как их называют.

– Капитан, в этом доме полно всяких штучек, дрючек, звоночков и свисточков. В твой срок они никак не уложатся.

– Конечно, милая. Это я нарочно. Давай поглядим, сколько еды мы сможем загрузить.

Люк в Аин трюм расположен в полу под ногами пилота. Зебби велел Ае открыть дверцу, боком протиснулся внутрь и отпер его.

– Давай все сюда.

Я похлопала его по заднице:

⁵¹ На ходу (фр.). – Примеч. С. В. Голд.

– Вылезай, лилипут-переросток, пусти Шельму, она все сделает. Когда места больше не останется, я тебе скажу.

Бедному Зебби в таком пространстве не развернуться, а мне пожалуйста. Он стал передавать мне вещи, я укладывала их поплотнее. На третий раз он передал мне остатки бутербродов.

– Это наш недоеденный пикник, – сказала я и положила мешок к нему на сиденье.

– Нельзя, чтобы это просто так болталось в кабине.

– Капитан, мы его съедим раньше, чем оно испортится. Я все равно буду пристегнута: можно мне сидеть с этим мешком в обнимку?

– Шельма, ты когда-нибудь уступала мне в спорах?

– Только грубой силой, дорогой. Не трепись и давай сюда еду.

С помощью Господа Бога и обувного рожка все влезло без остатка. Наши супруги еще где-то копались, а я уже устроилась на заднем сиденье, подложив под себя накидку и держа на коленях сверток с бутербродами.

– Капитан Зебби, почему известие о смерти Бина заставило тебя изменить планы?

– Ты против, Шельма?

– Я за, командир. Хочешь знать, что я думаю?

– Хочу.

– В «Крылатую победу» подложили бомбу. А милейшего доктора Бина, который не так глуп, как я думала, не было на борту. Всех этих несчастных людей убили для того, чтобы он мог исчезнуть.

– Отлично, Шельма, можешь сесть в первый ряд. Слишком много совпадений... и они – эти Черные Шляпы, – они знают, где мы.

– То есть профессор Дубина, якобы погибший в Тихом океане, на самом деле может объявиться в любую минуту.

– Вместе с бандой зеленокровных пришельцев, которым не нравятся математики.

– Зебби, как ты думаешь, каковы их планы?

– Понятия не имею. Могут взять и окурить чем-нибудь нашу планету, а потом захватить ее. Или покорить нас и превратить в скот или рабов. Мы твердо знаем только то, что они не люди, что они могущественны – и что они убивают нас без колебаний. Поэтому я без колебаний убью любого из них. К сожалению, мне неизвестно, как это делать. Поэтому я бегу от них прочь – бегу в страхе – и забираю с собой тех троих, которым, как и мне, грозит явная опасность.

– Сможем ли мы *когда-нибудь* найти их и убить?

На это Зебби ничего не ответил, потому что подросли запыхавшиеся Дити и Джейкоб. Оба были в тренировочных костюмах. Дочь смотрелась фигуристой красоткой, отец выглядел подтянутым, но обеспокоенным.

– Простите, мы опоздали.

– Вы не опоздали, – сказал Зеб. – Но живо по местам.

– Только открою дверь гаража и выключу свет.

– Джейк, Джейк, – Ая теперь умеет делать это сама. Принцесса, забирайся и пристегивайся. Шельма, ты тоже пристегнись. Второй пилот, когда захлопнешь правую дверцу, проверь на ощупь по всему периметру, надежно ли захлопнулась. Потом пристегнись.

– Есть, капитан.

Мне было приятно слышать, как четко, по-военному отвечает мой возлюбленный. По секрету он сообщил мне, что он полковник запаса, артиллерист – но что Дити дала обещание не говорить об этом нашему бравому молодому капитану, и я чтобы тоже ему не говорила: ведь штатное расписание у нас сложилось как нельзя более удачно, Зебу командовать, а Джейкобу управлять пространственно-временной аппаратурой, каждому свое. Джейкоб просил, чтобы я подчинялась приказам Зеба без всяких разговоров... что меня немного раздражало. Но я, в конце концов, всего лишь рядовой необученный. Я не тупица. В случае крайней необходимости

я уж как-нибудь постараюсь доставить всех нас домой. Но даже у Дити и той квалификация выше, чем у меня.

Проверка завершилась, Ая выключила свет, открыла дверь гаража и выкатилась на посадочную площадку.

– Второй пилот, тебе хорошо видны твои верньеры?

– Капитан, я предпочел бы ослабить ремень.

– Пожалуйста. Но имей в виду, твое кресло передвигается вперед на двадцать сантиметров – давай подвину. – Зеб наклонился и что-то нажал между креслами. – Так хорошо?

– Э-э... Да, вот так. Спасибо. Теперь я все вижу и до всего могу дотянуться, не расстегивая ремня. Жду распоряжений, сэр.

– Где находилась ваша машина, когда вы с Дити навешали пространство-время без буквы «J»?

– Примерно там же, где мы сейчас.

– Можешь ты опять туда попасть?

– Думаю, да. Минимальное перемещение в положительном направлении – то есть с возрастанием энтропии – по оси t .

– Прошу доставить нас туда, сэр.

Мой муж прикоснулся к приборам управления:

– Готово, капитан.

Я не заметила никаких перемен. Наш дом по-прежнему высился темным силуэтом на фоне неба, прямо перед нами чернела пасть гаража. Звезды даже не мигнули.

– Проверим, – сказал Зебби и включил Аины фары. Гараж ярко осветился. Он был пуст и выглядел вполне нормально.

– Ого! – сказал Зебби. – Поглядите-ка на *это*!

– Поглядеть на *что*? – спросила я, пытаюсь что-либо разглядеть из-за спины Джейкоба.

– Ничего, в том-то и дело. Шельма, где твой пришелец?

Только тогда я поняла. Трупа не было. Никаких следов зеленой крови. Верстак стоял у стены, лампы для подсветки – на своем обычном месте.

– Ая *Плутшика, домой!* – сказал Зебби.

В одно мгновение мы очутились там же, где и были... но перед нами лежал искромсанный труп. Я сглотнула.

Зебби выключил фары. Мне стало лучше, но не намного.

– Капитан!

– Да, второй пилот.

– Как ты думаешь, может, нам стоило бы проверить, есть ли там эта буква «J»? Мне это пригодило бы для калибровки.

– Я проверил, Джейк.

– Как это?

– У тебя возле гаража стоят мусорные баки с аккуратными надписями по трафарету. На крайнем левом написано «Junk metal». «Обрезки металла».

– Однако!

– Так вот, твой аналог в том мире – твой близнец, Джейк-прим, или как там его назвать, – такой же аккуратист, как ты. На левом баке было написано «Junk metal» с буквой «I». Поэтому я немедленно приказал Ае доставить нас домой. Я испугался, что они нас увидят. Мне стыдно за это.

– Зебадия, – сказала Дити. – То есть капитан. Я не понимаю. Чего ты испугался? Ну да, в свое время эта недостающая буква меня напугала, но теперь-то в ней нет ничего страшного. Меня теперь тревожат пришельцы. Черные Шляпы.

– Дити, тебе в тот первый раз сильно повезло. Потому что Дити-прим не было дома. Но сегодня она как раз могла быть дома. Может быть, она была в постели с мужем по имени Зебадия-прим. А это опасный тип. Если откуда ни возьмись появляется чужая машина и зажигает фары возле гаража его тестя, он ведь может и за оружие схватиться. У него скверный характер.

– Ты смеешься.

– Нет, принцесса, я действительно встревожился. Если есть параллельный мир, отличающийся от нашего только отсутствием одной не очень нужной буквы, и дом в этом мире вы приняли за свой, то там наверняка есть свои Джейк и Дити.

– Зебадия, это почти так же страшно, как пришельцы...

– Пришельцы страшнее. Привет, Ая.

– Приветик, Зеб. Чего это ты такой грустный?

– Умница, одно g вверх до высоты один километр. Зависнуть.

– Есть, начальник, старый чайник.

Несколько мгновений мы сидели вжатые в свои кресла, потом с ощущением внезапной легкости, словно в скоростном лифте, замедлили ход и зависли.

– Дити, – сказал Зебби, – можно перепрограммировать автопилот голосом? Или нужен ручной ввод?

– Что ты хочешь сделать?

– Задать новое определение понятия «домой»: те же широта и долгота, но в двух километрах над поверхностью земли.

– Это можно. Сделать? Или хочешь сам, капитан?

– Сделай ты, Дити.

– Есть, сэр. Привет, Ая.

– Привет, Дити!

– Проверка программы. Дай дефиницию программы «Домой».

– «Домой». Отменить все инерциальные движения⁵² переходы смещения вращения. Вернуться на заранее заданную нулевую широту и долготу, нулевую высоту от поверхности земли.

– Укажи местонахождение в настоящий момент.

– Один километр по вертикали над точкой, соответствующей программе «домой».

– Ая, изменение программы.

– Слушаю, Дити.

– Программа «Домой». Отменить пункт «нулевая высота от поверхности земли». Заменить на «два километра над поверхностью земли, зависнуть».

– Изменение программы записано.

– Ая *Плутшика, домой!*

В тот же миг, без малейшего ощущения движения, мы очутились значительно выше.

– Два километра как ни в чем не бывало! – удовлетворенно сказал Зеб. – Дити, ты умница.

– Уверена, Зебадия, вы всем девушкам это говорите.

– Не всем, только некоторым. Ая, ты умница.

– Тогда зачем ты клеился к той грудастой блондинке?

Зебби обернулся и посмотрел на меня:

– Шельма, это твой голос.

Я не снизошла до ответа. Зебби повел машину на юг в сторону Большого каньона. При лунном свете местность выглядела жутко. Не замедляя ход, он произнес:

– Ая *Плутшика, домой!*

Мы снова зависли над Гнездышком. Ни толчка, ни ускорения – ничего.

⁵² Речь идет о перемещениях в физическом пространстве, которые фиксируют внутренние инерциальные датчики машины. – *Примеч. С. В. Голд.*

– Джейк, – сказал Зебби, – я, пожалуй, перестану тратить деньги на горючее, только дай сначала разберусь, что происходит. Как она это делает? Мы же не перемещались в другие миры. Не было смещения, не было вращения.

– Кажется, я не обратил должного внимания на один тривиальный корень в уравнении девяносто семь. Но это аналогично тому, что мы собирались делать с планетами. Пятимерное преобразование сводится к трехмерному.

– Ничего не понял, но я знаю, как крутить руль, – признался капитан Зебби. – Что ж, откроем лавочку по торговле пространством и временем. Берроуз и Компания, Перевозки Во Всех Измерениях, Товарищество с Неограниченными Возможностями. «За все беремся, ничем не гнушаемся. По получении одного нью-доллара вышлем бесплатную брошюру».

– Капитан, – предложил Джейкоб, – не перебраться ли нам все же в другое пространство, прежде чем продолжать эксперименты? Мы ведь по-прежнему под угрозой нападения, не так ли?

Зебби мгновенно посерьезнел.

– Совершенно верно, второй пилот. Прошу одергивать меня, когда я забываюсь, теперь это ваша обязанность. Однако у нас есть еще одна неотложная задача, которую мы *обязаны* сделать до отбытия.

– Более неотложная, чем вывезти наших жен в безопасное место? – недоуменно спросил мой муж, и я почувствовала себя тронутой и гордой.

– Да, более неотложная. Джейк, я гонял ее туда-сюда не только проверки ради, но и для того, чтоб нас труднее было обнаружить. Потому что нам придется нарушить радиомолчание. Чтобы предупредить наших сородичей – людей.

– О... конечно, капитан. Прошу прощения. Я иногда теряю общую перспективу.

– А кто не теряет! Когда все началось, я только о том и думал, как бы поскорей удрать и скрыться. Но это нужно было подготовить, и у меня появилось время подумать. Первое: мы не знаем, как драться с этими тварями, значит, надо притаиться, ничего не поделаешь. Второе: мы обязаны сообщить миру все, что нам известно о пришельцах. Это не так много – мы унесли ноги просто чудом, но если за ними будут следить пять миллиардов человек, их схватят. Надеюсь.

– Капитан, – попросила Дити, – можно мне сказать?

– Нужно! Каждый, у кого есть идеи, как справиться с этими чудовищами, *должен* высказаться.

– Виновата, у меня таких идей нет. Мы действительно обязаны предупредить мир, сэр, но нам не поверят.

– Боюсь, ты права, Дити. Но речь не о том, чтобы *нам* верили. Тварь в гараже говорит сама за себя. Я хочу сообщить о ней рейнджерам – настоящим рейнджерам, – чтобы они ее забрали.

– Так вот почему ты велел мне оставить ее как есть! – воскликнула я. – Я-то думала, просто нет времени.

– И поэтому тоже, Хильда. Нам некогда было упаковывать мертвеца и укладывать его в холодильник. Но если нам удастся сделать так, чтобы рейнджеры – *настоящие* рейнджеры – попали в этот гараж раньше, чем Черные Шляпы, то труп будет достаточным доказательством: существо несомненно нечеловеческого происхождения, лежащее в собственной зеленой крови на форме рейнджера, из которой его извлекли. Это вам не встреча с экипажем НЛО, для чего всегда найдется объяснение, это существо более загадочное, чем любой утконос, ставящий в тупик биологов. Только нужно поставить его в связь с другими фактами, чтобы было ясно, что искать. Твоя подорванная машина, поджог в Логане, исчезновение профессора Бина, смерть моего кузена на Суматре – и твоя шестимерная неевклидова геометрия.

– Извините, джентльмены, – сказала я, – до того как вы нарушите радиомолчание, не могли бы мы зависнуть где-нибудь в другом месте, а не прямо над нашим загородным домиком? Мне как-то не по себе: за нами охотятся Черные Шляпы.

– Ты права, Шельма, сейчас поедет. Сообщение не длинное, длинная там только математическая часть, я все это уже записал на пленку, пока вы собирались. Ая передаст запись в ускоренном режиме, сто к одному. – Зебадия что-то нажал на пульте управления. – Все готовы?

– Капитан Зебадия!

– Что такое, принцесса?

– Можно попробовать новую программу? Это может сэкономить время.

– Конечно. По части программирования ты у нас главная.

– Привет, Ая.

– Привет, Дити.

– Проверка последней программы. Сообщи команду выполнения.

– Сообщаю, Дити. «Ая *Плуттишка, домой!*»

– Не стирать постоянную программу с командой выполнения «Ая *Плуттишка, домой!*».

Получение команды подтвердить.

– Подтверждаю: постоянную программу с командой выполнения «Ая *Плуттишка, домой!*» не стирать. Говорю тебе три раза.

– Дити, – сказал Зебби, – Ая при команде «Не стирать!» помещает информацию в постоянную память в трех местах. Избыточность как фактор надежности.

– Не мешай, дорогой. Мы с ней говорим на одном жаргоне. Привет, Ая!

– Привет, Дити.

– Проанализируй самую последнюю программу, команда выполнения «Ая *Плуттишка, домой!*». Доложи.

– Анализ завершен.

– Проведи обратный анализ.

– Неизвестная команда.

Дити вздохнула.

– Все-таки работать с клавиатуры проще. Новая программа!

– Слушаю, Дити.

– Новая постоянная программа. Команда выполнения: «Ая *Плуттишка, обратно!*». По получении данной команды повторить в обратном порядке последнюю последовательность инерциального движения переноса смещения вращения вплоть до последней программы с командой выполнения «Ая *Плуттишка, домой!*».

– Новая постоянная программа принята.

– Ая, говорю тебе три раза.

– Дити, слышу тебя три раза.

– Ая *Плуттишка, обратно!*

Мы мгновенно очутились над Большим каньоном, двигаясь в направлении на юг. Я увидела, как Зеб беретса за управление.

– Молодец, Дити. Времени не теряешь.

– К сожалению, теряю. Это надо было сделать гораздо раньше. Ая, ты умница.

– Дити, я сейчас покраснею.

– Вы обе умницы, – сказал капитан Зебби. – Если кто-нибудь следил за нами радаром, он, видимо, решил, что у него что-то с глазами. И наоборот, если кто-нибудь сейчас обнаружил нас здесь, он недоумевает, откуда мы взялись. Просто молодчина, Дити. Ты превратила Аю Плуттишку в такую хитрюгу, что теперь мы обманем кого угодно, и никому нас не найти.

– Да, мой капитан, но я имела в виду и кое-что еще.

– Принцесса, мне нравятся твои идеи, рассказывай.

– Предположим, что мы воспользовались программой «Домой» и попали из огня в полымя. Неплохо бы иметь программу, которая сначала доставила бы нас обратно в огонь, а потом побыстрее еще куда-нибудь. Может, мне попробовать придумать третью программу для бегства?

– Конечно, попробуй, только сначала обсуди это с придворным магом, со своим мудрым отцом. Я всего лишь пилот.

– Зебадия, я не желаю слышать, как ты занимаешься самоуничижением.

– Тихо, Дити! Без разговорчиков в спасательной шлюпке. Джейк, у тебя с собой твои материалы? Формулы, чертежи?

– Что ты, Зеб... то есть капитан. Нет, конечно. Они занимают слишком много места. Микрофильмы – да, с собой. Оригиналы в подвале. Что, я поступил неправильно?

– Совершенно правильно. Скажи, есть ли *хоть один* математик, кто оценил бы твои работы по достоинству?

– Капитан, разобраться в моей системе постулатов без долгого предварительного изучения могут лишь считанные единицы. Она чересчур неортодоксальна. Твой покойный кузен как раз мог – какой блестящий ум! Э-э-э... Как я теперь подозреваю, доктор Бин тоже в ней разобрался, только не дал ей ходу – по своим особым соображениям.

– Джейк, найдется ли *кто-нибудь*, кто хорошо относился бы к тебе и мог бы понять то, что хранится у тебя в подвале? Я пытаюсь сообразить, как нам предупредить людей. Фантастическая история из множества эпизодов без очевидной внутренней связи может и не сработать. Не исключено, что даже труп пришельца не поможет. Ты должен передать свои математические и технические разработки какому-нибудь человеку, который в состоянии в них разобраться и которому ты доверяешь. Сами мы с этим делом не справимся: стоит нам высунуться, как по нам начнут стрелять, а нам даже нечем отстреливаться. Весьма возможно, тут придется действовать всем родом человеческим сообща. Ну? Можешь ты кого-нибудь назначить своим профессиональным душеприказчиком?

– Не знаю... Есть, пожалуй, один человек. Занимается совсем другой областью геометрии, но большая умница. Он прислал мне чрезвычайно дружелюбное письмо, когда я опубликовал свою первую работу – на нее тогда все ополчились, кроме твоего кузена и вот его. Профессор Сеппо Ряйканнонен. Турку. Финляндия.

– Ты уверен, что он не пришелец?

– Что? Но он же преподает в Турку много лет! Лет пятнадцать, наверное.

– Джейкоб, – сказала я, – примерно столько же преподавал у нас профессор Бин.

– Да, но... – Мой муж обернулся ко мне и неожиданно улыбнулся. – Хильда, любовь моя, ты когда-нибудь бывала в сауне?

– Как-то раз была.

– Тогда объясни капитану, почему я совершенно уверен, что мой друг Сеппо – никакой не переодетый пришелец. Мы были в Хельсинки – мы с Дити, я имею в виду – в прошлом году на одном конгрессе. А после конгресса поехали к ним на дачу в Озерный край... и там ходили с ними в сауну.

– Папа, мама и трое детишек, – подтвердила Дити. – Несомненные люди, не пришельцы.

– Бинни был холостяк, – вставила я. – Капитан Зебби, переодетым пришельцам приходится быть холостяками, разве нет?

– Или одинокими женщинами. Или псевдосупружескими парами. Но без детей. Такой маскарад не прошел бы. Джейк, давай попробуем позвонить твоему другу. Так, сейчас в Финляндии уже завтракают, в крайнем случае мы его разбудим. Так лучше, а то еще упустим его.

– Хорошо! Мой номер комкредита: Неро, Алеф...

– Позвоним с моего номера. Твой небезопасен... если Черные Шляпы не совсем уж дураки. Умница!

- Да, босс.
- Вызови дальнюю связь.
- Слушаю и повинуюсь, о могущественный.
- Дити, ты ее дурно воспитала.

Через несколько секунд раздался невыразительный мужской голос:

– Предъявленный вами номер коммуникационного кредита недействителен. Пожалуйста, предъявите номер еще раз. С вами говорит автомат.

– Ая просто *не может* неверно предъявить номер, он записан у нее трижды, – сказал Зебби. – Должно быть, это сбой *у них* в системе. – С моей точки зрения это представлялось крайне маловероятным. – Папа, придется звонить с твоего номера.

– Попробуй с моего, Зебби, – предложила я. – С моим комкредитом все в порядке, у меня предепозит.

На этот раз ответил женский голос:

– ...Недействителен. Пожалуйста, предъявите номер еще раз. С вами говорит автомат.

Моему мужу ответил третий женский голос:

– ...Еще раз. С вами говорит автомат.

– У меня нет номера, – сказала Дити. – У нас с папой общий номер.

– Не важно, – мрачно сказал капитан Зебби. – Это не сбой. Нас вычеркнули. Мы – нелица.

Мы все мертвецы.

Я не стала спорить. Я заподозрила, что мы в раю, еще две недели назад, проснувшись подле своего нового ласкового мужа. Но когда мы превратились в мертвецов? С момента моей вечеринки? Или того раньше?

Мне было все равно. Наш рай оказался гораздо лучше того, о котором рассказывали в воскресной школе Терри Хота. Я, конечно, не бог весть какая грешница, но, безусловно, и не праведница. Из десяти заповедей я не раз нарушала шесть и более или менее обходила остальные. Но, должно быть, Моисею в свое время открылось не самое последнее слово Господа нашего – быть мертвой оказалось так странно и прекрасно... я наслаждалась каждым мгновением – или эоном, если хотите.

Глава тринадцатая

Находиться рядом с огненным шаром у меня нет ни малейшего желания: обычно это плохо кончается...

ЗЕБ:

Я у себя в машине и не могу из нее позвонить! В последний раз я испытывал такое унижительное бессилие очень давно, когда мне пришлось по ошибке провести ночь в кутузке (ошибка была моя собственная). Я чуть было не решил спуститься и позвонить с земли, но на землю что-то не хотелось. Там было что-то очень недружелюбное: даже если всех нас объявили мертвыми, не следовало так быстро аннулировать наши комкредитные карточки, ведь у всех нас были высокие кредитные рейтинги.

А уж Шельмин комкредит закрывать без доказательств ее смерти было и вовсе бессовестно: она же пользуется методом преддепозита.

Я пришел к выводу, что обязан доложить о происшедшем военным властям. Я связался по радио с НОРАД⁵³, назвал свое имя, воинское звание, номер резервиста, попросил дать мне код для сверхсрочных сообщений...

...И наткнулся на стандартную процедуру, от которой недолго нажать язву. Какой у меня уровень допуска? Почему я считаю, что у меня сверхсрочное сообщение? На каком основании я требую дать мне код? Известно ли мне, сколько ложных сообщений поступает в их службу в течение дня? Перестаньте пользоваться этой частотой, она предназначена только для служебных переговоров. Еще одно слово, и я вышлю за вами гражданский патруль.

Я произнес-таки еще одно слово, но уже после того, как отключился. Дити и ее отец никак не прореагировали; Хильда сказала: «Вот именно».

Я попробовал позвонить в штаб федеральных рейнджеров в Кейбабе, на озере Джейкоб, потом в штаб в Литтлфилде, потом опять в Кейбаб. Литтлфилд не отвечал; Кейбаб ответил:

– С вами говорит автомат. Текущие сообщения будут записаны на пленку, для производства записи дождитесь коротких гудков. Срочные сообщения следует направлять в главный штаб во Флагстаффе. Ожидайте коротких гудков, Бип... бип... бип... бип...

Я уже собирался приказать Ае передать мою запись в ускоренном режиме, но тут весь мир озарился самым ярким светом, какой только можно себе представить.

К счастью, мы летели на юг, и свет оказался позади нас. Я велел Ае втянуть крылья и перешел на сверхзвуковую скорость. Спутники мои глупых вопросов не задавали, хотя подозреваю, что никто из них раньше не видал ни огненного шара, ни грибовидного облака.

– Ая, умница.

– Я здесь, босс.

– Задача на счисление пути. Засечь пеленг на световой маяк за кормой. Определить расстояние до маяка радаром. Установить широту-долготу маяка. Сравнить с данными в постоянной памяти. Подтверди получение программы.

– Программа в действии.

– Выполняй.

– Есть, Зеб. Нет у тебя свеженького анекдотика, а? – Тут же Ая добавила: – Решение. Курс совпадает с курсом на точку, указанную программой «Ая Плутшишка, домой!». Расстояние идентично расстоянию до названной точки плюс-минус ноль целых шесть десятых километра.

– Ты умница, Ая.

⁵³ НОРАД (NORAD, North American Air Defense Command) – Объединенное командование ПВО североамериканского континента (США и Канады). – Примеч. С. В. Голд.

– Лесть открывает любые двери, Зеб. Конец связи.

– Понял, конец связи. Держитесь все, идем вверх. – Я успел уйти от взрывной волны, но мы находились неподалеку от мексиканской границы, и с обеих сторон в нас могли выпалить ракетами. – Второй пилот!

– Да, капитан.

– Уходим из этого пространства!

– Куда, капитан?

– Куда угодно. Быстро!

– Ох... Можно уменьшить ускорение? Я не могу поднять руки.

Обозвав себя мысленно скверным словом, я отключил двигатель, отправив Аю в свободный полет. Конечно же, нужно было смонтировать эти верньеры на подлокотниках кресел. (Некоторые конструкции на чертежах выглядят превосходно, а летчиков-испытателей убивают.)

– Смещение завершено, капитан.

– Понял вас, второй пилот. Спасибо. – Я посмотрел на пульт: шесть с лишним километров над землей, поднимаемся – давление низкое, но дышать можно. – Держи крепче наш завтрак, Шельма! – крикнул я и круто развернулся, взяв курс на север, по-прежнему с отключенным двигателем. Ае я велел сообщить, когда мы окажемся в трех километрах над поверхностью земли.

То, что соответствовало Фениксу в нашей Вселенной, виднелось справа; еще один город – Флагстафф? – был виден впереди, к северу и слегка к востоку. Мы направлялись домой. Никакого светящегося облака на горизонте не было.

– Джейк, где мы?

– Капитан, я никогда не был в этой вселенной. Мы сместились на десять квантов в положительном направлении по оси τ . Это пространство очень близко к нашему – всего десять минимальных интервалов или квантов.

– По-моему, Аризона как Аризона.

– Иначе и быть не может, капитан. Ты же помнишь: когда мы с Дити сместились по этой оси на один квант, то мир, в который мы попали, был так похож на наш, что мы не замечали никаких различий, пока она не взяла в руки словарь.

– Телефонную книгу, папа.

– Несущественно, дорогая. Пока она не обнаружила отсутствие буквы «J». Вряд ли можно ожидать, что смещение на десять квантов сколько-нибудь значительно изменит геологическую картину, а размещение городов в огромной мере диктуется географической средой.

– Приближаемся к трем километрам, босс.

– Спасибо, Ая. Курс и высоту над поверхностью – так держать. Поправка! Курс и высоту над уровнем моря – так держать. Подтверди и выполняй.

– Поняла, Зеб.

Я забыл, что впереди находится – или должен находиться – Большой каньон. «Умница» умна, но ум у нее буквальный. Она в точности выполнила бы приказание держать высоту над поверхностью и устроила бы нам такой аттракцион «американские горы», какого еще не бывало в истории. Она очень гибко приспосабливается, но закон «мусор на входе – мусор на выходе»⁵⁴ никто не отменял. У нее много страховочных приспособлений – поскольку я могу ошибиться. Ая не может: если она что-то делает не так, то это я виноват. А так как я делаю ошибки всю жизнь, то и пришлось ее снабдить страховками на все, что только могло прийти мне в голову. Но против лихачества у нее программы нет: напротив, она к нему сознательно при-

⁵⁴ Принцип информатики, означающий, что неверные данные приводят к неверному результату даже при правильном алгоритме обработки. – Примеч. С. В. Голд

учена. Молниеносные маневры спасли нам жизнь и две недели назад, и сегодня вечером. Находиться рядом с огненным шаром у меня нет ни малейшего желания: обычно это плохо кончается.

– Ая, карту, пожалуйста.

На дисплее появилась Аризона – *наша* Аризона: чужие вселенные в памяти Аи не хранятся. Я изменил курс так, чтобы пролететь над расположением Гнездышка – над его аналогом в этом пространстве-времени. (Почему я не командовал: «Ая *Плуттишка*, домой!», предоставляю желающим догадываться самостоятельно.)

– Дити, сколько минут назад взорвалась бомба?

– Шесть минут двадцать три секунды. Зебадия, это *действительно* была атомная бомба, да?

– Видимо, да, небольшая. Килотонны две. Ая Плуттишка!

– Я вся внимание, Зеб.

– Сообщи время, истекшее с момента определения расстояния до источника света.

– Пять минут сорок четыре секунды, Зеб.

– Неужели я так сильно ошиблась? – ахнула Дити.

– Нет, нет. Ты же сообщила время с момента вспышки. А я велел Ае определить расстояние только после того, как мы перешли на сверхзвук.

– Ну, тогда еще ничего.

– Капитан, – поинтересовался Джейк, – каким образом Ая измерила расстояние до атомного взрыва? Мне представлялось, что это невозможно из-за радиации. Может быть, она располагает неизвестным мне оборудованием?

– Второй пилот, она располагает многим, чего я тебе не показывал. Но намеренно я ничего не скрывал – ты же не скрывал от меня намеренно то оружие и боеприпасы, которые у тебя...

– Прошу прощения, сэр!

– Да ладно, Джейк. Мы оба ничего не скрывали, нам просто не до того было. Дити, сколько времени назад мы убили этого фальшивого рейнджера?

– Это было в семнадцать четырнадцать. Сейчас двадцать два двадцать. Пять часов шесть минут назад.

Я взглянул на приборную доску: на «внутренние часы» Дити не влияли никакие приключения. Часы Аи показывали 05:20 по Гринвичу с семичасовой поправкой на наш часовой пояс.

– Вот так пять часов. У меня такое ощущение, будто прошло пять месяцев. Нам нужен отпуск.

– Всецело за! – воскликнула Шельма.

– Договорились. Джейк, я понятия не имел, может ли Ая измерить расстояние до атомного взрыва. Я приказал ей определить пеленг на световой маяк за кормой, она выбрала самую яркую точку и запеленговала. Потом приказал замерить расстояние радаром. Я не знал, получится ли это, просто раскрутил свое молитвенное колесо и воззвал к Небу.

Получилось. Ей наверняка мешал белый шум на частоте ее радара, но потребовался бы *очень* сильный шум, чтобы она не смогла различить в нем эхо своих сигналов. Ей несомненно было трудно, потому что она дала «плюс-минус» в целых шестьсот метров. Тем не менее полученные данные оказались очень близки к координатам, заложенным в ее память, и стало ясно, что наш домик разбомбили. Это плохая новость. Но пришельцы опоздали и не сумели разбомбить *нас*. Это хорошая новость.

– Капитан, я не жалею о материальных потерях. Мы живы, остальное несущественно.

– Согласен – хотя ни в одном из своих пристанищ я не был так счастлив, как в Гнездышке. Но вот что плохо: теперь нам нечего и пытаться предупредить Землю – *нашу* Землю – о пришельцах. Взрыв уничтожил единственное доказательство: труп. А заодно и материалы,

которые ты хотел передать своему финскому другу. Может быть, мы теперь вообще уже не сможем вернуться домой.

– О, это не проблема, капитан. На установку верньеров требуется две секунды. Не говоря уж о рычаге мертвеца и программе в Аиной памяти.

– Джейк, не надо называть меня «капитаном», когда я не отдаю команд.

– Зеб, мне нравится называть тебя капитаном.

– И мне, и мне, мой капитан!

– И мне, капитан Зебби!

– Смотрите не перестарайтесь. Джейк, я не хотел сказать, что ты не сможешь доставить нас обратно: я имел в виду, что нам не следует идти на этот риск. Мы потеряли след пришельцев, но они-то знают, кто мы, и, к нашему огорчению, умеют узнавать, где мы. А я бы хотел дожить до того времени, когда наши детишки не только родятся, но и вырастут.

– Аминь! – сказала Шельма. – Вот пускай здесь они и растут. Из всех миллионов миллиардов земель эта может быть свободной от тварей. С высокой вероятностью.

– Хильда, милая, у нас нет никаких фактов, позволяющих предполагать *что бы то ни было*.

– Джейкоб, у нас есть *один* факт.

– Какой? О чем ты, дорогая?

– Мы знаем *наверняка*, что на нашей родной планете твари *есть*. И поэтому там я детей растить не собираюсь. Если это место нам не подходит, давайте искать другое.

– Гм... логично. Да. Капи... Зеб, как ты считаешь?

– Согласен. Но до утра мы вряд ли сможем сказать что-либо определенное. Джейк, мне не ясен один ключевой момент. Если мы сейчас переместимся на нашу собственную Землю, где мы окажемся? И *когда*?

– Папа, могу я ответить на этот вопрос?

– Давай, Дити.

– Когда мы с папой совершили смещение и оказались там, где нет буквы «J», мы сначала решили, что ничего не получилось. Папа оставался в машине и размышлял, что произошло. А я пошла в дом, хотела приготовить завтрак. Все выглядело как всегда. Но телефонная книга лежала в кухне на буфете, а ей там не место. У этой книги на обложке была карта зоны местной связи, и мне бросилось в глаза название «графство Джуаб» – «Juab County», только там было напечатано «luab», и я подумала: какая смешная опечатка! И тут я открыла книгу и увидела, что там вообще нет буквы «J». Я уронила книгу и побежала к папе.

– Я сперва решил, что с ней истерика. Потом посмотрел в какой-то словарь, в Британскую энциклопедию, и стало ясно, что надо уносить ноги.

– Ну так вот, Зебадия. Когда мы прибыли обратно, я ринулась в дом. Телефонная книга лежала где полагается. Алфавит был такой, как надо. Часы у меня в голове показывали, что мы отсутствовали двадцать семь минут. Часы в кухне это подтвердили, и часы в машине тоже. Ну как, ответила я тебе?

– Пожалуй, да. При смещении время просто идет себе, как обычно. Я должен был это уточнить, потому что мне хотелось бы обследовать эту воронку, после того как она остынет. А что было в тот раз, когда вы совершили вращение?

– Это уже не так легко сказать, Зебадия. Мы были в том пространстве-времени всего несколько секунд и оба потеряли сознание. Тут неопределенность.

– Охотно верю. Но скажи мне, Джейк, как обстоит дело с собственными движениями Земли? Вокруг своей оси, вокруг Солнца, относительно звезд и так далее.

– Теоретический ответ на этот вопрос требует математики, которая, по твоим же собственным словам, выходит за пределы твоих интересов, э-э... Зеб.

– За пределы моей компетенции, ты хочешь сказать.

– Как пожелаете, сэр. Путешествие в другое пространство и *другое время* – и *возвращение* назад – означает, что ты оказываешься там и тогда, *где и когда оказался бы, если бы не совершал* этого путешествия. Но понятие «когда» требует дальнейшего уточнения. Как мы с тобой выяснили, э-э... сегодня днем, хотя кажется, что это было гораздо раньше, мы можем настроить аппаратуру так, что вернемся на *какую угодно* ось в какой угодно точке с сохранением интервала. С целью перестройки планет. С любой другой целью. Включая возвращение в направлении, противоположном стреле энтропии. Правда, я подозреваю, что это приведет к смерти.

– Почему, папа? Разве дело не обойдется просто регрессией памяти?

– Память, дочь моя, сопряжена с возрастанием энтропии. Возможно, смерть более предпочтительна, чем амнезия вкупе с даром предвидения. Возможно, неопределенность как раз и есть тот фактор, который делает жизнь терпимой. Нас держит на плаву надежда. Капитан!

– Да, второй пилот.

– Мы только что прошли над северным краем каньона.

– Спасибо, второй пилот. – Я положил руки на штурвал.

– Папа, вон наш домик, целехонький. И свет горит.

– Вижу. Они там добавили еще одно крыло с западной стороны.

– Да. Помнишь, мы хотели устроить там библиотеку.

– Так, семья, – сказал я. – Ближе мы подходить не станем. Кажется, ваши аналоги в этом мире принимают гостей. Судя по огням, на посадочной площадке четыре машины. – Я повел Аю по кругу, довольно широкому. – Зависать не буду, это может привлечь внимание. Достаточно им позвонить в свою воздушную полицию – черт, я даже не знаю, говорят ли они по-английски.

– Капитан, мы видели все, что нам нужно. Это *не наш* дом.

– Какие будут предложения?

– Сэр, предлагаю подняться на максимальную высоту. Пока будем подниматься, обсудим, как быть.

– Ая Плутиска!

– Команда в сборе, капитан Ахав⁵⁵.

– Одно *g* вертикально вверх.

– Слушаюсь, сэр. – (Интересно, сколько ответов заложила в нее Дити?)

– Кто-нибудь хочет бутерброд? – поинтересовалась Шельма. – Я хочу, я будущая мать.

Я неожиданно осознал, что с обеда у меня не было во рту ни крошки, если не считать кусочка яблочного пирога. Так что мы тут же принялись подьедать остатки ужина.

– Эт Марш?

– Сначала проглоти, потом говори, Шельма.

– Зебби, ты тиран. Это Марс, я спрашиваю? Вон там.

– Это Антарес. Марс вон, смотри где – градусов на тридцать левее. Примерно того же цвета, что Антарес, только ярче.

– Вижу. Джейкоб, дорогой, давай устроим отпуск на Барсуме!

– Хильда, милая, Марс непригоден для жизни. Марсианская экспедиция пользовалась скафандрами. У нас скафандров нет.

– А если бы и были, – вставил я, – в скафандрах не очень-то насладишься медовым месяцем.

– Была какая-то такая песенка, – сказала Хильда, – про «Скафандр на двоих». Все равно хочу на Барсум! Джейкоб, ты же говорил, что можно попасть куда угодно за од-но мг-но-ве-ни-е.

– Можно.

⁵⁵ Капитан Ахав – герой романа Германа Мелвилла «Моби Дик». – Примеч. перев.

– Ну, так поехали на Барсум.

Я решил атаковать ее с фланга:

– Хильда, мы не можем поехать на Барсум. Морс Каяк и Джон Картер не захватили с собой клинки.

– Ты уверен? – с невинным видом спросила Дити.

– Что ты хочешь сказать?

– Сэр, я получила приказ отобрать груз для свободных емкостей. Кто заглянет в длинную узкую полость под пультом управления, обнаружит там и меч, и саблю вместе с портупеями. Все обернуто в белье и носки, чтоб не звякало.

– Принцесса, – с достоинством сказал я, – я чувствовал себя не вправе сокрушаться об утрате своего меча, когда твой отец так стоически воспринял утрату дома, – но спасибо тебе от всей души.

– И от меня спасибо, Дити. Мне очень дорога эта сабля, хоть она и бесполезна.

– Папа, сегодня днем она оказалась в *высшей степени* полезной.

– Ура! Мы едем, едем, едем на Барсум прямо щас!

– Капитан, до рассвета нам все равно нечего делать, мы действительно *могли бы* на минутку заскочить на Марс. Правда, нужно знать, на каком он сейчас расстоянии, а я не знаю.

– Ну, это просто, – сказал я. – Ая ежегодно заглатывает «Аэрокосмический альманах».

– Не может быть! Вот это да!

– Ая Плутиска!

– Опять ты? Не мешай думать.

– Подумай вот о чем. Вычислительная программа. Адрес исходных данных: «Аэрокосмический альманах». Непрерывно вычислять текущее расстояние по прямой до планеты Марс. Результаты сообщить по предъявлении запроса. Выполняй.

– Программа в действии.

– Сообщи результат.

– Километры два-два-четыре-ноль-девять-ноль-восемь-два-семь запятая плюс-минус девять-восемь-ноль.

– Текущие данные держать на дисплее.

Ая вывела цифры на дисплей.

– Ты умница, Ая.

– Я и карточные фокусы умею показывать. Программа выполняется.

– Ну и как мы будем это делать, Джейк?

– Совместим одну из пространственных осей с прицелом твоей пушки. Это самое простое.

– И правда. – Я прицелился в Марс, словно бы намереваясь сшибить его с неба... потом похолодел. – Джейк! Как бы мы с тобой не натворили чего не надо. По-моему, это расстояние между центрами тяжести. Давай-ка сдвинем прицел этак на полмила⁵⁶, тогда нам обеспечена безопасная дистанция. Сколько у нас тут будет половина углового мила? По-моему, чуть больше ста тысяч километров.

– Сто двенадцать тысяч, – уточнил Джейк, сверившись с дисплеем.

Я отклонил прицел на полмила.

– Второй пилот!

– Да, капитан.

– Приготовиться к перемещению. Выполнять.

По правому борту висел Марс во второй четверти, огромный, круглый, рыжий и прекрасный.

⁵⁶ Мил – одна тысячная дюйма. – Примеч. перев.

Глава четырнадцатая

Не волнуйся попусту и наслаждайся поездкой.

ДИТИ:

Тетя Хильда тихо промолвила:

– Барсум. Мертвые моря. Зеленые гиганты.

Я только ахнула.

– Марс, дорогая моя, – мягко поправил папа. – Барсум – это миф.

– Барсум, – твердо повторила она. – Никакой это не миф, *вот* же он. Кто сказал, что это Марс? Какие-то дурацкие римляне, которых давно на свете нет. Все названия должны быть местные. Барсум.

– Милая моя, здесь не может быть местных названий, их *некому* давать. Названия присваиваются международным комитетом под эгидой Гарвардской обсерватории. Он утвердил традиционное название.

– Еще чего! У них ничуть не больше прав давать названия, чем у меня. Верно, Дити?

По-моему, тетя Хильда была в чем-то права, но я предпочитаю не спорить с папой без крайней необходимости, он слишком заводится. Мне вовремя пришел на помощь муж:

– Второй пилот, астронавигационная задача. Как нам вычислить расстояние и вектор? Я бы хотел вывести наш фургон на орбиту, но Ая же не космический корабль, у меня нет приборов. Даже секстанта.

– Так... не все сразу, капитан. Кажется, мы пока что падаем не слишком быстро – мм...

– *В чем дело, Джейк?!*

Папа побледнел, pokrлся потом, стиснул челюсти, сглотнул, еще раз сглотнул. С трудом произнес:

– М-морская болезнь.

– Не морская, а космическая. *Дити!*

– Да, сэр!

– Аптечку, в спинке моего кресла. Открой, достань «бонин». Только одну пилюлю, смотри не рассыпь.

Я достала аптечку, нашла баночку с надписью «бонин». Одна лишняя пилюля все-таки выпала, но я перехватила ее в воздухе. Странная вещь невесомость: непонятно, то ли ты стоишь на голове, то ли тебя сносит вбок.

– Вот, капитан.

– Ничего, – сказал папа. – Это так. П-пройдет.

– Конечно, пройдет. Как ты, сам проглотить или мне впихнуть эту пилюлю тебе в пасть своей грязной лапой?

– Капитан... Без воды я ее не проглочу. И вообще, наверно, не проглочу.

– Воды не нужно. Раскуси ее, дружище. Вкусная, малиной отдает. Раскуси и глотай слюну. Ну, давай. – Зебадия ущипнул папу за нос. – Открывай рот.

Позади себя я услышала сдавленный звук. Тетя Хильда сидела с носовым платком у рта, из глаз ее текли слезы. Еще доля секунды, и в воздухе кабины поплыли бы использованные бутерброды и картофельный салат.

К счастью, чуть было не улетевшая пилюля все еще была у меня в руке. Тетя Хильда сопротивлялась, но куда там. Я проделала с ней то же, что мой муж проделал с ее мужем, и зажала ей рот рукой. Я-то морской болезни не подвержена, и от невесомости меня не тошнит: могу в любую качку расхаживать с бутербродом в одной руке и бокалом в другой, радуясь жизни.

Но кто подвержен, те действительно мучаются и слегка обалдевают. Так что я крепко зажала ей рот и шепнула на ухо:

– Разжуй ее, тетечка, или проглоти, а то я тебя сейчас здорово тресну.

Очень скоро я почувствовала, что она жует. Еще через несколько минут ей стало лучше.

– Ну что, – спросила я, – можно уже тебя отпустить? Не опасно?

Она кивнула. Я убрала руку. Она через силу улыбнулась и потрепала меня по руке:

– Спасибо, Дити. – И добавила: – Ты ведь не стала бы на самом деле бить тетю Шельму, правда?

– Еще как стала бы. Плакала бы, а лупила, плакала и лупила. Я рада, что не пришлось.

– Я тоже рада. Ну что, давай поцелуемся и помиримся – или, может, у меня изо рта плохо пахнет?

Изо рта у нее не пахло, но если бы и пахло, это меня не испугало бы. Я расстегнула ее и свой пристежные ремни и обвила ее обеими руками. Я знаю два способа целоваться: один я применяю, когда приглашаются на чай папины коллеги, другой – когда всерьез. Тут и речи не было о том, какой из них выбрать, – тетя Хильда, надо думать, просто не знала о существовании первого способа. Нет, изо рта у нее определенно не пахло – разве что малиной.

Я девушка бесхитростная, если бы не эта пара ширококостельных выпуклостей у меня на груди, то мужчины на меня и не смотрели бы. А Хильда – миниатюрная Мессалина, чистый секс в мелкой расфасовке. Вот ведь как смешно: пока растешь, как-то не верится, что взрослые, среди которых ты выросла, не просто особы разного пола, а – мужчины и женщины. И вот теперь оказывается, что мой папочка – ненасытный козел, а в тете Хильде, которая меня качала и пеленала, секса хватит на целый взвод морской пехоты.

Я оторвалась от нее с приятными мыслями о том, как я теперь буду учить своего мужа тому, чему только что научилась сама – если, конечно, Хильда не научила его этому раньше. Нет, похоже, что не научила, а то он обязательно научил бы *меня*, а он пока что такой виртуозности, как она, не проявлял. Ну, Зебадия, погоди, вот останемся одни!

Впрочем, в ближайшее время это нам не светило. Ая Плутиска чудо как удобна, но это же не отель для новобрачных. Позади меня за переборкой имелось кое-какое свободное пространство – нечто вроде телефонной будки, положенной набок, – где Зебадия держал спальный мешок и иногда (по его словам) в нем спал. Но сейчас там стоял искривитель пространства-времени и лежала тысяча разных вещей. Так что нам с Хильдой ничего не оставалось, как утихомирить наше главное желание до того времени, когда наши мужчины найдут нам пристанище на какой-нибудь планете в какой-нибудь вселенной, где-нибудь, когда-нибудь.

Пока я лечила тетю Хильду от болезненной реакции на невесомость, Марс-Барсум заметно увеличился в размерах. Мужчины обсуждали проблемы астронавигации.

– Извини, – говорил мой муж, – но дальность Аиного радара максимум тысяча километров. А ты говоришь, что мы сейчас примерно в сто раз дальше.

– Около того. Мы падаем на Марс. Капитан, ориентироваться надо методом триангуляции.

– Но у нас даже угломера нет!

– Гм... Позволено ли будет спросить, капитан: как ты только что вносил поправку в наш курс – помнишь, те полмила?

Мой возлюбленный смутился, словно школьник, которого ткнули носом в элементарную ошибку.

– Джейк, если ты будешь и дальше разговаривать со мной этим вежливым тоном, когда я делаю какую-нибудь глупость, то я выброшу тебя за борт и посажу на место второго пилота Дити. Нет, без тебя мы не сможем вернуться домой. Ладно, тогда подам в отставку и передам командование тебе.

– Зеб, капитан *не имеет права* подавать в отставку, пока его корабль находится в плавании. Это правило действует во всем мире.

– Здесь другой мир.

– Оно действует во всех мирах. Все, теперь тебе до конца дней придется его соблюдать. Так что займись триангуляцией.

– Ладно. – Зебадия уселся поудобнее и прильнул к окуляру. – Второй пилот, прошу записывать данные.

– Есть записывать данные, сэр.

– Черт!

– Что такое, капитан?

– Шкалы не хватает. Тут концентрические окружности с перекрестьем: вертикаль и горизонталь. Вернее, перпендикуляр и параллель к палубе. Они градуированы, но шкала всего в пятнадцать миль в каждую сторону. Когда я навожу перекрестье на центр Марса, то за пределами этой пятнадцатимильной окружности остается еще довольно широкая полоса. Придется прикинуть на глаз. Так: полоса примерно восемнадцать миль в ширину. Ну вот, умножь это на два и прибавь тридцать.

– Шестьдесят шесть миль.

– А в одном миле у нас тысяча. Строго говоря, тысяча восемнадцать с небольшим, но будем считать, что тысяча. Подожди-ка! У меня тут видны две четкие точки вблизи меридиана – если считать меридианом линию, соединяющую полярные шапки. Дай-ка я наклоню наш драндулет и проведу через них прямую, а потом мы слегка сменим курс и решим задачу за три шага, если за один не получается.

Я увидела, как «верхняя» полярная шапка, та, что побольше (северная? южная? я почему-то была уверена, что северная), медленно поворачивается градусов на восемьдесят (мой муж орудовал штурвалом).

– Двадцать девять и пять десятых... плюс восемнадцать и семь... плюс шестнадцать и три. Сложи.

– Шестьдесят четыре с половиной, – ответил мой отец. Я еще раньше произнесла «шесть четыре запятая пять», только не вслух, а про себя.

– Кто знает, какой диаметр Марса? Или Аю спросить?

– Примерно шесть тысяч семьсот пятьдесят километров, – откликнулась Хильда.

Для расчетов Зебадии эта «примерная» цифра была более чем достаточно точной.

– Шельма! Откуда ты знаешь *такие* вещи?

– Я читаю комиксы. «Зап! Полярис пропал!» и всякое такое.

– Извини, я комиксов не читаю.

– В комиксах куча интересного, Зебби. А разве в аэрокосмических войсках не применяются учебные пособия в форме комиксов?

У моего возлюбленного покраснели уши.

– Кое-какие применяются, – сказал он, – но там все выверено с точки зрения технической точности. Пожалуй, я лучше сверюсь с Аей.

Я люблю своего мужа, но бывают моменты, когда женщины должны стоять друг за друга.

– Не утруждай себя, Зебадия, – ледяным тоном сказала я. – Тетя Хильда не ошиблась. Полярный диаметр Марса – шесть семь пять два запятая восемь плюс. Но тебе для расчетов вполне хватит трех значащих цифр.

Зебадия ничего не ответил... но спрашивать у своего компьютера не стал. Вместо этого он сказал:

– Второй пилот, будь добр, просчитай расстояние на своем карманном калькуляторе. На такой дистанции можно считать его как тангенс.

Тут уж я молчать не стала. Меня возмутило удивление Зебадии по поводу того, что Хильда имеет какое-то понятие об астрономии.

– Наша высота над поверхностью планеты сто четыре тысячи шестьсот семьдесят два километра плюс-минус погрешность, заложенная в исходных данных. Это предполагая, что Марс сферичен, и не принимая во внимание краевой эффект... чем при качестве твоих данных вполне можно пренебречь.

Зебадия ответил так мягко, что я тут же пожалела о своем нахальстве:

– Спасибо, Дити. Ты не могла бы подсчитать, сколько времени займет свободное падение на поверхность из этой точки?

– Нужно интегрировать, сэр. Я могу дать приближенный результат, но Ая сделает это точнее и быстрее. Почему бы не спросить *ее*? Во всяком случае, свободное падение займет много часов.

– Жаль, я думал, вдруг это выход. Джейк, по-моему, у нас достаточно горючего, чтобы выйти на близкую орбиту... но кто же знает, где и когда мы сможем заправить Аю опять. Если мы станем просто падать, то испортится воздух и придется возвращаться с помощью аварийной кнопки или совершать какой-нибудь другой маневр, так и не увидев поверхность с близкого расстояния.

– Капитан, нельзя ли замерить диаметр еще раз? Мне кажется, мы не просто падаем.

Папа и Зебадия снова принялись за работу. Я больше к ним не приставала, и даже простейшие вычисления они делали с помощью Аи. Через некоторое время папа сказал:

– Более двадцати четырех километров в секунду! Капитан, при такой скорости мы окажемся там за час с небольшим.

– Не окажемся, мы смотаем удочки заранее. Но вы, милые дамы, успеете взглянуть на все поближе, раз вам так хочется. На мертвые моря и зеленых гигантов. Если таковые есть.

– Зебадия, двадцать четыре километра в секунду – это орбитальная скорость Марса.

Ответил на это мой отец:

– Что? Да, действительно! – Вид у него при этом был самый недоумевающий. Наконец он сказал: – Капитан, признаюсь: я совершил глупейшую ошибку.

– Надеюсь, она не помешает нам вернуться обратно?

– Не помешает, сэр. Но я еще не полностью освоился с особенностями нашего континуума. Капитан, мы целились не в Марс.

– Я знаю. Потому что я испугался.

– Никак нет, сэр, это была разумная предосторожность. *Мы целились в некую конкретную точку в пустом пространстве.* Мы в нее и переместились – но не в соответствии с собственным движением Марса. С движением Солнечной системы – это да. С вычетом движений Земли – это заложено в программу. Но сейчас мы находимся на орбите Марса слегка впереди него... так что он нас нагоняет.

– Означает ли это, что мы вообще не можем высадиться ни на одной планете, кроме Земли?

– Ни в коей мере. В программу можно включить любой вектор – и до, и после смещения либо вращения. Любые последующие изменения в движении учитываются инерциальным интегратором. Но теперь я знаю, что я еще очень многого не знаю.

– Джейк, это всегда так, даже когда учишься ездить на велосипеде. Не волнуйся попусту и наслаждайся поездкой. Смотри, вон какой вид!

– Послушай, это совсем не похоже на фотографии, привезенные Марсианской экспедицией.

– Конечно, не похоже, – сказала тетя Хильда. – Я же говорю, это не Марс, а Барсум.

Я хранила молчание. Со времени появления фотографий, сделанных доктором Саганом, каждый читатель «Нэшнл джиографик» – да каждый читатель чего бы то ни было – знает,

как выглядит Марс. Но когда требуется, чтобы мужчины что-то поняли, лучше предоставить им возможность самим приходить к решениям: тогда они делаются не такими бестолковыми. Эта надвигающаяся на нас планета, разумеется, *не была* Марсом нашего родного неба. Белые облака на полярных шапках, обширные зеленые зоны – скорее всего леса или плантации, большая темно-синяя зона – почти наверняка вода... все это на фоне рыжеватых тонов, занимавших большую часть планеты.

Чего тут не было, так это рваных гор, кратеров и каньонов «нашего» Марса. Горы были – но ничего похожего на известную науке «Чертову свалку». Я услышала, как Зебадия спрашивает:

– Второй пилот, а это точно Марс?

– Капитан, это Марс-десять, в положительном направлении по оси *tau*. Либо это так, либо я обитатель сумасшедшего дома.

– Не кипятись, Джейк. Эта планета не так похожа на Марс, как Земля-десять на Землю.

– Землю-десять мы видели далеко не всю и к тому же безлунной ночью.

– То есть ты хочешь сказать, что мы ее вообще не видели. Что ж, согласен.

– Я говорила вам, что это Барсум, – сказала тетя Хильда. – Вы не слушали.

– Хильда, приношу извинения. Второй пилот, прошу внести в судовой журнал: «Барсум».

Новая планета, названная по праву первооткрывательницы Хильдой Корнерс-Берроуз, научным сотрудником континуумохода «Ая Плутиска». Свидетельствуем: З. Дж. Картер, командир; Джейкоб Дж. Берроуз, заместитель командира; Д. Т. Б. Картер, э-э... астронавигатор. При первой возможности направлю заверенные копии в Гарвардскую обсерваторию.

– Я не астронавигатор, Зебадия!

– Бунт на корабле! Кто перепрограммировал эту небесную колымагу, чтобы превратить ее в континуумоход? Я пилот, пока не научил вас Аиным штучкам. Джейк – второй пилот, пока он не научил остальных обращаться с верньерами. Ты астронавигатор, потому что никто другой не владеет твоими навыками программирования и вычисления. Попрошу не возражать, сударыня, и не нарушать Закон Космоса. Шельма назначена научным сотрудником благодаря широте ее познаний. Она не только задолго до всех остальных поняла, что новая планета – не Марс, но еще и взрезала того двухколенного пришельца с мастерством прирожденного мясника. Верно, Джейк?

– Безусловно, – согласился папа.

– Капитан Зебби, – капризно протянула тетя Хильда, – я готова быть научным сотрудником, если ты приказываешь. Но можно я буду еще и судовым коком? И юнгой.

– Вне всякого сомнения. Нам всем придется носить не одну шляпу, а несколько. Попрошу занести в судовой журнал, второй пилот:

Так выпьем за нашу веселую юнгу,
За бравую нашу кадетку...

– Не вздумай продолжать, Зебби, – вмешалась тетя Хильда. – Я чувствую, куда это ведет.

– ...Она режет тварей ланцетом,
Дарует названия планетам
И всех ослепляет своей красотой.

– Это не классическая версия, – задумчиво сказала тетя Хильда, – но тебе удастся насыщение традиционных форм новым содержанием. Получается гораздо глубже и теплее. Правда, в последней строке ты съехал с размера.

– Шельма, милая, ты знаешь кто? Ты флокцинавцинигилипилификатриса⁵⁷.

– Это комплимент?

– Несомненно! Это означает, что от твоего стервозно-острого взгляда не укроется ни одна погрешность.

Я ничего не сказала. В принципе не исключалось, что Зебадия и правда выдал это в порядке комплимента. Хотя, конечно...

– Пожалуй, я лучше загляну в словарь.

– Безусловно, дорогая, – только после того, как сдашь вахту.

Я успокоилась. На борту у нас был только «Мерриамм» на микрофильмах, а такое словечко тете Хильде не найти и в Большом Оксфордском словаре.

– Это внесено в судовой журнал, второй пилот?

– Капитан, я не знала, что у нас *есть* судовой журнал.

– Нет *журнала*? Даже у Вандердекена был журнал. Дити, судовой журнал по твоей части. Возьми заметки своего отца, позаимствуй, что потребуется, у Аи, и пусть у нас на корабле все будет честь по чести. Как только очутимся возле ближайшего магазина, купим настоящий журнал, и ты все перепишешь – пока что это черновые записи.

– Есть, сэр. Ты тиран.

– «Вы тиран, сэр». Извольте обращаться по уставу. А теперь прильнем к окулярам и постараемся обнаружить живописных экзотических туземцев в живописных экзотических нарядах, расппевающих живописные экзотические песни и тянущих живописные экзотические руки за бакшишем. Первый, кто обнаружит признаки разумной жизни, отправится мыть посуду.

⁵⁷ От латинских слов *flossus* (пушинка), *paicit* (скорлупка), *nihil* (ничто), *pilus* (волос), *facere* (делать), т. е., очевидно, «та, кто не упустит ни одну пушинку, скорлупку и волосок». – *Примеч. перев.*

Глава пятнадцатая

Мы шмякнемся с такой силой, что даже ничего не заметим.

ХИЛЬДА:

Я была так польщена, что капитан Зебби приписал мне честь «открытия» Барсума, что притворилась, будто не поняла шпильки, припасенной им под конец. Вряд ли такое никому не нужное слово могло быть известно Дити, да и моему дорогому Джейкобу тоже. Со стороны Зеба было очень мило, что он во всем мне уступал, как только понял, что эта планета не идентична своему аналогу в «нашей» Вселенной. Зебби чудак – он напяливает грубые манеры, как страшную маску в День Всех Святых, потому что боится: вдруг кто-нибудь обнаружит, что в душе-то он истинный Галахад⁵⁸.

Я прекрасно знала, что «мой» Барсум – вовсе не та планета, что фигурирует в старых романтических историях. Но есть же прецеденты: первая ядерная субмарина была названа в честь вымышленного подводного корабля из книг Жюль Верна; знаменитый авианосец Второй мировой войны получил название «Шангри Ла», то есть имя такой же несуществующей страны, как «Иерихон»; первый космический грузовик унаследовал имя звездного корабля, существовавшего только в сердцах миллионов любителей фантастики, – список неисчерпаем. Природа подражает искусству.

Или, как сказала Дити: истина более фантастична, чем реальность.

В течение того часа Барсум прямо-таки мчался на нас. Он все рос и рос, так что вскоре окуляры стали только мешать, – и вместе с ним рос мой детский восторг. Мы с Дити отстегнули ремни, чтобы лучше видеть, и плавали в воздухе чуть «выше» и позади наших мужей, держась для надежности за спинки их кресел.

Планета предстала перед нами во второй четверти, одна ее половина была погружена во тьму, другая залита солнцем: охра, умбра, оливковый, коричневый – все ужасно красиво.

⁵⁸ Галахад – рыцарь Круглого стола в Артурианских легендах, сын Ланселота Озерного и дочери короля Пеллеса; как самый чистый душой из всех рыцарей, он единственный, кто преуспел в поисках святого Грааля (в ранних легендах Грааль отыскал Персифаль, но в XIII в. эту честь передали Галахаду). – *Примеч. перев.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.